

V

26
44

26
44

Н. Янчукъ.

801-87
8924-4

ПО МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году).

МОСКВА.

Типографія А. Левенсонъ и К^о. Петровка, Рахмановскій пер., домъ Левенсонъ.

1889.

№ 1824. «Труды Император. Академии
Имп. Общ. наук. Естествен., Истор. и Император.
при Имп. университете».

2007088017

26
44

Многу вѣстаселому Николаю Ильичу
Смирновскому

ст. в. в. в. в.

По Минской губ. (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 г.).

I.

Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Расконки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ Бѣлоруссіи.

Бѣлоруссія, эта настоящая падчерица въ семьѣ славянскихъ народностей, много потерпѣвшая отъ судьбы-мачехи, и до сихъ поръ остается какимъ-то забытымъ, заброшеннымъ краемъ, никого не интересующимъ и какъ будто не заслуживающимъ вниманія. Не говоримъ уже о вопросахъ, касающихся администраціи, экономическаго положенія бѣлорускаго народа, судовъ, народнаго образованія и т. п.: это вопросы такого рода, что ими не всегда удобно заниматься. Но удивительно, что даже отвлеченная наука, свободная отъ всякихъ злобъ дня и не могущая никого обидѣть и задѣть за живое, сторонится этого края. Мы не знаемъ языка бѣлоруссовъ, не смотря на то, что чуть-ли не десятки молодыхъ лѣтъ тратимъ на изученіе лингвистическихъ тонкостей мертвыхъ языковъ и даже начинаемъ охотно изучать „всякіе волапуки“; мы не знаемъ міросозерцанія бѣлорусса, его религіозныхъ воззрѣній, его взглядовъ на семейныя и родовыя отношенія, хотя беремъ широко трактовать о какой-то народной религіи, о народномъ правѣ, нерѣдко навязывая нашему народу такія мысли и взгляды, отъ которыхъ истинный представитель народа отрещивался-бы объими руками.

Если весь народъ вообще представляется намъ, такимъ образомъ, какою-то жалкою единицею, которою всякій считаетъ себя въ правѣ помыкать, вовсе не зная ея, то еще болѣе незавидна роль отдѣльныхъ частей этого народа, отличающихся своими спеціальными особенностями быта, языка и характера. Теоретическія разглагольствованія людей, берущихся рѣшать общіе вопросы на народной подкладкѣ, къ сожалѣнію, мало помогаютъ дѣлу настоящаго изученія народной жизни какъ внѣшней, такъ и духовной, и самый этотъ народъ такъ и остается для насъ какою-то неопредѣленною величиною, какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ. А что касается въ частности Бѣлоруссіи, то мы, кажется, не далеко ушли отъ того времени, когда греки, эти носители цивилизаціи, были убѣждены, что всякій бѣлоруссъ обязательно долженъ одинъ разъ въ годъ пробѣгать извѣстное время по лѣсамъ въ видѣ волка. Мы и теперь готовы представлять себѣ бѣлорусса какимъ-то полудикаремъ, полувѣремъ, живущимъ въ лѣсу, и только наука, только правильное, систематическое изученіе типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, въ которой онъ живетъ, можетъ пролить истинный свѣтъ на эту темную страницу нашего народовѣдѣнія и позволить со временемъ сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія.

Но гдѣ-же эта наука и каковы ея силы? Силь много, но наука въ этомъ смыслѣ покамѣстъ только въ зародышѣ. При отсутствіи систематичности, силы эти дѣйствуютъ крайне разрозненно, а кромѣ того, такъ какъ нѣтъ вѣрнаго руководствующаго начала, нѣтъ основательнаго знакомства съ требованіями положительной науки, то почти каждый, ктобы ни взялся трактовать о народности, осмѣливается считать только себя авторитетомъ въ разбираемомъ имъ вопросѣ, выставятъ только свое мнѣніе справедливымъ. Бѣлоруссію изучаютъ и изучали давно и русскіе изслѣдователи, и

польскіе, но всѣ эти труды такъ разбросаны, что рѣдко одинъ изслѣдователь знаетъ то, что сдѣлано другимъ въ той-же области, а человѣку, принимающемуся вновь за изученіе этого края, приходится тратить много времени на разысканіе этихъ крохъ, что притомъ не всегда оказывается возможнымъ. Кромѣ того, имѣющийся на лицо матеріалъ не всегда надеженъ, такъ какъ, во-первыхъ, собиратели его не всегда имѣли должную подготовку къ этому дѣлу, а во-вторыхъ, они часто приступали къ изученію этого края съ предвзятыми мыслями, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, національныхъ предубѣжденій, вражды и шовинизма, который такъ не присталъ людямъ науки. Еще въ 1840 г. была издана, на примѣръ, интересная книжечка на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Białoruś“, но авторъ ея, эмигрантъ А. Рышинскій, такъ глубоко ненавидитъ все русское, что эта ненависть доходитъ иногда до смѣшного, и сквозь призму этой ненависти онъ представляетъ многое въ ложномъ свѣтѣ, глубоко вѣруя, что бѣлоруссы и поляки — одно, что Бѣлоруссія никогда не была русскимъ краемъ и не должна считаться таковымъ. Съ другой стороны, наши изслѣдователи доходятъ до противоположной крайности: когда дѣло коснется культурнаго вліянія Польши на Бѣлоруссію, они всегда стараются кстати или некстати выразить всю свою неприемлимую ненависть и вражду ко всему польскому даже въ такихъ мелочахъ, которыя кажутся смѣшными, и, какъ будто желая вычеркнуть изъ исторіи Бѣлоруссии цѣлые вѣка, стремятся представить бѣлоруссовъ не только болѣе русскими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, но даже болѣе, чѣмъ какими они могутъ быть. Однимъ словомъ, почти на всѣхъ трудахъ, касающихся изученія Бѣлоруссии, лежитъ печать отрывочности, случайности, научной несостоятельности, или же, что еще хуже, печать тенденціозности, мѣшающей

вѣрно смотрѣть на дѣло какъ самому автору, такъ и читателю.

Остается послѣдняя надеждана болѣе безпристрастные авторитеты, именно на ученыя общества; наступила ихъ очередь ввести порядокъ въ томъ хаосѣ, какой представляетъ собою нынѣшнее состояніе изученія того края, о которомъ мы говоримъ; имъ слѣдуетъ постараться поставить дѣло на должную почву и взять на себя руководство надъ разрозненными учеными силами. Мы не станемъ подробно говорить, въ чемъ должно состоять это вмѣшательство ученыхъ обществъ; необходимость этого вмѣшательства и тѣ пути, по какимъ должно идти настоящее научное изученіе народности, ясно указаны людьми авторитетными и болѣе насъ компетентными, напр. А. Н. Пыпинымъ въ его недавнихъ статьяхъ о задачахъ русской этнографіи ¹⁾. Вы спросите: какія-же именно эти общества? Главный очагъ нашей этнографической науки — петербургское Русское Географическое Общество; его задача — изученіе отдѣльныхъ странъ Россіи въ физическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, надо признаться, что для изученія Бѣлоруссіи имъ сдѣлано весьма немного. Въ прежнее время появлялись довольно цѣнные работы о Бѣлоруссіи въ изданіяхъ этого общества, напр. о Виленской и Гродненской губерніяхъ; но, на сколько извѣстно, въ этихъ трудахъ участвовала болѣе инициатива частныхъ лицъ, принимавшихся за изученіе края, чѣмъ инициатива самого общества. Въ послѣднее время труды П. В. Шейна тоже являются, такъ сказать, счастливою случайностью и результатомъ неутомимой личной энергіи собирателя. Изъ всего этого нельзя усмотрѣть, чтобы Геогр. Общ. задавалось какимъ-нибудь болѣе широкимъ планомъ всесторонняго изученія Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, если бы была сна-

---

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1885 г. Апрель и Май.

ряжена въ этотъ край ученая экспедиція, она убѣдила бы всѣхъ, что онъ представляется совершенно нетро-нутымъ наукою.

Есть еще въ Москвѣ младшее ученое Общество, состоящее при университетѣ; это Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Въ этомъ Обществѣ давно уже ясно сознавалась необходимость подвергнуть изученію обитателей Бѣлоруссіи съ антропологической и этнографической стороны. Но при всемъ искреннемъ желаніи пополнить сколько нибудь этотъ пробѣлъ въ отечественной наукѣ, Обществу не всегда оказывается возможнымъ приводить въ исполненіе свои планы въ виду скудости матеріальныхъ средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи; а всякія экспедиціи и экскурсіи сопряжены прежде всего съ большими денежными затратами: и есть кого послать, да не на что.

Въ 1886 году, благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ начинаніямъ Общества, ему оказалось возможнымъ сдѣлать попытку командировать двухъ своихъ членовъ, К. Н. Икова и меня, на лѣтнее время въ Бѣлоруссію.

Цѣль этой поѣздки была двоякая: антропологическая и этнографическая. Съ одной стороны, имѣлось въ виду изученіе типа бѣлорусской народности, ея особенностей въ физическомъ строеніи; съ другой стороны, хотѣлось при случаѣ пополнить запасъ свѣдѣній относительно народнаго быта бѣлоруссовъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, міровоззрѣнія, а также языка, что достигается личнымъ ознакомленіемъ съ разговорнымъ языкомъ, а равно какъ точнымъ записываніемъ пѣсенъ, повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Для первой цѣли нужно было, во-первыхъ, собрать сколько удастся антропометрическихъ свѣдѣній, иначе говоря, произвести подробныя измѣренія головы, лица и всего тѣла бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ и въ различныхъ

мѣстностяхъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы касательно типа нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Но подобныя данныя, добытыя изъ наблюденій надъ современными жителями страны, не всегда позволяютъ заключать отъ настоящаго къ прошедшему. Мы не можемъ быть увѣрены, что современный типъ бѣлорусса есть его исконный типъ; скорѣе онъ представляетъ собою результатъ многихъ смѣшеній и перерожденій. Въ какой степени и какъ именно происходили послѣдовательныя измѣненія типа подъ влияніемъ вѣковыхъ историческихъ и бытовыхъ условій, — объ этомъ могли бы намъ сказать только прежніе обитатели Бѣлоруссіи, но ихъ не вызовешь изъ могилы и не поставишь живьемъ подъ аршинъ или измѣрительный циркуль. Остались отъ нихъ только черепа и нѣкоторыя другія полусгнившія кости въ могилахъ и курганахъ, которые повсемѣстно въ Бѣлоруссіи встаютъ мрачно передъ нашими глазами, напоминая о быломъ. Наука осмѣливается заглянуть своимъ испытующимъ окомъ внутрь этихъ могилъ и потревожить покой ихъ обитателей. Черепа и костяки она подвергаетъ своему изслѣдованію, и хотя по мертвой головѣ нельзя судить ни о цвѣтѣ глазъ, ни о характерѣ и цвѣтѣ волосъ того, кому она принадлежала, что представляется перво-степенною важною при опредѣленіи типа, тѣмъ не менѣе измѣренія череповъ, добытыхъ изъ старыхъ кургановъ и изъ старинныхъ, завѣдомо бѣлорусскихъ кладбищъ, могутъ дать весьма важныя антропологическія свѣдѣнія относительно исторіи бѣлорусскаго типа, въ сравненіи съ типами другихъ народностей.

Для антропологической науки бѣлоруссъ представляется чрезвычайно важнымъ. Во первыхъ, является вопросъ: кто такіе бѣлоруссы въ самомъ своемъ основаніи? къ какому племени, къ какой народности принадлежали отдаленные предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, совсѣмъ исчезнушіе съ лица земли? Высказывалось

даже сомнѣніе, дѣйствительно-ли бѣлоруссы чистые славяне по своему происхожденію и нѣтъ-ли въ нихъ примѣси иноплеменной крови, сказывающейся и въ настоящее время въ косыхъ глазахъ и въ большихъ скулахъ. Кромѣ этого принципиальнаго вопроса, важно также историческое перерожденіе типа. Бѣлоруссы съ незапамятныхъ временъ поставлены судьбою на пути между разными народностями: великоруссами, малоруссами, поляками, литовцами; отсюда понятно, что въ теченіе вѣковъ они претерпѣвали самыя разнообразныя вліянія и смѣшенія. Слѣдить за всѣми этими измѣненіями значитъ уяснять себѣ причины и условія образованія видоизмѣненныхъ, такъ сказать, вторичныхъ и третичныхъ типовъ и наблюдать законы примѣненія, приспособленія основнаго типа къ извѣстнымъ условіямъ, представляемымъ исторіею и культурою.

Безъ сомнѣнія, задача, изложенная нами, слишкомъ обширна и слишкомъ трудна, что-бы она могла быть легко и скоро рѣшена. Поэтому, благоразумный читатель не станетъ тотчасъ требовать отъ насъ отвѣта на затронутые нами вопросы. Для рѣшенія каждаго болѣе или менѣе сложнаго вопроса необходимо прежде всего возможно больше данныхъ, а ихъ-то у насъ и нѣтъ еще въ достаточномъ количествѣ. Для собиранія необходимаго матеріала нужно немало времени, а за собираніемъ данныхъ должна далѣе слѣдовать ихъ разработка, для которой тоже требуются не мѣсяцы, а годы и десятки лѣтъ. Для примѣра возьмемъ хоть вопросъ о языкѣ. Образцы бѣлорусской рѣчи стали записываться еще съ начала сороковыхъ годовъ, въ видѣ пѣсенъ, загадокъ и т. п., а между тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ основательныхъ изслѣдованій въ области этого языка. Недавно появился интересный трудъ г. Карскаго о бѣлорусскомъ нарѣчій, но и этотъ опытъ, при всей его научности, далеко не исчерпываетъ воп-

роса. Этнографических свѣдѣній точно также собиралось и записывалось довольно много въ Бѣлоруссіи, но всѣ они недостаточны для того, чтобы можно было по нимъ нарисовать полную картину народнаго быта, чѣмъ и объясняется отсутствіе такихъ общихъ очерковъ, касающихся всей Бѣлоруссіи. Можно развѣ упомянуть прекрасные очерки знатока этого края, покойнаго А. Киркора, помѣщенные въ „Живописной Россіи“ (т. 3), изящно изданной Вольфомъ; но они имѣютъ болѣе популярный, чѣмъ чисто научный характеръ, такъ какъ предназначались для болѣе широкаго круга читателей. Новѣйшіе „Матеріалы“ П. В. Шейна задуманы по довольно широкому плану, но въ программу этого изданія, повидимому не входитъ внѣшній бытъ бѣлоруссовъ. Археологія края также довольно усердно съ давнихъ поръ разрабатывается мѣстными учеными и любителями, и по этой части есть хорошия работы на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Археологическія разысканія продолжаются и до сихъ поръ, и съ результатами ихъ можно отчасти ознакомиться не только по ученымъ изслѣдованіямъ, но и по тѣмъ коллекціямъ, которыя имѣются у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а также въ разныхъ музеяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, какъ напр. при губернскихъ статистическихъ комитетахъ, въ особенности же въ виленскомъ музеѣ древностей. При всемъ томъ и въ этой области, можно сказать, сдѣлано только начало. Еще въ болѣе заброшенномъ состояніи находится антропологія бѣлоруссовъ, тѣмъ болѣе, что эта наука и вообще очень молода у насъ въ Россіи. Если по другимъ отраслямъ науки относительно Бѣлоруссіи дѣлаются даже попытки нѣкоторыхъ обобщеній, подведенія итоговъ собранныхъ данныхъ, то по части антропологіи не можетъ быть объ этомъ и рѣчи: не чему подводить итоговъ. Всѣ данныя по вопросу о Бѣлоруссіи, какими располагаетъ антропологическій отдѣлъ московскаго Общества

Любителей Естествознанія, ограничиваются чуть-ли не нѣсколькими десятками череповъ, добытыхъ двумя—тремя мѣстными изслѣдователями при археологическихъ раскопкахъ въ Минской губ. и присланныхъ гр. К. Тышкевичемъ и Р. Игнатьевымъ на бывшую въ Москвѣ въ 1879 г. антропологическую выставку. Въ нынѣшнемъ году Минскій Губернскій Статистическій Комитетъ предоставилъ въ распоряженіе Общества около 30 череповъ, добытыхъ при раскопкахъ въ послѣднее время Г. Татуромъ и другими. Благодаря этому, хотя нѣсколько пополнятся необходимыя данныя по краниологіи бѣлоруссовъ. Но краниологія непременно должна идти рука объ руку съ антропометріею, т. е. съ точнымъ измѣреніемъ живыхъ субъектовъ, а въ этомъ отношеніи для Бѣлоруссіи до сихъ поръ ничего не было сдѣлано.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду крайней скудости свѣдѣній, касающихся бѣлорусскаго края и его жителей, нужно дорожить всякими, даже самыми ничтожными свѣдѣніями, какія при удобныхъ обстоятельствахъ удастся получить. Только подъ этимъ условіемъ я и рѣшаюсь говорить о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ во время моей командировки, которая, замѣчу кстати, продолжалась весьма короткое время, всего одинъ мѣсяць.

Скажу прежде всего о произведенныхъ мною раскопкахъ. Первую болѣе продолжительную остановку я сдѣлалъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ Юревичской волости. Тамъ, на берегу рѣчки Усы, подъ лѣсомъ есть урочище подъ названіемъ Городище, а при немъ курганы. Оно представляетъ изъ себя довольно большой окопъ, съ одной стороны круто спускающійся къ рѣчкѣ, имѣющій въ своемъ валѣ два входа или вѣзда съ востока и запада и окруженный рвомъ. Внутренняя его площадь была нѣкогда заросшая лѣсомъ, но крестьяне, поселенные помѣщикомъ на Городищѣ, срубили

лѣсъ, землю вспахали, въ валу настроили погребовъ; курганы также большею частью распаханы. При паханіи площади городища, по рассказамъ, находили нѣмецкія монеты первой половины XVIII в., большія, довольно оригинальныя стальные шпоры, черепки посуды толщиною въ палецъ и притомъ иногда съ признаками лѣпки безъ помощи гончарнаго станка, наконецъ, много желѣзнаго нагара, по мѣстному „дзындры“, и еще какія-то вещицы — небольшіе, немного сплюснутые шарики изъ обожженной глины, въ родѣ огромныхъ бусъ, съ дырой посрединѣ. Изъ этого видно, что здѣсь остались слѣды разныхъ эпохъ, какъ болѣе древняго, такъ и болѣе поздняго времени. Въ особенности загадочны эти шарики. Ихъ находили изслѣдователи и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи, напр. въ Витебской губ., и по поводу ихъ были высказываемы различныя мнѣнія: одни видѣли въ нихъ принадлежности рыболовныхъ сѣтей, что врядъ-ли вѣроятно, такъ какъ шарики слишкомъ легки; другіе считали ихъ принадлежностью наряда языческихъ жрецовъ, а можетъ быть и простыхъ смертныхъ, на подобіе того, какъ теперь цыгане увѣшиваютъ себя разными костяными, мѣдными, желѣзными шариками, бубенцами. Что-бы не захватывать слишкомъ отдаленныхъ временъ, во всякомъ случаѣ лучше предположимъ, что эти вещицы имѣли какое то назначеніе въ обыденномъ, домашнемъ быту; можетъ быть, ихъ вѣшали на шею животнымъ для украшенія или для отпугиванія; быть можетъ, подобные шарики разныхъ величинъ служили для счета. Какъ бы то ни было, разъ существовала довольно хлопотливая ихъ выдѣлка, они должны были составлять какой-то предметъ необходимости; при томъ, такъ какъ и старики - крестьяне не знаютъ и не помнятъ ихъ примѣненія, то эти вещи все-таки довольно древнія. Мѣстный священникъ, почетный старичекъ, прожившій едва-ли не все время своего священства на этомъ приходѣ, настаиваетъ на

томъ убѣжденіи, что, по народному преданію, на мѣстѣ Городища нѣкогда было языческое капище; то-же самое, вѣроятно, по догадкѣ батюшки, утверждаютъ и крестьяне. Впрочемъ, у нихъ есть и другое преданіе, повидимому, удачнѣе объясняющее происхождение и назначеніе Городища. Умершій лѣтъ 10 тому назадъ въ глубокой старости крестьянинъ Ковганъ рассказывалъ, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, будто окопъ на Городищѣ устроенъ былъ какимъ-то княземъ *Мечеємъ*, который защищался въ немъ вмѣстѣ съ своею дружиною противъ другого князя, но не устоялъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Объ этомъ событіи прежде была извѣстна даже пѣсня, но теперь ея никто не знаетъ и самъ Ковганъ помнилъ только ея начало:

„Якъ узяли Мечееньку
Коло Новой Нивы“...

Новая Нива — ближайшая деревня. Кто же такой этотъ Мечей и съ кѣмъ онъ воевалъ, достовѣрно нельзя сказать. Можетъ быть, онъ даже не былъ владѣтельнымъ княземъ, а только простымъ предводителемъ извѣстнаго отряда, превратившимся въ народномъ преданіи въ князя. Хотя, съ другой стороны, малоли было русскихъ и литовскихъ князей и князьковъ, имена которыхъ не записаны на страницахъ исторіи? Всѣ они когда то жили и дѣйствовали, воевали и мирились, а мы ничего не знаемъ о ихъ жизни. Жители мѣстностей, ознаменованныхъ ихъ дѣятельностью, хранили нѣкоторое время въ своемъ преданіи ихъ имена, но мало по малу и этотъ источникъ исторіи изсякъ, прежде чѣмъ какой-нибудь ученый успѣлъ имъ воспользоваться. И сколько такихъ преданій гибнетъ безвозвратно!... Съ своей стороны, я бы предложилъ догадку, не скрывается ли подъ Мечеємъ какой-нибудь Мечи-славъ, или-же украинскій Нечай. Раскопки самага Го

родища, можетъ быть, бросили-бы какой нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ; но для этой работы у меня не было достаточно средствъ, и притомъ не хотѣлось вводить въ убытокъ крестьянъ, засѣявшихъ площадь Городища.

Я долженъ былъ ограничиться раскопкою вблизи лежащихъ кургановъ; три изъ нихъ были у самага Городища, еще два - три—въ лѣсу, наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ распаханы. Что они довольно стары, видно хотя-бы изъ того, что на нихъ уже успѣли отжить свой вѣкъ такія долголѣтнія деревья, какъ дубъ. Курганы были довольно большіе, съ опавшими вершинами: всѣ насыпи изъ песку и окружены рвами. Интересно, какъ сами крестьяне объясняютъ происхождение кургановъ, или „кощовъ“, какъ ихъ называютъ бѣлоруссы Минской губерніи. Большинство кургановъ, по мнѣнію народа, осталось отъ разныхъ войнъ, и въ нихъ зарыты тѣла убитыхъ воиновъ; но есть и такіе курганы, которые сыпались и въ мирное время надъ тѣлами отдѣльных умершихъ. Въ старину, говорятъ крестьяне, когда наши прапрадѣды были еще некрещеные, если кто умиралъ, то при его похоронахъ каждый родственникъ былъ обязанъ принести на его могилу подоль земли; потомъ, каждый годъ, когда совершались поминки, повторялось тоже самое, и такъ длилось черезъ нѣсколько поколѣній, пока память объ умершемъ не успѣла загладиться. Чѣмъ больше было у покойнаго родственниковъ, тѣмъ больше выходилъ курганъ; этимъ и объясняетъ народъ различіе въ величинѣ кургановъ. Когда умиралъ великій панъ или князь, то указанная обязанность лежала не только на родственникахъ, но и на всѣхъ ему подвластныхъ; отсюда, чѣмъ богаче и знатнѣе былъ умершій, тѣмъ большій курганъ насыпался на немъ, и въ этомъ другая причина различія въ величинѣ кургановъ. Во всемъ этомъ есть значительная доля правды; по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно,

что почетныхъ и богатыхъ покойниковъ очень часто отличали большими курганами въ то время, когда эти насыпи были единственными памятниками славы предковъ. Что-же касается вышеупомянутаго обычая поминанiя съ присыпанiемъ, то очень вѣроятно, что онъ также существовалъ въ той или другой формѣ, и этимъ, можетъ быть, объясняются въ иныхъ случаяхъ разные слои земли въ могильныхъ насыпяхъ. И теперь бѣлоруссы черезъ годъ послѣ чьей-нибудь смерти совершаютъ такъ называемыя „прикладины“ т. е. кладутъ на могилу доску, иногда съ выгибомъ, чтобы она обхватывала могилу, какъ сѣдло, что, можетъ быть, находится въ связи съ предполагаемымъ обычаемъ присыпанiя.

Всѣ эти рассказы о курганахъ и о самомъ Городищѣ еще болѣе подстрекали мое любопытство, и я разрылъ три кургана. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному человѣческому скелету, чему крестьяне не мало дивились: они были увѣрены, что это курганы отъ какой-нибудь войны и что въ каждомъ зарыто нѣсколько человѣкъ. Давность кургановъ доказывается уже тѣмъ, что при костяхъ не осталось и признаковъ одежды или амуниціи и даже самыя кости уже начали перегнивать; а кромѣ того на давность указываетъ и способъ погребенiя. Всѣ покойники были, очевидно, положены прямо на землю безъ всякаго углубленiя, головою къ юго-западу, и прикрыты досками, а за тѣмъ уже на нихъ насыпались курганы. Что доски были положены только сверху, ясно изъ того, что снизу къ костямъ прямо прилегаль чистый песокъ, а сверху и между костями былъ рыжеватый слой отъ истлѣвшаго дерева и одежды. Всѣ кости оказались приблизительно въ одинаковомъ состоянiи, и на основанiи этого можно бы заключить, что всѣ три покойника были погребены приблизительно въ одно время. Если это такъ, то скорѣе всего эти курганы остались отъ какой-нибудь бит-

вы, и такъ какъ остальные курганы давно распаханы, — вѣроятно потому, что были меньшихъ размѣровъ, — то эти, оставшіеся въ цѣлости, должны бы обозначать могилы болѣе важныхъ лицъ, напр. полководцевъ. Странно только одно, что въ курганахъ не оказалось никакого оружія, кромѣ остатка небольшого ножа съ костяной ручкой; кромѣ этого, изъ вещей было найдено только одно серебряное, плетеное, неспаянное колечко и больше ничего. Въ добытыхъ мною изъ этихъ кургановъ черепахъ бросается въ глаза одна особенность, которая вовсе не составляетъ отличительной черты нынѣшнихъ жителей этой мѣстности; это, именно, слишкомъ низкій и притомъ довольно покатый лобъ съ сильно выдавшимися впередъ бровными костями; врядъ-ли это бѣлорусскій лобъ.

Дальнѣйшимъ мѣстомъ моихъ раскопокъ было село Языль, Бобруйскаго уѣзда, Горковской волости, гдѣ мнѣ оказано было просвѣщенное вниманіе со стороны мѣстнаго священника, уважаемаго о. протоіерея І. Пигулевскаго. Село Языль довольно старинное, что уже видно хотя бы изъ того, что въ немъ три кладбища. На одномъ изъ этихъ кладбищъ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ, часть площади занята курганами, которыхъ теперь только 10, но прежде, по рассказамъ, было больше; именно, за границею кладбища, гдѣ теперь пашня и гдѣ уцѣлѣлъ только одинъ курганъ у самой канавы, замѣняющей ограду кладбища, были еще курганы, но они распаханы. Интересно это кладбище въ историческомъ отношеніи, если вѣрять тотъ взглядъ, какой я себѣ составилъ о немъ. Повидимому, здѣсь было нѣкогда языческое кладбище. Впослѣдствіи, изъ укоренившагося уваженія къ этому мѣсту, продолжали тутъ же хоронить и христіанъ, вслѣдствіе чего размѣры кладбища увеличились въ одну сторону, и границы его измѣнились. Прежнее кладбище, вѣроятно, было исключительно курганное и не имѣло точно опре-

дѣленной границы. По мѣрѣ того, какъ приростало христіанское кладбище, старые курганы осѣдали, и со временемъ часть прежняго кладбища обращена подъ пашню; вокругъ кладбища сдѣлана канава, при чемъ въ чертѣ нынѣшняго кладбища оказались и всѣ оставшіеся курганы, кромѣ одного. Замѣчательно то, что въ той части кладбища, гдѣ находятся курганы, теперь почему-то избѣгаютъ хоронить, не смотря на то, что мѣста свободнаго около кургановъ и между ними много, въ остальной-же части кладбища могилы чрезвычайно скупы. Изъ кургановъ два очень малы, остальные же размѣрами гораздо больше юревичскихъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, точно также съ осѣвшими вершинами; около кургановъ замѣтны канавы, откуда брали для нихъ землю. При мнѣ раскопано шесть большихъ кургановъ, въ томъ числѣ и находившійся за чертою кладбища, а также одинъ маленькій. Въ послѣднемъ ничего не оказалось, кромѣ весьма малаго количества угольевъ и остатковъ сожженныхъ костей, которые были не на днѣ кургана, а недалеко отъ поверхности и при томъ какъ-то съ боку. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ курганахъ не рѣдко находили ясныя признаки древнѣйшаго погребальнаго обычая, именно сожиганія мертвыхъ: отрывали даже остатки костра съ обожженными костями, или же сосуды съ пепломъ отъ сожженнаго трупа и т. д. Но въ данномъ случаѣ трудно усматривать подобныя признаки, и вотъ почему. Во всѣхъ остальныхъ, тутъ-же находящихся курганахъ, оказалось по одному скелету, при томъ въ нѣкоторыхъ, приблизительно на половинѣ высоты, показывалась также сажа. Поэтому надо думать, что въ маленькомъ курганѣ также былъ скелетъ, но онъ успѣлъ совершенно истлѣть и превратиться въ прахъ, потому-ли, что этотъ курганъ древнѣе прочихъ, или потому, что въ немъ былъ зарытъ ребенокъ, чѣмъ можно объяснить и меньшую величину кургана. Что-же касается обго-

рѣлыхъ косточекъ, угольковъ и чернаго пепла не далеко отъ поверхности кургана, то все это, можетъ быть, остатокъ поминальныхъ тризнъ. Положеніе покойниковъ было такое-же, какъ и въ юревичскихъ курганахъ; только у двухъ черепа были повернуты вправо, на бокъ, что могло случиться и отъ напора земли; кости точно также почти на столько же истлѣли, какъ и въ юревичскихъ курганахъ, такъ что на основаніи этого можно отнести тѣ и другіе курганы приблизительно къ одному времени. Изъ вещей здѣсь точно также найдено весьма немного. Въ курганѣ, находившемся за чертою кладбища, была, очевидно, похоронена женщина богатой семьи: на рукахъ у нея было нѣсколько колець, хотя и плохого серебра; на шеѣ — шнурокъ бусъ не дурной работы: однѣ серебряныя, другія стеклянныя, съ позолотою внутри между двумя слоями стекла. Эти бусы никакъ не мѣстнаго приготовленія, а очевидно привозныя. Съ юга и съ сѣвера черезъ Балтійское море, этого товару въ древнія времена шло много къ латышамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ, какъ это показали раскопки. Кромѣ этихъ вещей, въ одномъ курганѣ былъ еще найденъ перержавѣвшій ножъ, подобный тому, какой найденъ въ одномъ изъ юревичскихъ кургановъ. Они оба имѣютъ величину и форму нынѣшнихъ охотничьихъ ножей, если только дѣйствительно ихъ можно принимать за ножи; это могутъ быть и наконечники копій или остатки другихъ орудій: за ржавчиной нельзя сказать опредѣленно. Никакихъ преданій о языльскихъ курганахъ я не слышалъ; только одна старуха разсказывала, что кому-то изъ сосѣдей снилось, будто въ одномъ изъ этихъ кургановъ зарыты деньги, а въ другомъ крайнемъ — рукавицы, хотя и никто не могъ объяснить значенія этихъ рукавицъ; можетъ быть, по народному представленію, онѣ служатъ символами рукъ, оберегающихъ кладъ. Когда въ маленькомъ курганѣ, одномъ изъ крайнихъ, ничего не

было найдено, то крестьяне рѣшили, что въ немъ-то и были рукавицы, но сгнили; а относительно клада они убѣждены, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ трехъ кургановъ, которые остались не расопаны, хотя въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, зарыты покойники, такъ какъ всѣ они имѣютъ впаляя вершины.

Въ той-же Горковской волости, но уже въ другой мѣстности, именно въ урочищѣ Нижеровкѣ, въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ м. Урѣчья, былъ раскопанъ мною еще одинъ большой курганъ, носящій названіе „князевои могилы.“ Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ какимъ-то неизвѣстнымъ княземъ, при томъ, какъ увидимъ, довольно древнимъ; значительная величина кургана указываетъ на его знатность, или славу. Есть еще и другіе курганы въ томъ-же лѣсу, но всѣ они меньше; кромѣ того, въ разстояніи полуверсты на полѣ, поросшемъ теперь лѣсомъ, разсѣяно болѣе 80 маленькихъ кургановъ, оставшихся, несомнѣнно, отъ войны и не очень древнихъ. „Князева могила“ стоитъ особнякомъ у рѣчки Нижеровки въ глухомъ лѣсу; на немъ росла когда-то вѣковая ель, но она срублена. Надъ могилой князя, или около нея, по преданію, висѣла стальная сабля, принадлежавшая ему; но потомъ она пропала и была замѣнена деревянной, которая тоже лѣтъ 40 тому назадъ неизвѣстно куда дѣвалась. Въ курганѣ открытъ мною мужской скелетъ, сильно сгнившій. Покойникъ былъ положенъ прямо на землѣ головой къ западу; у лѣваго бока была у него сѣкира или бердышь, древо котораго совершенно сгнило, а на ржавчинѣ самаго бердыша видны слѣды ткани одежды, отъ которой найдены также куски пряжекъ, или застежекъ. Въ ногахъ покойника былъ поставленъ большой горшокъ съ поминальной кашей, которая обратилась въ сѣрый, бѣловатый пепель. Этотъ то именно погребальный обычай и указываетъ на значительную древность. Горшокъ, къ сожалѣнію, оказался раздавленнымъ отъ на-

пора земли; онъ, очевидно, имѣлъ форму широкой, осадистой кубышки, съ довольно тонкими стѣнками, безъ ручекъ, безъ поливы, сдѣланъ при помощи станка; никакихъ изображеній, ни мѣтокъ на черепкахъ не оказалось.

Тѣмъ и закончились мои раскопки на этотъ разъ. Разумѣется, это была только попытка, одна капля въ морѣ, особенно въ виду того безчисленнаго множества кургановъ и городищъ, которыми переполнена Минская губернія, какъ и вся Бѣлоруссія съ Литвою. Всѣ эти археологическіе и историческіе памятники ждутъ еще систематическаго изученія. На первыхъ порахъ хорошо было бы покрайней мѣрѣ привести ихъ всѣ въ точную извѣстность путемъ описанія и перечисленія. По Минской губерніи въ этомъ отношеніи уже сдѣлано доброе начало по инициативѣ Губернскаго Статистическаго Комитета. Въ 1876 г. тогдашнимъ губернаторомъ Чернышевымъ былъ розосланъ по волостямъ циркуляръ, предписывавшій доставить въ Комитетъ подробныя свѣдѣнія о находящихся въ губерніи курганахъ, городищахъ и другихъ памятникахъ этого рода съ описаніемъ ихъ по особой программѣ. Результатомъ этого распоряженія явились довольно значительныя матеріалы, которые окажутъ изслѣдователю незамѣнимую помощь. Однимъ изъ членовъ Комитета, г. Генр. Христ. Татуромъ, сдѣлана также попытка распредѣленія собранныхъ свѣдѣній на картѣ, которая хранится въ Комитетѣ. Будемъ надѣяться, что начатое дѣло найдетъ продолжателей.

Въ ближайшей и непосредственной связи съ раскопками, имѣющими цѣлью разысканіе останковъ представителей прежнихъ поколѣній бѣлорусской народности, должны быть поставлены изслѣдованія надъ живыми субъектами, какъ представителями современнаго типа, нынѣшняго поколѣнія. Я разумѣю изслѣдованія,

производимыя путемъ точныхъ измѣреній всего корпуса, головы, конечностей.

Антропометрія и краниометрія—наука новая, молодая не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Появленіе ея можно отчасти приравнять къ появленію статистики, какъ науки. Было время, когда разные финансовыя, экономическія и многіе другіе вопросы рѣшались на основаніи общихъ данныхъ, поверхностныхъ наблюдений, неправильныхъ обобщеній отдѣльныхъ случаевъ и т. д. Съ развитіемъ болѣе строгихъ и серьезныхъ пріемовъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и науки потребовалась провѣрка общепринятыхъ выводовъ при помощи точныхъ цифровыхъ данныхъ и таблицъ, воплощающихъ въ себѣ группировку фактовъ изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Точно также антропологи нѣкогда довольствовались общими разсужденіями о расахъ, о типахъ, о народностяхъ, основывая эти разсужденія на поверхностныхъ наблюденіяхъ, довѣряясь, такъ сказать, глазу. Но когда это оказалось недостаточнымъ для серьезнаго обоснованія научныхъ выводовъ, касающихся человечества вообще и разныхъ племенъ въ отдѣльности, на помощь наукѣ явились цифры, таблицы съ ихъ итогами, пропорціональными и процентными отношеніями и т. д.; явилась, однимъ словомъ, своего рода статистика, безъ которой въ настоящее время немыслима и сама наука о человѣкѣ.

Эти цифровыя данныя, необходимыя для антропологическихъ выводовъ, добываются постепенно путемъ измѣреній. У насъ починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ, и благодаря такимъ даровитымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣшній президентъ этого Общества, профессоръ Анатолій Петровичъ Богдановъ и

нѣкоторые другіе, это дѣло поставлено на должную высоту, и заслуги русскихъ антропологовъ признаны и оцѣнены по достоинству и заграничными учеными. Прежде всего, конечно, Обществомъ обращено было вниманіе на главное племя — великорусское, и антропометрическимъ изслѣдованіямъ подвергались жители центральныхъ губерній; а такъ какъ, по установившемуся общему мнѣнію, на типъ великоруссовъ оказали не малое вліяніе разные инородцы, какъ то: татары, финны, монголы и др., то для, уясненія степени этого вліянія, подвергнуты изслѣдованію и инородцы, населяющіе Россію *). Затѣмъ, наступила очередь малоруссовъ и, наконецъ, бѣлоруссовъ, которыхъ и мнѣ пришлось измѣрять въ эту поѣздку.

Измѣренія эти для начала производились мною, такъ сказать, между прочимъ, и кромѣ того, имѣя въ виду непродолжительность срока и другія занятія, пришлось ограничиться лишь измѣреніями головъ бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ; при этомъ также отмѣчался цвѣтъ волосъ и глазъ и другіе наружные признаки, наконецъ мѣсто рожденія, лѣта, происхожденіе, родъ занятій, мѣсто и время наблюденія. Эти краниометрическія и другія данныя собраны мною въ разныхъ волостяхъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи: Минскаго, Игуменскаго, Слуцкаго и Бобруйскаго, причемъ, конечно, попадалось также немало уроженцевъ и другихъ уѣздовъ и волостей. Въ теченіе іюня мѣсяца, при постоянныхъ переѣздахъ, мнѣ удалось измѣрить такимъ образомъ 160 человекъ, въ числѣ которыхъ попало также 8 евреевъ, 5 поляковъ, 1 великоруссъ, 1 татаринъ и 1 цыганъ, остальные же 134 мѣстные бѣлоруссы, которые главнымъ образомъ и имѣлись въ виду при поѣздкѣ. Цифра эта, конечно, слишкомъ недоста-

---

*) Въ этомъ отношеніи не мала заслуга и другихъ ученыхъ обществъ, напр. Казанскаго Общ. Естествоиспытателей.

точно для общих выводовъ; эти данныя имѣютъ значеніе только въ совокупности съ другими, какъ имѣющими еще быть собранными въ будущемъ, такъ и уже отчасти собранными въ томъ же году К. Н. Иковымъ, посѣтившимъ почти одновременно со мною нѣкоторыя части Бѣлоруссіи исключительно съ этою цѣлью. Покаместъ я могу только слегка коснуться вопроса о бѣлорусскомъ типѣ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и надѣясь въ будущемъ при случаѣ пополнить эти свѣдѣнія новыми данными.

Человѣческое племя, какъ извѣстно, раздѣляется на нѣсколько расъ, при чемъ въ основаніе этой классификаціи кладутся чисто внѣшніе признаки, каковы: цвѣтъ кожи, цвѣтъ волосъ и ихъ характеръ, форма и цвѣтъ глазъ, форма черепа и еще нѣкоторые признаки. О цвѣтѣ кожи бѣлоруссовъ говорить нечего, такъ какъ въ этомъ отношеніи бѣлоруссъ не отличается отъ великорусса или малорусса. Въ цвѣтѣ волосъ уже можетъ быть больше различія, такъ какъ извѣстно, что народы живущіе въ сѣверныхъ странахъ отличаются болѣе свѣтлыми волосами, чѣмъ живущіе на югѣ, хотя бы и тѣ и другіе принадлежали къ одному и тому же племени. У бѣлоруссовъ преобладаютъ русые волосы, при чемъ свѣтлорусыхъ больше, чѣмъ темно-русыхъ, приближающихся къ чернымъ, такъ что вообще у нихъ замѣтна сильная склонность къ свѣтловолосости, и между тѣмъ, какъ настоящіе брюнеты почти не встрѣчаются среди чистыхъ бѣлоруссовъ, блондиновъ довольно много. Это преобладаніе свѣтлаго элемента въ цвѣтѣ волосъ, а также глазъ и даже одежды бѣлоруссовъ служить, по мнѣнію ученыхъ, нѣкоторымъ объясненіемъ самаго названія „бѣлоруссъ“ въ противоположность, напри- мѣръ, черноруссамъ, у которыхъ замѣчается большая склонность къ темному цвѣту. Рыжеволосыхъ бѣлоруссовъ почти не встрѣчается, хотя на первый взглядъ казалось бы, что рыжій цвѣтъ близокъ къ бѣлому и дол-

женъ бы во всякомъ случаѣ считаться свѣтлымъ. Но дѣло въ томъ, что рыжеволосость имѣеть свое особое значеніе: рыжіе волосы, особенно вмѣстѣ съ темными глазами, по изслѣдованіямъ ученыхъ, указываютъ на примѣсь финской крови, которую въ бѣлоруссахъ врядь-ли можно допустить. Что-же касается характера волосъ, то они у бѣлоруссовъ почти всегда прямые, невьющіеся, иногда слегка волнистые и довольно мягкіе.

Глаза у бѣлоруссовъ, какъ я уже замѣтилъ, точно также преобладаютъ свѣтлые: голубые, сѣрые и голубоватые. Но очень много и сложныхъ глазъ, являющихся слѣдствіемъ смѣшеній, скрещиваній болѣе чистыхъ представителей типа; таковы глаза съ сѣрымъ или голубымъ полемъ, по которому идутъ желтые или каріе штрихи или пятнышки, что издали нерѣдко придаетъ глазамъ зеленоватый цвѣтъ; но настоящіе зеленые глаза почти не встрѣчаются у бѣлоруссовъ. Каріихъ глазъ довольно много, настоящихъ-же черныхъ почти не бываетъ, а если и бываютъ то очень рѣдко. По своей формѣ глаза у бѣлоруссовъ чаще бываютъ узкіе и какъ бы вдавленные, рѣже круглые, широкіе и открытые. Г. Сементовскій указывалъ даже именно въ этомъ рѣзкое отличіе бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ*). Надо еще прибавить, что у бѣлоруссовъ нерѣдко замѣчается прорѣзъ глазъ не горизонтальный, а приподнятый наружными углами нѣсколько кверху. Узкіе глаза вмѣстѣ съ приподнятыми наружными углами ученые привыкли считать характеристичными чертами монгольского типа; но ничѣмъ не доказано, чтобы эти черты не могли появиться и независимо отъ расовыхъ смѣшеній, такъ что на основаніи этихъ чертъ еще рискованно было бы утверждать въ бѣлоруссахъ присутствіе монголизма, примѣсь монгольской крови.

---

*) Сборникъ въ память 1-го статист. съѣзда въ 1870 г., т. I (статья; „Этногр. обзоръ Витеб. губ.“).

Несомнѣнно, что часть типическихъ чертъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ нужно отнести на долю того народа, который нѣкогда обиталъ въ мѣстахъ, заселенныхъ въ послѣдствіи бѣлоруссами, и слился мало-помалу съ послѣдними; но какой это именно былъ народъ и вообще съ какими народцами приходилось еще въ доисторическое время сталкиваться и смѣшиваться той славянской отрасли, изъ которой произошелъ бѣлорусскій народъ, этого опредѣленно сказать нельзя, и потому единичныя черты монголизма такъ и остаются пока единичными, мало говорящими. Можно, впрочемъ и еще кое-что къ этому прибавить. Такъ, на примѣръ, скуластость также считается признакомъ монголизма, а у бѣлоруссовъ очень часто попадаются выдающіяся скулы, пожалуй чаще, чѣмъ у великоруссовъ; при этомъ скулы нерѣдко выдаются именно въ бока, такъ что характеристическою чертою бѣлорусскаго лица является значительная ширина его у скулъ, т. е. посрединѣ, съ замѣтнымъ суженіемъ книзу. Но тутъ можетъ явиться вопросъ, не есть ли эта скулатость слѣдствіе вліянія польскаго типа, въ которомъ эта черта также замѣчается, хотя тамъ она не такъ ярко выступаетъ при сравнительно болѣе короткомъ лицѣ поляка. Далѣе, въ характерѣ лица не маловажную роль играетъ переносица, т. е. вѣрнѣе разстояніе между глазами, или такъ называемое межглазничное пространство. Чѣмъ шире пространство между глазами, чѣмъ дальше глаза удалены одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе это придаетъ лицу какое-то татарское выраженіе. Несоразмѣрная же ширина межглазничнаго пространства особенно тогда бросается намъ въ глаза, когда она очень приближается къ ширинѣ носа въ его нижней части, или даже превосходитъ ее. При сравненіи ширины носа съ шириною межглазничнаго пространства у изслѣдованныхъ мною бѣлоруссовъ оказалось, что не рѣдки случаи, когда эти величины равны между собою, а еще

чаще вторая больше первой, хотя въ большинствѣ случаевъ все-таки ширина носа больше, чѣмъ разстояніе между глазами. Интересно, что у дѣтей въ этомъ отношеніи замѣчается меньшее колебаніе, чѣмъ у взрослыхъ.

По формѣ черепа, среди бѣлоруссовъ въ числѣ моихъ наблюденій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство короткоголовыхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но значительный процентъ приходится также и на долю длинноголовыхъ и еще болѣе среднеголовыхъ. Между дѣтьми, которыхъ впрочемъ измѣрено мною немного, длинноголовыхъ я вовсе не встрѣчалъ. Такимъ образомъ, бѣлоруссы, при громадной склонности къ короткоголовости, все-таки представляютъ довольно большое разнообразіе относительно формы головы. Замѣтимъ кстати, что такое же разнообразіе въ этомъ отношеніи замѣчено и среди малоруссовъ, на примѣръ, въ Кобелякскомъ уѣзд. Полтавск. губ. *).

Чтобы не утруждать читателя сухими выкладками, я не буду останавливаться на другихъ измѣреніяхъ, касающихся лица, лба, носа и пр., такъ какъ эти данныя для неспеціалиста представляютъ меньше интереса. Взамѣнъ этого скажу нѣсколько словъ о тѣхъ затрудненіяхъ, на которыя придется наталкиваться всякому, кто будетъ имѣть дѣло съ бѣлоруссами. Во-первыхъ, иногда немалую трудность представляетъ опредѣлить, дѣйствительно-ли изслѣдуемый субъектъ есть бѣлоруссъ, тѣмъ болѣе, что названіе „бѣлоруссъ“ — книжное, сочиненное, а сами бѣлоруссы никогда не называютъ себя бѣлоруссами. Въ народѣ существуетъ только подраздѣленіе на русскихъ и поляковъ; но не слѣдуетъ думать, что это различіе дѣйствительно основано на національности: это—дѣленіе по вѣроисповѣданію. На-

---

*) В. Эмме, Антропология и Медицина Полтава, 1882.

родъ отождествляетъ вѣроисповѣданіе съ происхожденіемъ, и всякій бѣлоруссъ, числящійся католикомъ, считается уже, благодаря этому, полякомъ, и наоборотъ, исповѣдующій православіе считается уже русскимъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ.

Правда, иногда и изслѣдователи склонны къ такому неправильному отождествленію. Такъ, на примѣръ, Р. Ф. Эркертъ, издавшій „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“ (сначала на франц. яз. 1863 г., а потомъ на русскомъ. Спб. 1864 г.), замѣчаетъ: „Ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Но, зная исторію тамошняго края, конечно, смѣшно было бы признавать всякаго православнаго бѣлоруссомъ, хотя бы онъ былъ и коренной мѣстный житель, а всякаго католика считать полякомъ. Поэтому при вопросѣ о національности нерѣдко приходится выспрашивать всю родословную лица, чтобы составить себѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе о томъ, кто такое оно по народности, и всетаки не всегда можно быть увѣреннымъ въ безошибочности, особенно, когда имѣешь дѣло съ городскимъ населеніемъ. Языкъ, какимъ говорить дома, въ семьѣ, можетъ иногда помочь въ этомъ вопросѣ, хотя и этому указанію не всегда слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ съ одной стороны, на примѣръ бѣлоруссы-мѣщане большею частью говорятъ по-польски, съ другой стороны, мелкая польская шляхта, живущая среди крестьянъ-бѣлоруссовъ, говоритъ очень часто побѣлорусски.

Другое затрудненіе происходитъ оттого, что на мѣстномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на польскомъ, нерѣдко смѣшиваются въ названіи Бѣлоруссія и Литва, бѣлорусскій языкъ и литовскій, т. е. по старинной памяти о тѣхъ временахъ, когда Бѣлоруссія и Литва составляли

одно цѣлое, все бѣлорусское называется литовскимъ. Спросите вы, напримѣръ, какую нибудь мѣщанку, кто она такая? — Polka, отвѣтитъ она вамъ. — Откуда родомъ? — Z Litwy. — Какъ говорить дома? — Po litewsku. Между тѣмъ, по наведеніи болѣе точныхъ справокъ оказывается, что ни сама она, ни ея родные ни слова не понимаютъ по-литовски, а исключительно говорятъ по-бѣлорусски. Такъ и за Бугомъ, напр. въ Сѣдлецкой губ., бѣлорусса иначе не назовутъ, какъ литвиномъ. Слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя подобные случаи очень легко могутъ вводить въ обманъ.

Точное опредѣленіе возраста также иногда затруднительно, какъ это бываетъ вообще, когда имѣешь дѣло съ простымъ народомъ. Приходится опредѣлять приблизительно, или же, по крайней мѣрѣ, въ очень сомнительныхъ случаяхъ, справляться съ метрическими записями, паспортами, что не всегда удобно, а иногда и невозможно. Между тѣмъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ антропологическія, лѣта имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ организмъ въ разныхъ фазисахъ своего развитія можетъ представлять тѣ или другія особенности.

Но всего болѣе затрудненій встрѣчаетъ изслѣдователь вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія народа къ нему. На всѣхъ такихъ господъ, посѣщающихъ деревни съ научною цѣлью или по дѣлу службы, деревенскій людъ смотритъ съ большимъ подозрѣніемъ, и, сколько бы вы ни объясняли настоящую цѣль вашего пріѣзда, народъ всегда подозрѣваетъ другое. Въ данномъ случаѣ и объяснять то было не особенно легко. Какъ растолковать въ самомъ дѣлѣ крестьянину цѣль и значеніе этнографическихъ, а тѣмъ болѣе антропометрическихъ изслѣдованій? Приходилось измышлять сколько-нибудь понятныя и подходящія объясненія въ родѣ того, напримѣръ, что измѣренія нужны для докторовъ, чтобы они могли успѣшнѣе лѣчить людей, когда изучать

побольше разнородныхъ формъ человѣческаго тѣла. Такъ какъ это былъ первый опытъ измѣреній среди бѣлоруссовъ, то самая новизна дѣла какъ-то запугивала ихъ и заставляла ихъ ожидать для себя какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какъ на примѣръ, новыхъ налоговъ, выселеній и т. п. Такъ, въ одной волости распространилась легенда, что Царь хочетъ заселить какую-то дикую страну, а для того, чтобы народъ тамъ былъ однокалиберный, выберутъ всѣхъ, у кого мѣрки сходятся, и поселятъ въ одномъ мѣстѣ, притомъ свѣтловолосыхъ особо, а темноволосыхъ особо, или же голубоглазыхъ отдѣльно отъ черноглазыхъ и т. д. Я пересталъ записывать имена и фамилии измѣряемыхъ, говоря, что если бы и захотѣли кого-нибудь выселить, то не найдутъ; на это мнѣ замѣтили, что по мѣркѣ всегда разыщутъ кого надо и безъ фамилии. Проѣзжая черезъ г. Слуцкъ, я обратился къ г. смотрителю мѣстнаго тюремнаго замка съ просьбою позволить мнѣ производить измѣренія надъ арестантами. Это была очень счастливая мысль, потому что въ тюрьмѣ оказалось, конечно, не мало бѣлоруссовъ и притомъ изъ разныхъ мѣстностей губерніи, такъ что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было брать для себя матеріаль отовсюду, чѣмъ я и воспользовался, благодаря любезности смотрителя. И вотъ тутъ-то особенно ясно сказалось, какое значеніе придавалъ народъ моему пріѣзду. Каждый арестантъ, котораго я измѣрялъ, былъ увѣренъ, чтось этимъ связана какая-то перемѣна въ его судьбѣ. Каждый считалъ своею обязанностью рассказать мнѣ исторію своей жизни, хотя его объ этомъ и не спрашивали, объяснить, за что онъ арестованъ, и выставить себя совершенно невиновнымъ. Всѣ эти бытовые картинки чрезвычайно интересны, но мнѣ, къ сожалѣнію, некогда было все это выслушивать съ должнымъ вниманіемъ. Охотнѣе всего измѣрялись тѣ, которые присуждены къ ссылкѣ, каторгѣ и т. п.: все равно, дескать, хуже не будетъ.

Иной мужичекъ, оторванный отъ семьи, отъ хозяйства и тяготящійся болѣе другихъ бездѣльемъ, тоже становится подъ мѣрку, махнувъ рукой: „одно изъ двухъ, говорить, или выпустятъ, или повѣсятъ, — все же лучше, чѣмъ тутъ томиться“. На другой день я узналъ, что иные со слезами на глазахъ просили смотрителя вычеркнуть ихъ изъ числа измѣренныхъ.

Существуетъ еще въ народѣ одно суевѣріе, которое также заставляеть его бояться измѣреній: измѣренный человѣкъ, по мнѣнію бѣлорусса, или заболѣеть или даже умереть. Снятие мѣрки съ человѣка сближается въ этомъ случаѣ со снятіемъ его портрета, а по исконному народному вѣрованію, все, что ни дѣлается надъ изображеніемъ человѣка или его тѣнью, все это испытываетъ онъ самъ, какъ будто это производилось надъ нимъ самимъ. Поэтому, напримѣръ, въ средніе вѣка существовалъ преоригинальный юридическій обычай подвергать наказанію не самоговиннаго (особенно, если это было знатное лицо), а только его тѣнь. На этомъ же основаны многія чары, заговоры, заклинанія, которыя производятся или надъ полнымъ изображеніемъ человѣка въ видѣ куклы, рисунка, тѣни, или же только надъ его частью, напр. надъ слѣдомъ, т. е. оттискомъ, изображеніемъ ноги на землѣ. Страхъ передъ чарами, колдовствомъ до сихъ поръ такъ великъ въ народѣ, что уже одно снятіе мѣрки, хотя бы и съ самою невинною цѣлью, наводитъ суевѣрнаго человѣка на мысль о болѣзни и смерти.—Одинъ старикъотказался отъ измѣреній, и всѣ свои доводы онъ выразилъ въ одной лаконической фразѣ: „Якъ умру, тагда и безъ васъ помѣряюць“. Смыслъ тотъ, что только мертвыхъ мѣряютъ, когда нужно сдѣлать гробъ, и слѣдовательно измѣряющійся заживо какъ бы заранѣе обрекается на смерть. Женщины не даютъ измѣрять дѣтей еще и потому, чтобоятся, чтобы не прекратился ихъ ростъ. Былъ со мною, впрочемъ, и такой слу-

чай, что баба сама просила измѣрить ея больного сына, не будетъ-ли онъ послѣ этого здоровѣе. Однимъ словомъ, приходится безпрестанно наталкиваться на самыя курьезныя неожиданности, которыя иногда даже не знаешь, какъ устранить. Опытъ показалъ, что лучше всего начинать изслѣдованія съ лицъ, имѣющихъ въ деревнѣ особое значеніе, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, напр. старшинъ, священниковъ, писарей, урядниковъ. Содѣйствію этихъ лицъ я много обязанъ. Вниманіе, оказанное мнѣ во время поѣздки разными лицами и учрежденіями, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что у меня былъ открытый листъ отъ г. губернатора. Поэтому, прежде всего я приношу мою глубокую благодарность Его Сіятельству Князю Николаю Николаевичу Трубецкому за оказанную помощь; затѣмъ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ.

II.

Этнографическія наблюденія: характеръ страны; ко-
стюмъ; языкъ; экономическій бытъ; народное обра-
зованіе; вѣрованія; „прощи“, „присвятки“; отно-
шенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство.

Наблюдатель-этнографъ обыкновенно находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ антропологъ: уже одно то, что онъ можетъ собирать свой этнографическій матеріалъ, такъ сказать, издали, со стороны, не подвергая никакимъ особеннымъ манипуляціямъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, очень облегчаетъ ему дѣло. За то у него есть свои трудности. Антропологъ, куда бы ни направился, вездѣ для него найдется живой матеріалъ; этнографъ же долженъ изыскивать для себя матеріалъ; ему нужно умѣніе и особенная наблюдательность въ подмѣчаніи фактовъ и явленій, которыя легко могутъ ускользнуть отъ его наблюденія; ему часто приходится подолгу выжидать удобный случай, чтобы быть свидѣтелемъ того или другого интереснаго явленія въ народной жизни; ему, однимъ словомъ, нужно время при его изслѣдованіяхъ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было систематичности въ наблюденіяхъ, — что и сказалось во время моей поѣздки.

Двойственность задачи, которую я имѣлъ въ виду, не мало мѣшала мнѣ въ болѣе или мѣнѣе успѣшномъ ея

выполненіи. Именно, для того чтобы собрать побольше антропологическихъ свѣдѣній, мнѣ хотѣлось захватить пошире районъ для наблюдений, такъ какъ въ антропологическомъ отношеніи одна отдѣльная мѣстность, казалось мнѣ, представляетъ менѣе интереса, чѣмъ отдѣльные уголки разныхъ мѣстностей, хотя бы взятые на удачу. Въ виду этого я не могъ засиживаться долго въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ дѣлать частые переезды. Между тѣмъ, для этнографическихъ наблюдений этотъ способъ менѣе всего удобный. Чтобы присмотрѣться къ нравамъ, обычаямъ и быту народа, необходимо подольше пожить въ одной мѣстности, потомъ въ другой и т. д., потому что, только сжившись до известной степени съ той или другой мѣстностью, можно вѣрно подмѣтить ея этнографическія особенности; при частыхъ же переездахъ наблюдатель принужденъ ограничиться одними отрывочными случайными свѣдѣніями, краткими замѣчаніями, по которымъ очень трудно составить сколько-нибудь полную и интересную картину народной жизни съ ея отличительными особенностями.

Это общее правило приложимо ко всѣмъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ какихъ бы странахъ они ни производились; но для Бѣлоруссіи оно въ особенности важно, такъ какъ эта страна чрезвычайно разнохарактерна. Разнохарактерность же эта, быть можетъ, всего рѣзче выступаетъ именно въ Минской губерніи. Уже по своей обширности эта губернія не можетъ отличаться однообразиемъ: если же мы обратимъ вниманіе на ея физическое устройство и природу, то еще болѣе убѣдимся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ сѣверная и сѣверо-восточная ея часть занята лѣсами, среди которыхъ не мало находится болотъ; къ серединѣ лѣса рѣдѣютъ, почва становится суше, возвышеннѣе; къ югу опять больше лѣсовъ, а ужъ болота тутъ непроходимыя. Здѣсь то, въ котловинѣ Припети, обитаетъ та-

инственный-полѣшукъ, не признающій себя даже за человѣка. Существуетъ такой анекдотъ: когда полѣшукъ спросили, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „а какой я человѣкъ? я полѣшукъ!“ Каждая изъ этихъ трехъ полосъ имѣетъ свои отличительныя черты, во мнгомъ обуславливаемыя именно природою: „въ лѣсу“ вы увидите иное, чѣмъ „наполѣ“ или „на болотѣ“. Привыкшій жить въ лѣсу, положимъ, игуменецъ или бори-совецъ, выскажетъ вамъ даже съ убѣжденіемъ такой парадоксъ, что только въ лѣсу и можно жить безопасно, потому что тамъ никого нѣтъ, кромѣ звѣря, а звѣрь не подожжетъ, не ограбитъ; отъ звѣря можно защититься оружіемъ, а отъ злого человѣка—ничѣмъ. Напротивъ, живущій „на полѣ“ случанинъ или новогрудецъ какъ будто боится лѣса и весь привязанъ къ землѣ. Пинчукъ, въ свою очередь, не можетъ представить себѣ, какъ можно жить безъ воды и болота, гдѣ такое раздолье въ отношеніи рыбы и дичи: многія озера не замерзаютъ, и дичь живетъ на нихъ круглый годъ.

Кромѣ различія въ характерѣ, даже и относительно внѣшности существуютъ коренныя отличія у бѣлоруссовъ разныхъ мѣстностей. На сѣверѣ и с.-востокѣ Минской губерніи вы видите, на примѣръ, характерную для бѣлорусса бѣлую одежду, свиты изъ бѣлаго сукна, шапки зимой изъ бѣлаго барашка, и если вы спросите, почему тамъ держатъ почти исключительно бѣлыхъ овецъ, вамъ прямо скажутъ, что черныя здѣсь не ведутся. Удаляетесь вы къ югу и замѣчаете, что этотъ бѣлый цвѣтъ постепенно темнѣетъ, переходитъ въ сѣрый и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и красноватымъ. Такъ и видите постепенный переходъ отъ Бѣлой Руси къ Черной и Красной или Червонной. Само собою разумѣется, что точно также мѣняется по мѣстностямъ и покррой платья, и форма головныхъ уборовъ, какъ мужскихъ, такъ и жен-

скихъ, и пр., но объ этомъ говорить подробнѣе мы здѣсь не станемъ.

Что касается языка, то въ этомъ отношеніи также нѣтъ какого-нибудь единства даже и въ той небольшой области, которую я ближе наблюдалъ. Такъ, напримѣръ „дзѣканье“, т. е. произношеніе мягкихъ *d* и *m*, какъ и *цъ*, повидимому, слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Могилевской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти звуки, какъ мнѣ извѣстно, выговариваются уже, какъ въ великорусскомъ. Особенность, которую мнѣ впервые случилось здѣсь подмѣтить и которой я не зналъ по записямъ другихъ собирателей, касается произношенія ударяемаго *ъ*, *о*, *ѣ*, какъ *іе*, *уо*, *юо*, съ удареніемъ на первый изъ каждахъ этихъ двухъ гласныхъ, напр. *сієно* (сѣно), *вѹоль* (воль), *моодъ* (медъ). Эта черта для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важна, потому что она связываетъ минскій говоръ съ однимъ малорусскимъ говоромъ въ Польшѣ, который я имѣлъ случай характеризовать при изданіи пѣсенъ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго уѣзда *). Такое произношеніе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ ю.-востоку эта особенность постепенно исчезаетъ, и даже очень легко подмѣтить, какимъ образомъ происходитъ этотъ переходъ. Именно, въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда и въ восточной и ю.-восточной Бобруйскаго удареніе въ названныхъ дифтонгахъ, или двугласныхъ, ставится уже не на первой, а на второй части: *сієно*, *вуол*, *моод*, и такимъ образомъ дается перевѣсъ первоначальной, основной гласной, между тѣмъ, какъ первая часть дифтонга остается только въ видѣ слаба-

*) Въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Любит. Естествознанія Антр. и Этногр.“ т. 48 и отдѣльный оттискъ: „Малорусская свадьба въ Константиновск. уѣзд. Сѣдлецкой губ.“ Москва, 1886 г.

го призвука; еще далѣе—и этотъ призвукъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ что, напримѣръ, въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ъ* (*e*), *o*, *ё*. Что касается „аканья“, т. е. произношенія неударяемаго *o* какъ *a*, то въ этомъ отношеніи трудно установить какія нибудь обобщенія. Какъ-то очень неаккуратно произносятъ бѣлоруссы этотъ звукъ *o*, когда на немъ нѣтъ ударенія. Достаточно того, что одинъ и тотъ-же субъектъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же или аналогичномъ случаѣ произноситъ то *o*, то *a*; большею же частью слышится нѣчто среднее между *o* и *a*. Но во всякомъ случаѣ *a* вмѣсто *o* рѣзче выступаетъ по сосѣдству съ настоящей Бѣлоруссіею. Еще на одну характерную особенность я обратилъ вниманіе, именно на употребленіе твердаго *л* вмѣсто *ль* въ Игуменскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ; тамъ говорятъ, напримѣръ: *силно*, *болно*, *палмы* и т. п., хотя, впрочемъ такое произношеніе не составляетъ общаго правила даже и для этихъ мѣстностей. Въ этой особенности какъ будто замѣтно стремленіе къ нѣкоторому уравниванію звуковъ: твердое *л* во многихъ случаяхъ въ устахъ бѣлорусса перешло въ полугласное *у* или даже въ *в* (*вдѣужъ пашдѣу*—волкъ, пошелъ и т. п.), и чтобы пополнить образовавшійся пробѣлъ, бѣлоруссы дѣлаютъ твердое *л* изъ *ль*, хотя опять-таки только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы это было не въ ущербъ мягкому *л*, которое все-таки употребительно у бѣлоруссовъ. Въ какихъ случаяхъ эта замѣна возможна, этого я здѣсь касаться не стану, потому что это специально-филологическій вопросъ. Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губерніи, въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый

типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго. Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною; это именно употребленіе *у* вмѣсто *и*, на пр. *му*, *сунъ*, *букъ*, *буйстрый*—мы, сынъ, быкъ, буйстрый и т. п. Это можно объяснить филологически родствомъ этихъ звуковъ (*у* и *и*), такъ какъ, напримѣръ, наше слово *сынъ*—санскритск. *sûnus* и проч. Но какъ понять самое это родство? Конечно, причина его чисто физиологическая и прослѣдить ее весьма легко на иностранцахъ. Заставьте, напримѣръ, француза сказать *быкъ*: онъ или скажетъ *бикъ*, или, понатужившись, произнесетъ *буйкъ*, т. е. чтобы произнести трудный для него звукъ *и*, онъ прибѣгаетъ къ хитрости, именно, начинаетъ какъ будто произносить *у* вмѣсто *и*, а затѣмъ быстро сворачиваетъ на *и*; это мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать надъ иностранцами. Можетъ быть въ вышеприведенномъ словѣ *буйстрый* такъ и объясняется двугласная *уй*, хотя вставка *й* въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена и трудною для произношенія группою согласныхъ *стр.*, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, напр. *войстрый*—вострый (Могилевской губ.). Но вмѣсто того, чтобы утомлять читателя теоретическими объясненіями, я лучше сошлюсь на подлинныя образцы языка бѣлоруссовъ Минской губ., именно на пѣсни, записанныя мною въ эту поѣздку и приложенныя въ концѣ этой статьи.

Понятное дѣло, что пѣсни не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для изученія языка, потому что съ одной стороны онѣ удерживаютъ многія традиціонныя формы, слова и выраженія, не употребляемыя въ настоящее время, но твердо сохраняющіяся въ пѣсняхъ, по пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“; съ другой стороны, пѣсни не передаютъ всѣхъ особенностей и тонкостей обыденной рѣчи. Самую вѣрную характеристику живого народнаго языка можно

составить только на основаніи разговорной рѣчи, и въ этомъ случаѣ могутъ быть болѣе полезны другіе памятники народнаго творчества, какъ напр. сказки, преданія, легенды, и т. п., записываемыя прямо со словъ народа, въ которыхъ рассказчикъ не стѣсненъ традиционными формами и болѣе придерживается языка разговорнаго. Говоря о языкѣ бѣлоруссовъ, необходимо еще отличать языкъ чисто народный отъ языка тѣхъ бѣлоруссовъ, которые, хотя и очень близко стоятъ къ народу и большею частью сами вышли изъ народа, однако уже, такъ сказать, нѣсколько вкусили плодовъ, хотя и мнимой, цивилизаціи. Во всѣ времена и у каждаго народа языкъ людей полуобразованныхъ составлялъ и составляетъ нѣчто среднее между языкомъ литературнымъ и чисто-народнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляемъ съ послѣднимъ. Когда мы теперь читаемъ, на примѣръ, старинные акты или грамоты, писанныя, по общепринятому выраженію, на бѣлорусскомъ языкѣ, то мы не должны думать, что и весь бѣлорусскій народъ того времени говорилъ именно такимъ языкомъ. Это было бы ошибочно по отношенію къ далекому прошлому, какъ и по отношенію къ настоящему. Кто бывалъ въ Бѣлоруссіи, тотъ вѣроятно имѣлъ случай прислушаться, какимъ языкомъ говорятъ писаря, старшины, помѣщичьи управляющіе, экономы и т. п. *)

---

*) Для характеристики этого особаго типа бѣлорусскаго языка я приведу одинъ интереснѣйшій документъ, который кстати, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ того, кто имѣетъ терпѣніе читать мою сухую статью. Это, именно, письмо влюбленнаго помощника волостнаго писаря къ своей возлюбленной, дочери фельдшера. Такъ какъ это письмо досталось мнѣ черезъ третьи руки, то я не стану упоминать фамилій; въ остальномъ же точно послѣдую оригиналу, который относится къ 1876 г. и хранится у меня. „Милая Юлька! Скучно! скучно! не только на сердцу, но и всюдую. Поглядите на надворье, навѣть и тое скучае по васъ, солнце зайшло за горку, помнице за тую, что кала церкви и пойшовъ такіи великій снѣгъ

Конечно, это языкъ не народный и не литературный а нѣчто среднее; но въ то же время это языкъ разговорный, употребляемый извѣстнымъ классомъ людей въ обыденной рѣчи.

Итакъ, съ какой бы мы стороны ни взглянули на Бѣлоруссію, намъ представится картина пестроты и разнообразія. И только одна черта въ этой картинѣ повторяется повсемѣстно, это — бѣдность населенія, доходящая до нищеты, и невѣжество. Очень невзрачно смотрятъ бѣлорусскія хижины. Почти всѣ онѣ очень маленькія, въ видѣ квадрата, съ маленькими окошечками; большая часть изъ нихъ и до сихъ поръ не имѣетъ трубъ; сложены онѣ кое-какъ, дрань навалена на крышу часто въ безпорядкѣ и даже не приколочена гвоздями. И страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ больше лѣсу, тамъ избы гораздо хуже чѣмъ тамъ, гдѣ его меньше или совсѣмъ нѣтъ. Но это понятно. Во-первыхъ, гдѣ мало лѣсу, тамъ крестьянинъ привыкъ дорожить

што не можно изъ хаты вылесци. Нетое было у Заболоцьи, коли вы были у насъ, Слонце всегда такъ весело играло на небѣ, а я на гармонику, а якъ пойшли вы скакаць польку, такъ было радостно глядѣть якъ вевіорочка (*бѣлочка*) скикъ скикъ, помниче тогда якъ приѣхали отъ N и коли говорили што выпили три бутельки вина и тогда на другій дзень написали на цыгарной попѣрцѣ што любите менѣ, якъ тую попѣрку сховавъ сабѣ напамяць у штаны въ кишению, не думайце кабъ я вздумавъ кампузоваць (*конфузитъ*) васъ сохрани Богъ, я ее такъ счира люблю што ни коли не закуру еѣ. А якъ успомню вашъ взглядъ якій хорошенькій такъ и пронизвае менѣ, стрѣлки вашихъ миленькихъ очекъ (и) упились въ мои груди. Богъ свидѣтель якъ яны мнѣ боляць и скажу вамъ!.. коли не буду васъ довга бачиць такъ умру. Горизеть (*горизонтъ*) нашъ цеперь пахмурный што васъ нима, а може не знаеце што такое гаризеть, ета Мардафара (*метафора*) ?.. такъ выражаютьца только разумные людзи и я думаю што колись буду разумный человекъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ вашего добродушія остаюсь поклонникъ вашего благоутробія и целую ваши малиновые уста Искрѣнейшій другъ и доброжелатель NN.

Хоть ето письмо написавъ не даштыху (*лескладно*), Алешъ смѣшна. N. (postscriptum самого же автора)“.

каждой шепкой, и уже при постройкѣ дома онъ, конечно, употребить все стараніе, чтобы домъ вышелъ прочнѣе; притомъ, у него и средствъ къ этому больше, потому что „на полѣ“ живетъ крестьянину лучше, такъ какъ земли больше и она лучше. Въ лѣсистыхъ же мѣстахъ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны; его жгутъ цѣлыми участками, лишь бы только раздѣлать лишній клочекъ земли подъ пашню. Собственный лѣсъ крестьяне большею частью уже давно извели такимъ образомъ, и теперь они снимаютъ въ аренду или покупаютъ участки лѣса вмѣстѣ съ землей у помѣщиковъ, которые иногда не прочь воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ крестьянъ при ихъ малоземельности. Если крестьянинъ пожелаетъ арендовать нѣсколько десятинъ готовой пашни, то съ него требуется вдвое большая плата, чѣмъ за такойже участокъ, поросшій лѣсомъ. Понятное дѣло, что крестьянинъ возьметъ лѣсной участокъ: ему важнѣе всего, чтобы отдавать меньше денегъ, а сколько онъ положить труда на разчистку и распашку, этого онъ въ счетъ не ставитъ; бѣлоруссы до сихъ поръ не привыкъ цѣнить свой личный трудъ на деньги. То-же самое бываетъ и при покупкѣ земли въ собственность. Заплативъ 40—60 руб. за десятину, поросшую лѣсомъ, крестьянинъ, только на второй или на третій годъ получаетъ плоды своихъ трудовъ; а готовая пашня цѣнится опять вдвое дороже и доходить до 80 руб. за десятину и болѣе.

Бывшія казенныя деревни смотрятъ болѣе приглядно: домики исправнѣе, выстроены въ линію, а не разбросаны; на крышахъ виднѣются трубы, большею частью желѣзныя. Но жалобы на безземелье вездѣ повторяются. Семейные раздѣлы, раздробленія надѣловъ на мелкіе участки между сыновьями по мѣрѣ ихъ наростанія еще болѣе усиливаютъ это бѣдственное положеніе. Понятно поэтому, что малѣйшая хотя бы и ложная надежда на улучшеніе экономическаго быта можетъ про-

извести броженіе среди мѣстныхъ крестьянъ. Неудивительно, что, напр., въ Игуменскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился какойто бродяга, выдававшій себя за тайнаго посла отъ Царя и приглашавшій всѣхъ желающихъ получить землю записываться у него съ извѣстной платой. Много народа онъ смугилъ: иные, какъ передаютъ, поспѣшили даже продать свое имущество въ надеждѣ скорого переселенія на Амуръ.

При такихъ условіяхъ жизни гдѣ уже тутъ думать бѣлоруссу объ образованіи, задаваться какими-нибудь отвлеченными вопросами. Умъ его до сихъ поръ продолжаетъ питаться обломками старинныхъ воззрѣній, остатками отъ древней системы вѣрованій. Школа пока только начинаетъ давать утѣшительные результаты. На духовенство то-же нельзя много рассчитывать. Трудность сообщеній не мало мѣшаетъ въ этомъ отношеніи. Иной крестьянинъ по мѣсяцамъ не можетъ посѣщать церковь, находящуюся за нѣсколько верстъ. Какъ же можно ожидать исправнаго посѣщенія школы маленькими дѣтьми? Болѣе дѣятельные священники многого ожидаютъ отъ церковно-приходскихъ школъ, и онѣ дѣйствительно принесли бы здѣсь громадную пользу, если бы ихъ программа не была такъ узка. Но и священниковъ такихъ, правду сказать, не много. Бѣлорусскій батюшка часто самъ раздѣляетъ съ народомъ всѣ его предрасудки или же, который по смышленію, не прочь извлечь изъ нихъ кое-какую выгоду для себя. Положимъ, на полѣ крестьянина во ржи злой человѣкъ сдѣлалъ завитку или заломъ. Чтобы избѣжать бѣдствія, которое ему грозитъ отъ этой козни, онъ немедленно приглашаетъ священника, который за извѣстную плату читаетъ извѣстную молитву противъ бѣсовскаго навожденія, торжественно вырываетъ завитку и предаетъ сожженію. Впрочемъ, священники не могутъ похвастать, что они одни властны въ этомъ. И до сихъ поръ часто крестьянинъ предпочитаетъ призвать знахаря, кото-

рый къ тому-же разгадаетъ, съ какою цѣлью сдѣлана была завитка: на скотъ, на поле, или на самого хозяина, или его дѣтей, чего священникъ, конечно, не въ состоянїи сказать; а иногда знахарь укажетъ даже виновника злого умысла, и тогда онъ беретъ завитку и переноситъ тайкомъ на поле этого виновника со всею бѣдою, какая должна произойти отъ завитки; конечно, это дѣлается съ тою мыслью, что другой тоже пригласитъ того-же знахаря и заплатитъ за развивку завитки. Иногда приглашаютъ сначала знахаря, колдуна для разъясненїя завитки, а потомъ уже священника для ея уничтоженїя, такъ что здѣсь вы видите уже маленькое превосходство христіанскаго элемента надъ языческимъ, хотя оба они, такъ сказать, уживаются еще рядомъ.

Такъ какъ я заговорилъ объ остаткахъ язычества, то прибавлю еще кое-что въ этомъ родѣ и, прежде всего, упомяну о такъ называемыхъ „прощахъ“.

Проща—собственно моленіе о прощенїи грѣховъ съ приношенїемъ пожертвованїй въ какомъ-нибудь святомъ или чудесномъ мѣстѣ. Но въ обыденной рѣчи прощею называется самое это мѣсто, прослывшее почему-нибудь въ народѣ, который въ опредѣленные дни стекается туда въ большомъ числѣ на богомолье. Итти на прощю, значитъ итти на богомолье. Такими прощами бывають ключи, источники, особенные камни, горки, наконецъ старинные кресты и т. п. Съ каждою изъ такихъ прощъ связано преданїе о какомъ-нибудь необыкновенномъ событїи или совершившемся здѣсь чудѣ, въ которое народъ вѣритъ безусловно. Эти прощїи открываются и до сихъ поръ по поводу разныхъ случаевъ. Представьте себѣ, напримѣръ, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душѣ; вотъ она, пася скотъ, заснула на пригоркѣ и видитъ во снѣ исполненїе всѣхъ ея мечтанїй, видитъ, что горе ея прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвѣ-

стить ей эту радость. Какъ только сонъ сбудется, хотя бы черезъ годъ или черезъ два, баба спѣшитъ на приговоръ съ приношеніями, кладетъ на мѣстѣ видѣнія деньги, свѣчи, воскъ, лёнъ, полотно, молится, наконецъ, оповѣщаетъ объ этомъ сосѣдокъ, мѣсто огораживается — и прѣща готова. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ день, а также одинъ разъ въ мѣсяцъ и во всякіе богородичные дни, сюда стекается народъ, и каждый разъ все въ большемъ количествѣ; они молятся, приносятъ, „офѣры“ (офѣра, польск. ofiara — приношеніе). Эти приношенія потомъ раздаются нищимъ или собираются въ ближайшій монастырь или церковь. Въ концѣ концовъ духовенство принимаетъ такую прѣщу подъ свое покровительство; тогда вмѣсто ограды или навѣса строится часовенька, мѣсто освящается, служатся въ извѣстные дни молебны, а мелкіе торговцы къ этимъ днямъ привозятъ туда разный товаръ: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нѣчто въ родѣ ярмарки. Если мѣстный священникъ вздумаетъ останавливать это поклоненіе, то онъ самъ рискуетъ потерять уваженіе у прихожанъ, и если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то ее тотчасъ объясняютъ наказаніемъ Божьимъ за его противодѣйствіе Божьей волѣ. Такой случай былъ, напр., въ д. Евличахъ, около Ивани, гдѣ священникъ скоропостижно умеръ, будто бы за то, что не хотѣлъ признать новой прѣщи на горкѣ, гдѣ дѣвушка видѣла сонъ на счетъ урожая и своей судьбы, который вскорѣ исполнился. Замѣчательно, что всего усерднѣе посѣщаются прѣщи въ каждое первое воскресеніе послѣ новолунія. Вообще, эти новолунныя воскресенія въ большемъ уваженіи у бѣлоруссовъ. Считается большимъ грѣхомъ не быть за обѣдней въ такое воскресеніе; иные старики даже считаютъ долгомъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. Думаютъ объяснять почитаніе новолунныхъ воскресеній вліяніемъ католичества, которое совершало въ эти дни

крестные ходы, или же вліяніемъ іудейства; но эти объясненія несостоятельны: культъ луны былъ, конечно, извѣстенъ и древнимъ обитателямъ Бѣлоруссіи и онъ достаточно ясно выступаетъ въ другихъ обрядахъ и пѣсняхъ, напр. свадебныхъ, гдѣ этихъ вліяній нельзя подозрѣвать. Надо замѣтить еще, что отъ новолуній бѣлоруссы ожидаютъ атмосферическихъ перемѣнъ: хорошей погоды послѣ дождя, дождя послѣ засухи, и дѣйствительныя измѣненія погоды по четвертямъ мѣсяца еще болѣе поддерживаютъ уваженіе къ лунѣ. Когда бѣлоруссъ долго ожидаетъ перемѣны погоды, онъ возлагаетъ послѣднюю надежду на молодой мѣсяць: „увидимъ, што маладзикъ покаже“, говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ. Завидѣвъ впервые серпокъ молодика, онъ крестится и говоритъ вполголоса:

„Маладзичокъ маладый, рогъ залаты, великій князь, поздаравляй насъ; дай намъ способъ и раду до жиця, сабіе на прыбытокъ а намъ на спасене“, а затѣмъ читаетъ „Отче нашъ“ и другія молитвы. Однимъ словомъ, культъ луны, проявляющійся въ прощахъ и въ другихъ случаяхъ жизни бѣлорусса, это древнѣйшій культъ, который въ Бѣлоруссіи опять таки замѣчательнымъ образомъ уживается съ христіанскими догматами.

Кстати, въ параллель къ только что приведенной молитвѣ я позволю себѣ привести здѣсь еще одну такую же апокрифическую молитву „на сонъ грядущи“, хотя это и будетъ маленькимъ отступленіемъ. Одна старуха, которой теперь болѣе 90 лѣтъ, ложась спать и осѣняя крестнымъ знаменіемъ постель, себя и все кругомъ, говоритъ: „Лажуся спаць; Пречистая, придзи ка мнѣ начеваць зъ дванадцацю ангѣлами, съ тринадцатымъ апостоломъ. Ангѣлы майе (мои), старѣжи майе, сцережиця душу маю до поўночи, Пречистая до свѣта, апостоль до конанія вѣка, пакўль будзе маѣ павѣдане. Самъ Гасподь знае, дзѣ маю душу падзіеци“. Надо замѣтить, что старуха эта вывезена еще

въ молодости, при крѣпостномъ правѣ, изъ Румыніи и совсѣмъ обрусѣла, хотя свой языкъ нѣсколько помнитъ, и если очень разсердится, то начинаетъ бормотать по своему. Неизвѣстно, гдѣ она научилась этой молитвѣ, но во всякомъ случаѣ можно спросить себя, не есть ли эта молитва переложеніе или переводъ какой нибудь румынской молитвы. Это очень интересно было-бы знать, потому что, какъ извѣстно, въ Румыніи была нѣкогда сильно распространена богомильская ересь (первые ея послѣдователи, впрочемъ, отвергали почитаніе Богородицы), подъ вліяніемъ которой явилось тамъ много ложныхъ молитвъ и цѣлыхъ книгъ и сочиненій, которыя, между прочимъ, не остались безъ вліянія и на нашу апокрифическую или отреченную литературу, особенно черезъ посредство болгарской. Впрочемъ, и среди коренныхъ бѣлоруссовъ есть не мало подобныхъ молитвъ, прямо сочиненныхъ или представляющихъ только искаженія общеизвѣстныхъ. Измѣряя одного парня, которому предстояло итти на призывъ и который хвасталъ передо мною, что онъ учился въ школѣ, я спросилъ у него изъ любопытства, знаетъ ли онъ „Отче Нашъ“.

— Чамужъ ня знаць? отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженный: „Отче нашъ, иже вездѣсый и вся исполняй...“.

— А „Царю небесный“?

— А Царю небесный — такъ само-жъ, только починаетца трохи ня такъ. — Вотъ вамъ примѣръ искаженія молитвы.

Но вернемся еще къ прѣшамъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ прѣщъ, извѣстныхъ мнѣ, упомяну прежде всего Марьину горку въ Игуменскомъ уѣздѣ. Проѣзжая по Либаво-Роменской жел. д., вы видите здѣсь, на 3-й станціи отъ Минска, прекрасную каменную церковь на пригоркѣ, среди роши. Эта церковь вся построена на приношенія богомольцевъ и еще часть оставшихся суммъ пошло на устройство здѣсь-же

прекраснаго ремесленнаго училища. Предметомъ поклоненія теперь здѣсь служитъ икона Божьей Матери, но по преданію тутъ была прѣща на холмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около мѣстечка Смиловичи того-же уѣзда, есть Святая горка; тамъ находится камень со знакомъ, похожимъ на человѣческій слѣдъ. Этотъ камень долго служилъ предметомъ поклоненія, а теперь тамъ церковь. Преданіе гласитъ, что шли нѣкогда три Богородицы, ища себѣ мѣста, гдѣ бы объявиться. Одна пошла въ Дудичи, другая въ Новоселки, а третья въ Ляды (въ поименованныхъ мѣстахъ теперь находятся чудотворныя иконы Богородицы). Послѣдняя, т. е. Ляданская, остановилась отдыхать на горкѣ между Смиловичами и Лядами, гдѣ и оставила свой слѣдъ на камнѣ. Первымъ чудомъ ея здѣсь было исцѣленіе помѣщика, случайно ослѣпшаго. Онъ спалъ на этой горкѣ и видѣлъ во снѣ, будто къ нему подошла Богородица, коснулась его глазъ, и онъ проснулся зрячимъ. Увѣряютъ, что это неожиданное исцѣленіе — фактъ дѣйствительный и не особенно давній. — Подобнымъ уваженіемъ пользуется камень, находящійся около Новогрудка, съ изображеніемъ какихъ то слѣдовъ, какъ будто пятки и пальцевъ. Пальцы — это, по народному вѣрованію, слѣдъ Богородицы, а пятка — слѣдъ чорта, который гнался за нею, но не могъ догнать: она скрылась въ ближайшій монастырь, гдѣ стала оказывать чудеса. Къ этому камню также стекаются крестьяне на поклоненіе, кладутъ деньги, воскъ, лёнъ и т. п., молятся и цѣлуютъ слѣдъ Богоматери, а на слѣдъ чорта плюютъ, при чемъ нерѣдко происходятъ ошибки: гдѣ нужно цѣловать, туда плюютъ, и наоборотъ. Другіе иначе объясняютъ знаки на этомъ камнѣ: будто во время нашествія шведовъ передовой шведскій отрядъ оставилъ этотъ знакъ, чтобы послѣдующіе отряды знали, куда направились шведы. Камень съ подобіемъ человѣческаго слѣда есть еще на полдорогѣ изъ г. Слуцка въ мѣ-

стечкѣ Грозовѣ. Увѣряють, что это слѣдъ св. Николая, который, шель въ ближайшую церковь, чтобы тамъ творить чудеса.

Въ разныхъ мѣстахъ западной окраины, въ особенности въ Виленской губерніи, существуютъ подобные камни съ болѣе или менѣе явственными знаками, похожими на оттискъ человѣческой ноги, чаще всего принимаемый народомъ за слѣдъ Богородицы; на примѣръ: въ Ошмянскомъ у., при большой дорогѣ изъ Трокъ въ Ольшаны, въ Лидскомъ у. при д. Мейры, въ Троцкомъ у. въ имѣніи Микишки на правомъ берегу Вилии, въ Виленск. у. Эти камни были когда-то описаны А. Киркоромъ въ его этнографическомъ описаніи Виленской губ. (Этнографич. Сборникъ, изд. Имп. Рус. Географич. Общества, вып. 3. Спб. 1858). Были случаи, что эти камни разбивались на куски по приказанію властей, но народъ опять ихъ складывалъ, или же приписывалъ каждому обломку такую же чудесную силу.

Немалымъ уваженіемъ и почитаніемъ пользуются также камни съ надписями, въ особенности если надпись непонятна для народа. Такіе памятники называются „писанными камнями“. Мнѣ встрѣтился такой камень по дорогѣ изъ г. Слуцка въ Бобруйскъ въ Новодорожской волости, близъ деревни Пастовичи. Онъ довольно большихъ размѣровъ и кругомъ покрытъ высѣченными надписями, которыя никому до сихъ поръ, равно какъ и мнѣ, не удалось прочесть. Около него крестъ, на камнѣ икона.

Кромѣ камней, большимъ почитаніемъ пользуются еще ключи, источники.

По дорогѣ изъ Бобруйска въ Могилевъ при р. Алѣ, въ урочищѣ Вольскъ, Качеричскаго прихода, есть приписная церковь съ мѣстнотворной иконой Божьей Матери. Преданіе говоритъ, что жили два брата Кондрата по прозванію Сокоры; младшій былъ тяжело боленъ. Во снѣ ему Богородица указала ключъ (крыницу),

отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе, въ память чего и поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. Открылась прѣща, посыпались приношенія, и въ 63 г. выстроена здѣсь большая церковь на одни эти пожертвованія. Въ Минскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Ракова, есть прѣща-ключъ. Слепой старикъ нашель его по тайному голосу Богородицы и исцѣлился отъ него. Въ Слуцкомъ у., около села Доросина, находится прѣща-колодець. Два раза въ годъ, 1-го авг. (Магкевей) и въ Преполовеніе, здѣсь бываетъ громадное стеченіе народа, совершается служба съ водосвятиемъ, и каждый беретъ себѣ запасъ цѣлебной воды. Можетъ быть, дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ ключей, почитающихся святыми, имѣютъ цѣлебныя свойства, такъ же какъ и нѣкоторыя озера, напр. оз. Свитязь въ Новогрудскомъ уѣз., воспѣтое Мицкевичемъ, куда привозятъ больныхъ для купанія, иногда даже въ холодную пору. Нѣтъ возможности перечислить всѣ подобныя мѣста; если бы имъ составить списокъ по всей губерніи, то ихъ навѣрно оказались бы десятки, если не сотни.

Рядомъ съ этимъ множествомъ мнимо святыхъ мѣстъ существуетъ въ Бѣлоруссіи такое же множество мнимосвятыхъ дней, въ которые считается грѣхомъ работать, несмотря на то, что эти дни не освящены церковью и называются „присвятками“, т. е. полупраздниками при большихъ праздникахъ; въ иные же дни, какъ напр. въ среду и пятницу послѣ новолунія, не приступаютъ только къ особенно важнымъ дѣламъ. Вообще эти празднованія больше всего выпадаютъ на долю среды и пятницы, слѣдующихъ за большими праздниками. Такъ, напримѣръ, на Святой празднуется „градовая“ среда и пятница (иначе ледоватый день), чтобы лѣтомъ поля не страдали отъ градобитія.

Еще празднуются пятницы: 1) послѣ Рождества Хр., 2) на масляницѣ, 3) послѣ Троицы—среда и пятница, такъ называемая „семуха“, 4) на 10-й недѣлѣ послѣ

Пасхи. т. н. „дзесятѹха“, также отъ града. Иезуиты сумѣли примѣнить къ этому послѣднему народному празднику свое главное церковное торжество въ честь *sanctissimi cordis Jesu*, и этимъ еще болѣе упрочилось уваженіе народа къ этому дню, къ „дзесятѹхѣ“. Нѣчто подобное сдѣлала наша церковь, примѣнивъ къ народному празднованію девятаго четверга, или „дзевятника“, церковное торжество въ память воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковью. „Дзевятникъ“ — важный праздникъ еще и потому, что въ этотъ день народъ приноситъ въ церковь травы и вѣнки для освященія къ Ивану-Купалѣ. Католики и униаты праздновали девятникъ въ честь тѣла Господня и совершали крестные ходы съ большими церемоніями. Празднуется также и десятый четвергъ по Пасхѣ — „дзесятникъ“.

Среда и пятница, какъ дни, посвященные воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковью, и народомъ. Но у народа это почитаніе уже съ давнихъ поръ имѣло нѣкоторый нехристіанскій оттѣнокъ. По пятницамъ, по народному повѣрью, не должно ни прясть, ни пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пескомъ. Здѣсь видимъ олицетвореніе пятницы, о чемъ будетъ сказано еще ниже. Въ „Регламентѣ“ указывается на существовавшій обычай „водить простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Во времена Грознаго, какъ видно изъ Стоглава, ходили „по погостамъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старья бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (съ греч. воскресеніе) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ кануны завѣчивать; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго

дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменя (камина) не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзскіе дѣла творити“. Соборъ предаль проклятію всѣхъ этихъ лжепророковъ, но почитаніе дня пятницы этимъ не прекратилось, да и не могло быть прекращено.

По рукамъ старинныхъ грамотныхъ людей ходило множество списковъ такъ называемаго преданія о 12 пятницахъ. Въ этомъ апокрифическомъ писаніи перечислялись 12 пятницъ въ году, въ которыя будто бы не слѣдуетъ работать подь страхомъ тяжкаго грѣха; это именно пятницы: 1) 6-го марта, 2) предь Благовѣщеньемъ, 3) на Страстной недѣлѣ, 4) предь Вознесеніемъ, 5) предь Пятидесятницей, 6) предь Петровымъ днемъ, 7) предь Успеньемъ, 8) предь Усѣкновеніемъ главы Предтечи, 9) предь Воздвиженіемъ, 10) предь днемъ Михаила Архангела, 11) предь Рождествомъ Христ., 12) по Рождествѣ. Съ каждою изъ этихъ пятницъ соединяется какое-нибудь воспоминаніе преимущественно о ветхозавѣтномъ событіи, и въ этомъ нельзя не видѣть слабаго отголоска іудейства; между прочимъ, имя Параскевы Пятницы объясняется также тѣмъ, что Параскева по гречески значить „приготовленіе“, а у іудеевъ пятница есть именно приготовленіе къ празднованію субботы. Перечисленныя пятницы, по словамъ того-же ложнаго писанія, „подобаетъ блюсти постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ хлѣба вкусити, аще мощно, то и милостыню творити убогимъ. А отъ плотскихъ похотій грѣховныхъ сохранитися; аще ли кто въ ты пятницы зачнетъ, нездравъ бываетъ: любо хромъ, любо слѣпъ, или иною вещью прокаженъ, или тать, или разбойникъ, злу начальникъ“ и пр. Въ настоящее время особенно въ ходу такіе листки у раскольниковъ, при чемъ тамъ указывается цѣль празднованія каждой пятницы отдѣльно. Вотъ какія могутъ быть самыя разнообразныя причины, обусловливающія то или другое явленіе въ духовной жизни народа.

Интересно то, что, по понятіямъ народа, большинство присвятковъ имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ, къ пашнѣ; работая на ней въ праздникъ, можно наклепать на нее бѣду въ видѣ неурожая, градобитія, засухи и т. п. Но при этомъ имѣется въ виду только земля, принадлежащая христіанину. Работать на собственной землѣ въ неважный полупраздникъ нельзя, но на еврейской можно. Если на землѣ, принадлежащей христіанину, но арендованной евреемъ, работаютъ въ христіанскій праздникъ, хотя бы только сами евреи, то это все таки можетъ навлечь гнѣвъ Божій на собственника земли. До того доходитъ иногда это уваженіе къ землѣ, что, напримѣръ, католики, поселившіеся на землѣ, принадлежавшей русскимъ, считаютъ долгомъ совѣсти хранить, хотя отчасти, русскіе праздники и посты, а равно и давать въ церковь на поминовеніе прежнихъ владѣльцевъ, обливавшихъ своимъ потомъ ихъ землю; православные, осѣвшіе, такъ сказать, на католическомъ грунтѣ, поминаютъ прежнихъ его собственниковъ въ костелѣ. Это бывало особенно часто въ прежнее время, когда въ Бѣлоруссіи было больше костеловъ и вообще польское вліяніе было сильнѣе.

Въ числѣ наказаній за несоблюденіе праздниковъ самое страшное — это обращеніе виновнаго въ камень. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Житина въ Осиповичи, около с. Кринки указываютъ камень, называемый „волами“. Рассказываютъ, что одинъ крестьянинъ вышелъ пахать въ Свѣтлый праздникъ и обратился въ камень вмѣстѣ съ волами и сохой. Впрочемъ этотъ рассказъ варьируется на разные лады. Въ безформенномъ камнѣ народъ усматриваетъ фигуру пахаря, воловъ и т. д. Указываютъ тутъ-же и другіе камни, имѣющіе какъ будто форму птицъ, напр. утки, и считающіеся таинственными, обладающими какою-то силой. Разказовъ и преданій объ окаменѣніи за послушаніе волѣ Божьей живетъ не мало среди бѣлорус-

совъ и всѣ они, безъ сомнѣнія, составляютъ отголосокъ далекой старины, такъ какъ этотъ мотивъ мы знаемъ и изъ ветхаго завѣта, изъ окаменѣнія жены Лота. Слѣдуетъ замѣтить еще, что по понятіямъ бѣлоруссовъ, не столько Богъ наказываетъ за ослушаніе его волѣ, сколько мститъ самый праздникъ за неуваженіе къ нему. Каждый праздникъ и даже дни недѣли бѣлоруссы представляютъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій рассказъ, который мнѣ случилось услышать отъ одной старухи. Шли три женщины: св. Пятница, св. Суббота и св. Недѣля. Самая красивая, нарядная и веселая изъ нихъ была именно Суббота, между тѣмъ, какъ двѣ другія были грустны, заплаканы и отрепаны; Пятница была вся въ ранахъ, истыкана, исцарапана, а о Недѣлѣ ужъ и говорить нечего: на ней живого мѣста не оставалось,—одни раны и синяки, а платью все въ клочкахъ. Всему этому причиною люди; они не чтятъ, какъ слѣдуетъ, пятницы и воскресенья и этимъ заставляютъ страдать свв Пятницу и Недѣлю. Шьетъ-ли баба въ пятницу; она колетъ св. Пятницу; работѣтъ-ли крестьянинъ топоромъ въ воскресенье или заводитъ драку въ пьяномъ видѣ — онъ наноситъ раны и побои св. Недѣлѣ. Одна только св. Суббота живетъ весело и спокойно, потому что евреи во всей строгости хранятъ посвященный ей день.

Кромѣ обращенія въ камень есть еще и другіе способы наказанія за несоблюденіе праздниковъ. Болѣзнъ и смерть—это второй послѣ окаменѣнія самый страшный родъ наказанія ослушниковъ воли Божьей; иногда эти наказанія распространяются даже на все семейство виновнаго и на скоть. И вообще это самое обычное, по понятіямъ бѣлорусса, наказаніе за всякое тяжкое преступленіе. Такъ, напр., если кто украдетъ съ поля соху у сосѣда или другое хозяйственное оружіе, то у виновнаго подохнуть волю, не будетъ вестись скоть въ

течение семи лѣтъ и наконецъ самъ онъ заболѣеть или умереть. Поэтому-то такъ рѣдки случаи воровства среди бѣлоруссовъ: улы, въ лѣсахъ стоятъ безопасно, хлѣба въ копнахъ никто не тронетъ подѣ страхомъ смерти, лошади спокойно остаются ночью на дворѣ. Конечно нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было кражъ; еслибъ не было такихъ случаевъ, то не за чѣмъ было бы придумывать бѣлоруссу такое страшное наказаніе ворами. Добрые старые обычаи и патриархальныя отношенія начинаютъ сильно рушиться и въ глухой Бѣлорусси.

Въ послѣднее время особенно часто слышатся жалобы на старовѣровъ, въ особенности въ Игуменскомъ у., гдѣ ихъ поселилъ на своей землѣ б. рижскій губернаторъ, генераль Шевичъ. Они очень часто попадаютъ въ дерзкихъ кражахъ и грабительствахъ, икрестьяне-бѣлоруссы ненавидятъ ихъ до глубины души. Когда встрѣчается старовѣръ, котораго они тотчасъ узнаютъ по длиннополой одеждѣ и бородѣ, они пальцами въ него тыкаютъ и ругаютъ въ голосъ „кацапомъ“ и другими бранными словами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Кояловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлорусси высказывалъ какъ-то жалобы на уменьшеніе великорусскаго элемента среди населенія этого края. Если рѣчь идетъ о выселеніи оттуда старовѣровъ, то объ уменьшеніи этого вреднаго элемента сожалѣть нечего. Не думайте, однако, чтобы я хотѣлъ представлять самого бѣлорусса безпорочнымъ, хотя бы даже относительно воровства. Онъ, конечно, не пойдетъ въ домъ красть деньги, не взломаетъ амбаръ, не уведетъ лошадь, развѣ за рѣдкими исключеніями; но, напримѣръ, чужое дерево, если оно не загорожено, трава чужая, особенно въ лѣсу, не считаются неприкосновенными, и въ этомъ отношеніи нерѣдко нарушаются права собственности; въ особенности помѣщики часто жалуются на кражи крестьянами стро-

еваго лѣса и дровъ изъ лѣсу, также на потраву луговъ. Нерѣдко крестьяне высказываютъ ту мысль, что вся земля должна принадлежать народу, и потому еще болѣе считаютъ себя вправѣ присвоивать себѣ собственность помѣщиковъ и казны. Впрочемъ, болшею частью это дѣлается по необходимости. За скудостью собственнаго надѣла, крестьянину часто некуда дѣваться со скотомъ, и онъ пасетъ его на чужомъ участкѣ; вслѣдствіе расчистки лѣса подъ пашню, ему иногда не изъ чего возвести самую пустячную постройку. и онъ тащитъ потихоньку лѣсъ отъ помѣщика или отъ казны. Случаются иногда и бунты крестьянъ въ Бѣлоруссіи подъ вліяніемъ разныхъ подстрекателей. И не удивительно. Приведенный выше случай изъ Игуменскаго уѣзда служить иллюстраціей къэтому. Всякій пройдоха можетъ безъ труда провести и эксплуатировать легковѣрнаго, безграмотнаго бѣлорусса, и онъ же еще будетъ защищать предъ вами своего эксплуататора. Заговорите вы съ нимъ, напр., про какого-нибудь фактора-еврея, у котораго онъ весь въ рукахъ; онъ вамъ скажетъ: „да вѣдь еврей еще бѣднѣе меня; если бы еврей тянули съ мужиковъ деньги, то они и были бы у нихъ; а какія у еврея деньги? Иной, можетъ быть, два дня не ѣвши бѣгаетъ, а ужъ оборваны всѣ—тѣло видно! А вотъ, что жидъ во всякой бѣдѣ поможетъ,—это правда; недаромъ говорится: якъ бѣда, то до жидѣ“. Такое разсужденіе мнѣ пришлось услышать самому отъ крестьянина въ Слуцкѣ, на ярмаркѣ.

Итакъ, пусть не удивляется читатель, если я нахожу возможнымъ, на основаніи личныхъ наблюдений, сказать прямо, что простой бѣлорусскій народъ очень рѣдко высказываетъ жалобы на то, что онъ терпитъ отъ евреевъ зло. Сознаетъ ли онъ это зло или нѣтъ,—это другой вопросъ; но мнѣ кажется, что общая нужда, постоянная борьба изъ-за насущнаго хлѣба, гнетущія экономическія условія, въ какихъ приходится жить

и крестьянину, и простому еврею, — все это какъ то приводитъ всѣхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, заглушаетъ всякіе другіе вопросы какъ религіозные, такъ и національные. Присматриваясь лично къ взаимнымъ отношеніямъ бѣлорускаго народа и евреевъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ крестьянъ о евреяхъ, вы не замѣтите той непримиримой вражды, того антагонизма, о которомъ вы такъ часто привыкли слышать отъ другихъ.

Ни одинъ крестьянинъ, конечно, не станетъ отрицать отдѣльныхъ случаевъ грубаго нахальства, дерзости, обмана, явнаго обирательства со стороны евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго; но это не мѣшаетъ добродушному бѣлоруссу миролюбиво и даже черезчуръ довѣрчиво относиться къ евреямъ вообще. Чтобы вѣрнѣе судить объ этихъ отношеніяхъ, не надо упускать изъ виду еще одну очень характерную черту бѣлорускаго народа. Бѣлоруссъ, какъ и малоруссъ, очень скептически и неодобрительно относится къ занятію торговлею вообще. Всю жизнь копаясь въ землѣ и изъ нея добывая себѣ пропитаніе въ потѣ лица, онъ смотритъ на торговлю, какъ на барышничество, и никакъ не можетъ одобрить такого занятія, при которомъ приходится жить исключительно „выручкою“ съ другого. И согласно съ этимъ, нельзя не замѣтить, что недовольство бѣлоруссовъ скорѣе всего могутъ возбудить евреи, занимающіеся мелкою торговлею. Напротивъ, разъ еврей занимается какимъ нибудь другимъ, по понятіямъ народа, болѣе благороднымъ промысломъ, бѣлоруссъ ничего противъ него не имѣетъ и всегда отдаетъ справедливость при оцѣнкѣ честнаго труда еврея. Ремесленный классъ евреевъ, составляющій также не малый процентъ сравнительно съ торговымъ, всегда пользуется бѣльшимъ уваженіемъ со стороны бѣлоруссовъ.

Но что всего болѣе можетъ удивить посторонняго

наблюдателя, мало знакомого съ жизнью западнаго края, это—необыкновенная довѣрчивость народа къ евреямъ. Мнѣ случалось встрѣчать лицъ, которыя, по назначеніи на службу въ Бѣлоруссію, ѣхали туда впервые ни болѣе ни менѣе, какъ съ тою мыслью, чтобы спастись бѣлоруссовъ отъ жидовства и заранѣе приготовляли, такъ сказать, свои уши и нервы, чтобы быть въ состояніи выносить народные стоны и вопли подъ заѣдающею еврейскою массою. И каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что тотъ самый мужикъ, которому они желали протянуть руку помощи, относится къ нимъ съ какимъ то подозрѣніемъ, бѣжитъ отъ нихъ и всегда охотнѣе обратится за совѣтомъ и за помощью къ знакомому еврею, чѣмъ къ какому бы то ни было „пану“. Такъ или иначе, а приходится сознаться, что къ лапсердаку мужикъ до сихъ поръ имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ сюртуку, подъ которымъ онъ скорѣе склоненъ подозрѣвать своего тайнаго врага. И это недоувѣріе и нерасположеніе замѣчается не только къ людямъ пріѣзжимъ, чиновнымъ, официальнымъ, но и къ частнымъ и притомъ хорошо знакомымъ, напр. къ помѣщикамъ, хотя бы они желали добра народу. И замѣчательно, что именно еврей служитъ большею частью для мужика какимъ то авторитетомъ. Если крестьянину придется выслушать отъ помѣщика или чиновника какой-нибудь полезный совѣтъ, услышать какую-нибудь важную новость, для провѣрки всего этого онъ отправится прежде всего къ какому-нибудь знакомому шинкарю-еврею. Если помѣщикъ будетъ самъ нанимать подводы для возки дерева, то крестьяне потребуютъ съ него рубля по полтора; если же наемъ будетъ производиться черезъ шинкаря или другого фактора-еврея, то они согласятся взять не болѣе какихъ-нибудь 75 копеекъ. Такіе факты происходили, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Еврей угостить мужиковъ водкой, пообщаетъ кое-кому вычеркнуть какой-нибудь ничтож-

ный долгъ или позволить повременить его уплатою, посулить впередъ помогать имъ, стоять за нихъ горой передъ помѣщикомъ и т. д., и они готовы исполнить за полцѣны ту-же работу, за которую желали получить вдвое больше; другая половина или хоть часть этой платы въ томъ или иномъ видѣ идетъ, конечно, въ пользу фактора, въ видѣ награды отъ помѣщика.

Во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ всемогущимъ двигателемъ является водка. Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разорь! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, по пословицѣ: „свои люди—сочтемся“, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги, такъ какъ деньгами бѣлоруссъ не въ состояніи платить: ихъ у него нѣтъ и въ поминѣ, и продукты хлѣбопашества составляютъ для него единственно-возможный способъ расчета.

Кому случилось быть на ярмаркѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ, тотъ особенно наглядно можетъ представить себѣ, какъ сильно вкоренилась въ бѣлорусскомъ народѣ склонность къ пьянству и какъ гибельно отзывается этотъ порокъ на народномъ благосостояніи. Въ эту мою поѣздку мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ мѣстечкѣ много печаль ныхъ ярмарочныхъ сценъ, которыя закончились прискорбной картиною. Была ярмарка наканунѣ шабаша, и вотъ, съ наступленіемъ захода солнца, евреи засуетились еще пуще, стали запираить лавченки; проползъ по площади старикъ, зовущій визгливымъ голосомъ въ синагогу, и ярмарка прекратилась. Я былъ за городомъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ изъ мѣстечка въ видѣ радіусовъ къ деревнямъ, потяну-

лись крестьянскія телѣги и группы пѣшеходовъ. Въ каждой телѣгѣ вы видите пьянаго мужика, который уже не въ состояніи удержать вожжей; баба правитъ лошадыю и заливаема слезами отъ побоевъ и оскорбленій пьянаго мужа или отца, или оттого, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя предназначались на подать или хозяйственныя необходимыя. Рядомъ ѣдетъ телѣга, нагруженная цѣлою кучею мужиковъ и бабъ; всѣ они пьяны до крайности, орутъ всевозможныя срамныя пѣсни, бранятся, ругаются и наконецъ дерутся. Присматриваетесь къ кучкѣ пѣшеходовъ и видите то-же самое: пьяные ведутъ подъ руки одни другихъ, сопровождая свое шествіе такимъ-же аккомпанементомъ, или же сваливаются въ канаву, гдѣ спятъ до утра; и это еще лучший исходъ: по крайней мѣрѣ, домашніе спасены отъ буйства, которымъ всегда сопровождается возвращеніе съ ярмарки.

Я вошелъ въ центръ города, и тутъ опять тѣ же сцены: бабы подымаютъ съ мостовой пьяныхъ мужиковъ, или плачутъ, убиваясь надъ лошадыми; пьяные бредутъ спотыкаясь, сами не зная куда, а въ вертепахъ пьянства — трактирахъ, которые остаются незакрытыми и въ шабашъ съ наемной христіанской прислугой, идетъ неустанный гомонъ, пѣсни, брань, драка, пока наконецъ всѣхъ пьяныхъ не вытолкаютъ оттуда на улицу, хотя бы и деньги не были заплачены: онѣ не пропадутъ, шинкарь въ томъ увѣренъ. И какъ больно и тяжело на душѣ, когда рядомъ съ этимъ развратомъ видишь, какъ трезвые евреи съ книгами и своими пестрыми покрывалами подъ мышкой чинно, молча направляются вереницами въ синагогу, старыя и малыя, начинаютъ тамъ молиться во весь голосъ, какъ бы стараясь заглушить своимъ благочестивымъ крикомъ оргіи близлежащихъ трактировъ. И вотъ они возвращаются домой, окна освѣщаются, начинается трапеза со всею чинностью и скромностью, въ полномъ составѣ семьи

и съ гордымъ сознаниемъ своего нравственнаго превосходства, своей правоты и благочестія.

— „Что-же дѣлается теперь въ тѣхъ мрачныхъ деревенскихъ избенкахъ, куда возвратились съ ярмарки пьяные члены семьи?“ думалось мнѣ, когда я въ сумерки проходилъ по улицамъ городка, освѣщаемымъ изъ оконъ шабашевыми огнями. Грубая брань, драка, плачь испуганныхъ дѣтей, ломка и битье всего, что ни попадется подъ руку, — вотъ эпилогъ печальной драмы, разыгрывающійся уже въ избѣ, въ семьѣ. А тамъ болѣзни, какъ послѣдствія пьянства, поврежденія, нанесенныя себѣ и другимъ въ нетрезвомъ видѣ; еще далѣе — судебные процессы, наконецъ разореніе, нищенство, голоданіе...

Подъ впечатлѣніемъ всего этого невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели славянская натура бѣлорусса, не смотря на поддержку высокыхъ христіанскихъ началъ, настолько все-таки дрябла и слаба, что не можетъ противостоятъ деморализации, не можетъ дать отпора заѣдающей ее средѣ? Вѣдь низшій классъ еврейства находится никакъ не въ лучшихъ, если не въ худшихъ, экономическихъ условіяхъ, чѣмъ нашъ мужикъ, и точно такъ же непросвѣщенъ; а между тѣмъ бѣдность и нищета не погружаютъ его въ развратъ и не убиваютъ въ немъ энергіи и бодрости. Еврей, въ какихъ бы трудныхъ условіяхъ ему ни приходилось жить, остается вѣчно дѣятельнымъ и не только не даетъ себя забрать въ руки другому, особенно мужику, но самъ сумѣетъ при удобномъ случаѣ взять надъ нимъ верхъ и вертѣть имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Главное преимущество еврея предъ мужикомъ это — твердое и неуклонное исполненіе своихъ правилъ и предписаній, а затѣмъ, что еще важнѣе, житейская опытность и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Круглый день еврей, подобно древнему греку, живетъ на площади своего мѣстечка, трется между людьми вся-

каго званія и состоянія и этимъ путемъ достигаетъ такой практичности и опытности, которая ему вполне замѣняетъ образованіе и до которой деревенскому мужику никогда не дойти. Онъ болѣе или менѣе знаетъ всякія правила, постановленія и законы, знаетъ, какъ приступить къ какому человѣку будетъ-ли то частное лицо или начальникъ, или чиновникъ, знаетъ чѣмъ на него подѣйствовать, и въ случаѣ возникновенія какого нибудь дѣла сумѣетъ его скорѣе выиграть при помощи своихъ многочисленныхъ друзей, изъ которыхъ каждый представляетъ собою ходячую энциклопедію свѣдѣній относительно всѣхъ и cadaго. Поэтому-то такой силою пользуются въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ бѣлорусскихъ разные ходатаи по дѣламъ и „адвокаты“, большею частью изъ евреевъ. Это люди, часто получившіе только начальное образованіе, люди пытавшіеся было выбиться изъ мелкой торгашеской среды, но почему-нибудь оборвавшіеся и не имѣющіе ходу. Не смотря на свой низкій образовательный цензъ, они все-таки ведутъ дѣла, выступаютъ весьма дѣятельными и иногда полезными помощниками въ мелкихъ процессахъ, и этимъ кормятся и живутъ. Есть между ними люди болѣе или менѣе честные. Но за то, сколько же и обманщиковъ, продѣлки которыхъ даютъ матеріалъ для цѣлыхъ страницъ мѣстной ежедневной прессы, въ видѣ судебной хроники или частныхъ извѣстій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, бѣлоруссъ остается совершенно безпомощнымъ, безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни. Это общее впечатлѣніе, какое оставляетъ въ наблюдателѣ этотъ несчастный край, — впечатлѣніе далеко не выгодное. И какова должна быть живучесть этого народа, если вся эта совокупность отрицательныхъ условій не въ состояніи еще убить бѣлорусса, стереть его съ лица земли! Очевидно, что при всей своей нравственной дряблости, бѣлоруссъ обладаетъ доста-

точнымъ количествомъ просто силы животной, которая поддерживаетъ его существованіе и даетъ надежду на возможность совершенствованія. Кабы намъ хоть въ этомъ отношеніи помочь бѣлоруссу, постараться сохранить его физическую бодрость разумными заботами о народномъ здравіи. Я говорю именно о разумныхъ заботахъ, потому что до сихъ поръ наши старанія по части сельской медицины въ этомъ краѣ доводили часто до того, что народъ въ одинъ голосъ кричалъ на сельскомъ сходѣ: „Не надо намъ доктора! не надо больницы!“ И больницы закрывались, а вмѣсто докторовъ въ нихъ поселялись урядники и пр. Примѣры подобнаго рода печальныхъ фактовъ можетъ представить, напримѣръ, Игуменскій уѣздъ. Значить-ли это, что народъ не понимаетъ пользы медицинскаго лѣченія, какъ обыкновенно думаютъ? Нѣтъ, это значитъ только, что содержаніе докторовъ, фельдшеровъ и больницъ повело за собою лишніе расходы для крестьянскихъ обществъ, а всякій новый налогъ, хотя бы самый ничтожный, является для бездолянаго бѣлорусса лишнимъ ударомъ⁷⁰ головѣ. Лучшія доказательства въ пользу того могли бы дать тѣ молодые медики, которые, окончивая медицинскій факультетъ, пробуютъ на каникулахъ въ деревнѣ заниматься практикой для собственнаго упражненія безъ всякаго вознагражденія: ихъ крестьяне, что называется, рвутъ на части, приглашая на перерывъ къ больнымъ или привозя больныхъ къ нимъ на-домъ. Увѣрить бѣлорусса, какъ и всякаго крестьянина, въ пользѣ медицины очень не трудно: два-три случая удачнаго излѣченія совершенно достаточны, чтобы докторъ не имѣлъ отбоя отъ больныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки долго будутъ держаться и разныя домашнія, симпатическія, знахарскія средства, которыя вкоренились въ народъ, именно благодаря отсутствію дѣйствительной медицинской помощи. Употребленіе ихъ тѣмъ труднѣе можетъ быть пре-

крашено, что оно во многихъ случаяхъ тѣсно связано съ народными вѣрованіями, съ извѣстными представленіями о болѣзняхъ, и облечено таинственностью, которая невольно поражаетъ воображеніе простого, необразованнаго крестьянина. Мы должны здѣсь считаться волей-неволей съ вѣковыми традиціями, и современный медикъ, вооруженный положительнымъ знаніемъ не станетъ требовать внезапнаго искорененія этихъ традицій, помня, что даже такой великій переворотъ въ умственной и нравственной жизни народа, какъ введеніе христіанства, не могъ сразу изгладить въ народной памяти все прошлое и заставить забыть все съ чѣмъ народъ сжился. Въ понятіяхъ бѣлорусса, какъ мы видѣли, священникъ и до сихъ поръ иногда замѣняетъ знахаря, и кто знаетъ, не тѣ-ли-же полуязыческіе взгляды и убѣжденія заставляютъ бѣлорусса и въ разныхъ болѣзняхъ прибѣгать подъ охрану церкви, къ помощи священника или даже внѣшнихъ атрибутовъ его сана такъ какъ и вообще религію онъ понимаетъ почти исключительно во внѣшнемъ, вещественномъ, осязательномъ смыслѣ. Болитъ-ли у него рука или нога, онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ, рѣзное или шитое изображеніе болящаго члена; падаетъ-ли скоть, онъ вѣщаетъ въ церкви изображеніе коровы и т. п. Разные священные и церковные предметы въ особенности имѣютъ для бѣлорусса цѣлительное значеніе. Такъ, во время большого выхода съ дарами, страдающіе глазами стараются протереть ихъ епитрахилью; даже прикосновеніе къ ризѣ считается часто предохраняющимъ отъ болѣзней, — обычай, явившійся, конечно, уже подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи кровоточивой. Не мало есть курьезныхъ способовъ лѣченія, такъ или иначе связанныхъ съ церковью. Такъ, напримѣръ, въ предупрежденіе разныхъ болѣзней бѣлоруссъ при выходѣ крестнаго хода изъ церкви ложится у церковныхъ дверей для того, чтобы

священникъ перешагнулъ черезъ него; въ великій четвергъ во время чтенія евангелій онъ завязываетъ 12 узелковъ на суровой ниткѣ и опоясывается ею отъ лихорадки. Нельзя однако не замѣтить, что постепенное исчезновеніе старинныхъ народныхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ же быстро, какъ и паденіе другихъ обычаевъ старины. Школа и духовенство имѣютъ въ данномъ случаѣ самое сильное вліяніе на народные умы. Церковь вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ искоренять всякіе отголоски язычества въ народѣ, и многіе священники дѣйствительно могутъ похвастать тѣмъ, что они вполне успѣли въ этомъ; хотя съ другой стороны этотъ успѣхъ часто бываетъ только кажущійся, чисто внѣшній.

Въ видѣ небольшого отступленія приведу здѣсь мой разговоръ съ однимъ бѣлорусскимъ батюшкой по этому вопросу. Спросилъ я вообще, нѣтъ-ли у мѣстныхъ прихожанъ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ. Вопросъ показался подозрительнымъ, и отвѣтъ былъ отрицательный. Батюшка, очевидно, готовъ былъ видѣть во мнѣ опаснаго человѣка, пріѣхавшаго поразвѣдать, насколько духовенство рачительно къ своей паствѣ, и донести куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь остатковъ язычества?— пытаюсь я еще спросить.

— Язычества? переспросилъ батюшка съ нѣкоторымъ испугомъ. Неужели вы, пріѣхавши изъ столицы въ наше захолустье, думаете, что ужъ мы тутъ и истиннаго Бога забыли и поклоняемся какому нибудь Перуну? Нѣтъ, господинъ добрый, мы помнимъ о Богѣ и вѣруемъ въ Него по простотѣ душевной; а язычники тѣ, которые мнятъ себя очень умными и говорятъ, что нѣтъ Бога. У насъ, слава Богу, такихъ нѣтъ.

— Да вы, батюшка, не такъ меня поняли. Вѣдь, знаете, есть въ народѣ вездѣ, не только здѣсь, много

такихъ обрядовъ, которые, очевидно, остались отъ очень давняго времени и которые никакъ не могутъ быть признаваемы христіанскими, хотя бы, напримѣръ, празднованіе Ивана Купалы съ обрядовыми огнями и пр.

— Иванъ Купала? Такъ это просто обычай не-образованнаго народа, а не язычество. Какое-же тутъ язычество? Вы, господинъ добрый, пожалуй поѣдете тамъ куда нибудь да наговорите или напишите, чего у насъ вовсе нѣтъ, а потомъ къ намъ будутъ летѣть циркуляры съ вопросами: „какіе у васъ тамъ развелись язычники?“

— Помилуйте, батюшка, за кого же вы меня принимаете?

— Да я не про васъ собственно; а только ничего у насъ этого нѣтъ. Можетъ быть, тамъ по другимъ приходамъ и есть что-нибудь такое, не знаю; но въ моемъ приходѣ этого нѣтъ: я стараюсь все искоренить, если что такое заведется. Я вѣдь не даромъ живу на приходѣ и жалованіе получаю. Я вотъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ и, слава Богу, свои обязанности знаю, ничего такого не позволю въ своемъ приходѣ.

— А значить все-таки и вамъ, батюшка, приходится вести нѣкоторую борьбу?

— Да, знаете, были въ прежнее время и здѣсь разные такіе обычаи или обряды, какъ вы ихъ называете. Теперь, конечно, нѣтъ, но были, и мнѣ приходилось съ ними воевать.

— Это очень любопытно. Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, только строгостью и можно чего-нибудь достигнуть,—стараюсь я поддѣлаться къ батюшкѣ.

— Да, истинно. Съ простымъ народомъ, знаете, иначе нельзя; а поприжать немножко, онъ и оставитъ свои дурныя привычки. Вотъ вы вспомнили про Купала. У насъ тоже все это было, и огни, и купанье, и пѣсни. Такъ вотъ бывало узнаешь, что какая-нибудь дѣвушка прыгала съ парнемъ черезъ огонь—и не ста-

нешь ихъ вѣнчать, когда вздумаютъ жениться: другимъ наука. А то еще, напримѣръ, у насъ Рождество называли всегда Колядою: все Коляда, да Коляда, а по-христіански никто и не назоветъ. Я, знаете, и въ проповѣди и въ разговорахъ объяснялъ, что нѣтъ у насъ такого святого, чтобы Колядою назывался,—ничего не помогло; а какъ я не допустилъ одного-другого къ причастию за это самое названіе, такъ и стали всѣ называть Рождествомъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ боятся вспоминать Коляду.

Я хотѣлъ замѣтить, что изгнать изъ употребленія названіе обычая еще не значитъ искоренить самый обычай, но счелъ за лучшее воздержаться и продолжать слушать батюшку. Онъ разсказалъ еще, сколько труда ему стоило отучить своихъ прихожанъ надѣвать на умершихъ мужчинъ шапки. Теперь они по крайней мѣрѣ въ церковь не вносятъ покойниковъ въ шапкѣ, а только кладутъ ее сбоку.

Бесѣда наша была прервана приходомъ крестьянина, съ которымъ батюшка началъ говорить о какихъ то дѣлахъ и горячился. Крестьянинъ, повидимому, требовалъ отъ батюшки какого то противозаконнаго поступка (впоследствии оказалось, что онъ хотѣлъ женить сына, которому еще не вышли года). Въ концѣ концовъ батюшка прочиталъ ему строгую нотацию и посовѣтовалъ лучше не доводить его до злости. Крестьянинъ предобродушно замѣтилъ на это, что ему нѣтъ никакого расчета ссориться съ батюшкой и что не даромъ говорится пословица: „Бога не гнѣви, а чорта не дразни“... Это мудрое житейское правило, примѣненное такъ некстати, готово было вызвать бурю. Но тутъ я вмѣшался въ разговоръ и, между прочимъ, замѣтивъ, что у крестьянина какой то очень болѣзненный видъ, сталъ спрашивать его о здоровьѣ, при чемъ узналъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о взглядахъ народа на нѣкоторыя болѣзни. Оказалось, что крестьянинъ стра-

дасть изнурительной хронической лихорадкой, и что именно его болѣзненность и заставила его думать о ранней женитьбѣ сына, хотя его хлопоты по этому дѣлу остались тщетными.

Въ вопросѣ о взглядахъ бѣлорусса на разныя болѣзни интереснымъ является олицетвореніе ихъ. Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ чело-вѣческомъ образѣ, и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ, напримѣръ, желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею или, наконецъ, запугать ее. Лихорадку, напримѣръ, бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы или наоборотъ въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходитъ изъ подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на кого-нибудь спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не разстанется съ нимъ. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что спалъ особенно сладко, и только впоследствии непрощенная гостья начинаетъ заявлять свои права. Поэтому заботливыя матери, выводя своихъ дѣтей весною на солнце, предостерегаютъ ихъ главнымъ образомъ, чтобы они не заснули. Тутъ уже, безъ сомнѣнія, сказывается не одно только суевѣріе бѣлорусса, но и практическій опытъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе первыхъ теплыхъ лучей весенняго солнышка, когда выглянетъ наружу изъ-подъ снѣга земля, протекуть говорливыя ручьи вешней воды, начнетъ показываться травка, въ воздухѣ раздастся веселая трель жаворонка. Сколько опяняющаго въ этомъ возвращеніи весны! Такъ и клонить васъ ко сну подъ ласкающими лучами солнца. Вы готовы повалиться на ожившую мать-сыру землю, прильнуть своею полно-дышащею грудью къ ея груди и забыться въ сладкомъ упоеніи. И дѣйствительно вы засыпаете; солнышко, какъ бы подкрадываясь къ вамъ, нѣж-

но лобзаетъ васъ своими лучами, но эти лобзанія предательскія; они заставляютъ васъ забыть, что подъ вами земля, еще полная вредныхъ испареній, еще недостаточно осушенная отъ излишней сырости, и тогда-то къ вамъ незамѣтно, потихоньку прильнетъ страшное порожденіе этой земли, прикинувшись красавицей-незнакомкой. Такая лихорадка всего страшнѣе. Конечно, она можетъ пристать и при другихъ обстоятельствахъ, но самая неотвязчивая она бываетъ тогда, когда вы ее „приспите“ и какъ-бы признаете своею. „Приспать“ болѣзнь, по западно-русскому повѣрью, вообще очень опасно. Поэтому часто бываетъ, что когда кто начинаетъ жаловаться на недомоганіе, на головную боль и т. п., то стараются не дать ему заснуть не въ урочное время, авось скорѣе переможется.

Поселившись въ человѣкѣ, лихорадка очень неохотно оставляетъ его. Для того чтобъ ее выжить, употребляются разныя внутреннія средства, отличающіяся особенною горечью или противнымъ вкусомъ. Пьютъ, на примѣръ, крѣпкій настой полыни на спирту, настой изъ воробьиного помета и т. п. Внутреннія средства употребляются именно въ томъ убѣжденіи, что лихорадка сидитъ внутри человѣка. Но есть и наружныя средства, на примѣръ, упомянутая выше нитка съ 12 узлами, служащая впрочемъ болѣе предохранительнымъ талисманомъ. Совѣтуютъ также носить на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не засохнетъ; вмѣсто него употребляется также первое яйцо, снесенное насѣдкой послѣ того, какъ она бросила своихъ цыплятъ. Двѣнадцать узловъ на ниткѣ, конечно, стоятъ въ непосредственной связи съ народнымъ вѣрованіемъ въ существованіе 12-ти сестеръ-лихорадокъ, именуемыхъ дочерьми царя Ирода, который и самъ представляется трясущимся, въ пословицѣ: „трасетца, якъ тэй Иродъ“; такъ говорятъ объ очень сердитомъ человѣкѣ, а также о скрягѣ. Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это

слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ пациента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Разсказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась. Другой сыгралъ съ нею еще лучшую штуку. Ко времени ея возвращенія онъ забрался подъ квашню, перевернутую вверхъ дномъ, а сверху на дно велѣлъ налить воды. Вдругъ слышится стукъ у двери — пришла. Домашніе кричатъ въ окно: „его нѣтъ дома“; но она все-таки вошла въ избу и окликаетъ старика. Онъ отзывается подъ квашней то съ одной стороны, то съ другой, а потомъ и затихъ. Лихорадка ходила—ходила кругомъ, ища его, наконецъ посмотрѣла сверху, видитъ—вода: утонулъ значить, бѣдняга. Такъ и ушла, оставивъ старика на всегда въ покоѣ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теткѣ-лихорадкѣ съ родни, должно быть, родимчикъ, который мучитъ дѣтей: его тоже легко надуть. Когда онъ является въ гости, ребенокъ начинаетъ кричать, а ему это и любо. Тогда нужно поскорѣе высадить ребенка за окно. Родимчикъ, услышавъ за окномъ его крикъ, пойдетъ его искать, а пока онъ будетъ выходить въ дверь, ребенка слѣдуетъ взять обратно и закрыть окно. Родимчикъ и будетъ его все искать на дворѣ, потомъ пойдетъ по другимъ избамъ, пока не облюбуетъ себѣ другого. У великороссовъ вмѣсто этого накрываютъ ребенка въ такомъ случаѣ съ головою скатертью со стола, можетъ быть, тоже съ цѣлью спрятать его отъ родимчика, или „крикая,“ какъ его называютъ иначе. Скатерть тутъ могла получить особенную силу и отъ хлѣба, считающаго

ся святымъ; такую-же силу получилъ и столъ, который, напримѣръ, играетъ важную роль въ лѣченіи отъ коклюша: нужно больному проспаться по одной ночи подъ всѣми столами, какіе имѣются въ домѣ, и кашель пройдетъ, коли совсѣмъ не задушитъ. Высаживаніе кричащихъ дѣтей за окно напоминаетъ намъ еще одно суетвѣрное средство, къ какому прибѣгають крестьяне гродненской и сѣдлецкой губ. въ томъ случаѣ, когда ребенокъ кричитъ съ—перепугу. Тогда отодвигаютъ отъ стѣны „лаву“, т. е. скамью, приподнимають немного тотъ ея конецъ, который прилегаеть къ окну, и высаживаютъ подъ нею три раза ребенка противъ окна, чмокая каждый разъ губами и сплевывая въ сторону. Предпочитають производить это поближе къ камину, такъ что здѣсь можно еще усматривать остатки почитанія домашняго очага, какъ хранилища огня, считавшагося и считающагося до сихъ поръ священнымъ и очистительнымъ. Бѣлоруссы и теперь не позволяютъ себѣ непочтительно отозваться объ огнѣ; плевать въ него или производить надъ нимъ какое бы то ни было безчинство также считается великимъ грѣхомъ.

Но вернемся еще къ лихорадкѣ. При всей своей глупости, она къ тому же еще большая трусиха. Она, напримѣръ, боится ружейнаго выстрѣла хуже всякой женщины. Какъ только почувствуется холодъ вслѣдствіе ея приближенія, стоитъ только неожиданно выстрѣлить такъ, чтобы самого больного передернуло, и она уйдетъ и больше не вернется. Въмѣсто ружья можетъ быть употреблено и другое подобнаго рода запугивающее средство, напримѣръ: стукъ, крикъ и т. п. Кромѣ указаннаго взгляда, что лихорадка сидитъ внутри человѣка, есть у бѣлоруссовъ и другой взглядъ, по которому она будто бы живетъ подъ ногтями; по крайней мѣрѣ, она прежде всего забирается туда, вслѣдствіе чего при наступленіи лихорадки первымъ дѣломъ синѣють ногти. Когда она заберется туда, ее никакъ

нельзя выжить, развѣ что ногти остричь при самомъ тѣлѣ; да и то все-таки найдется тамъ такой уголокъ, въ которомъ она притаится, а потомъ и начнетъ подергивать все дальше да больше; отъ ногтей она разойдется потихоньку по всему тѣлу, и какъ доберется до нутра, тутъ и начнется трясъ.

По мѣстному повѣрью, и морозъ тоже забирается подъ ногти, и у кого они велики, у того скорѣе зябнутъ ноги и руки, начиная съ кончиковъ пальцевъ. Большіе ногти очень удобная защита для лихорадки, и потому великоруссы совѣтуютъ для устраненія этой болѣзни остричь ногти и сжечь ихъ. Но бѣлоруссы, конечно, жечь ихъ не станутъ, потому что онъ знаетъ, что на томъ свѣтѣ спросятъ даже про самую малѣйшую частицу тѣла, и если чего не будетъ доставать, то пошлютъ разыскивать. А гдѣ-же тогда найдешь сожженные ногти? Такъ и будешь бродить весь свой загробный вѣкъ, разыскивая свои собственные ногти, словно древній грекъ или римлянинъ, умершій безъ погребенія. Поэтому, обстригая ногти, необходимо ихъ завертывать въ тряпочку и складывать въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, подъ печкою: когда понадобится, пришелъ и взялъ, какъ свое.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и съ выпавшими или выдернутыми зубами. Впрочемъ зубы не всегда сберегаются. Часто ребенка, у котораго выпалъ зубъ, подводятъ къ печкѣ, велятъ ему бросить свой зубъ подъ печь, приговаривая: „Мышка, мышка, на табѣ косцяный, дай мнѣ зелѣзный!“ Это дѣлается для того, чтобы выросъ новый зубъ, болѣе крѣпкій, не уступающій мышиному. Такъ какъ мышъ въ состояніи разгрызть почти все, что угодно, то зубамъ ея приписывается необыкновенная крѣпость и здорвье. Поэтому даже мышинымъ огрызкамъ придается нѣкоторое цѣлительное и предохранительное свойство: нужно съѣсть, не брез-

гуя, то мѣсто въ хлѣбѣ или въ чемъ нибудь еще, гдѣ надгрызла мышь, и зубы не будутъ болѣть.

По поводу зубовъ мнѣ вспоминается одинъ курьезъ. При раскопкахъ кургановъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, мнѣ удалось вырыть нѣсколько человѣческихъ череповъ съ прекрасно сохранившимися зубами. Я взялъ эти черепа и велѣлъ одному парню отнести ихъ на мою квартиру. Парень отказался, и когда я самъ поклялъ ему въ полу эти головы, онъ даже заплакалъ отъ страха. А другіе ещеего пугаютъ:

— Сцѣражись, Ясюкъ, кабъ яны къ табѣ у начі ня пришли по гэты головы; тагда яны и табѣ галаву знимуць.

Я успокоилъ парня, что отвѣтственность падетъ на меня, и мы кое-какъ принесли эти головы домой. Спустя нѣсколько минутъ, являются ко мнѣ бабы и именно желаютъ видѣть черепа. Меня удивила такая смѣлость. Но мало того: осмотрѣвъ черепа, онѣ начали меня упрощивать, чтобы я имъ далъ хоть по зубочку.

— Зачѣмъ вамъ мертвецкіе зубы? спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Барыньку, яны-жъ дужа помощны: кажуць, якъ у каго зубы баляць, то поцярець гэтымъ зубомъ, такъ и занѣмѣюць“. Дѣлать нечего, пришлось пожертвовать нѣсколькими зубами, пускай труть. Хотя я и старался увѣрить бабъ, что это вздоръ, но мои убѣжденія, конечно, не подѣйствовали.

Какими умозаключеніями дошелъ народъ до этого симпатическаго средства, это ясно изъ слѣдующихъ малорусскихъ заговоровъ противъ зубной боли, вѣроятно извѣстныхъ и въ Бѣлоруссіи, въ томъ или иномъ видѣ: 1) „Мисяць у неби, *Мертвецъ у гроби*, камень у мори: якъ три браты до купы зберутця и будутъ бенкетъ робыты, тоды у мене зубы будутъ болиты“. 2) „Ты мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болятъ?— У *мертвого*

зубы никола не болят: кости здубили, зубы занимали, никола не будут болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нарoженного, молитвенного, крещоного (*имя*) зубы занимали, никола не болили!“ Стало быть: какъ мертвецъ не можетъ встать изъ гроба, такъ пусть никогда не болятъ мои зубы; какъ у мертвеца задубѣвшіе и занѣмѣвшіе зубы не могутъ болѣть, такъ пусть не болятъ и у меня. Эти эпическія сравненія и подали поводъ къ дѣйствительному употребленію зубовъ мертвеца противъ зубной боли.

Еще въ той-же болѣзни, говорятъ, помогаетъ „громничная“ (срѣтенская), страстная и вообще освященная свѣча: нужно ее кусать больнымъ зубомъ, и боль утихнетъ. Когда понадобится кусочекъ воску отъ святой свѣчки (напр. для писанія яицъ), то никогда ее не рѣжутъ, а всегда откусываютъ, сколько надо. Концы такихъ свѣчей, имѣющихся въ каждомъ домѣ, всегда изгрызены. Эти слѣды зубовъ на святыхъ свѣчахъ бываютъ, впрочемъ, иногда совѣмъ иного происхожденія. Дѣло въ томъ, что эти свѣчи вѣшаютъ также въ хлѣвахъ для предохраненія скота, особенно коровъ и лошадей, отъ вѣдьмъ и домовыхъ. Завидѣвъ такую свѣчу въ хлѣву, вѣдьма со злостью бросается на нее и грызетъ, не для того, конечно, чтобы полѣчить зубы, а потому, что освященный предметъ служитъ ей помѣхой при выдаиваніи коровъ и т. п. Причину зубной боли приписываютъ маленькому червячку, который точитъ зубъ.

Другія болѣзни приносятся вѣтромъ съ моря или изъ-за моря, изъ горъ, изъ лѣсовъ по волѣ Божьей или же по насланію колдуновъ и чаровницъ. Съ вѣтромъ приходятъ, кажется, только эпидемическія болѣзни, почему народъ и называетъ ихъ „повѣтріемъ“; такъ-вы: моръ, чума, холера, оспа, и т. п. Эти болѣзни являютъся въ деревню въ видѣ женщинъ, которыхъ однако рѣдко кому случится видѣть. Прикинувшись красавицей, такая болѣзнь обыкновенно останавливается за се-

ломъ на кладбищѣ и оттуда въ сумерки и предъ восходомъ солнца помахиваетъ на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, и отъ этихъ взмаховъ люди мрутъ, какъ мухи; ночью она въ томъ или иномъ видѣ ходитъ и по домамъ, хотя иногда бѣжитъ отъ собакъ. Въ одномъ селѣ Бобруйскаго уѣзда во время послѣдней холеры по всѣмъ избамъ умирали, а у батюшки всѣ были здоровы: это потому, что сердитыя собаки не пустили холеру къ священнику во дворъ. Село это раздѣлено на двѣ слободы рѣчкою. Рассказываютъ, что холера началась въ одной слободѣ и долго не перебиралась черезъ рѣчку. Крестьяне будто бы рѣшили и совсѣмъ не пустить ее въ другую слободу и устроили на мосту карауль. Въ одну темную ночь видятъ они, пробирается черезъ мостикъ холера въ видѣ черной коровы; они налетѣли на нее съ дубьемъ и убили. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, холера прекратилась; другіе-же утверждаютъ напротивъ, что и въ другой слободѣ послѣ этого начали умирать, потому что крестьяне по ошибкѣ убили настоящую корову вмѣсто холеры и, успокоившись на этомъ, сняли карантинъ. Приведу здѣсь кстати слѣдующій весьма интересный случай, хотя онъ имѣлъ мѣсто уже въ другой губерніи. Появилась холера въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго у. Чего-чего только не придумывали мѣстные малоруссы, чтобы ее изгнать, ничто не дѣйствуетъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ сдѣлать вотъ что: бросить одного изъ умершихъ, въ могилу не опрытывая, не одѣвая, безъ гроба, безъ отпѣванія, да еще лицомъ книзу, и засыпать землею. Такъ и сдѣлали. Была въ этомъ селѣ какая-то шляхтянка безъ роду, безъ племени, притомъ, кажется, старая дѣвушка. Жила она въ церковномъ домѣ, занималась шитьемъ покрововъ для аналоевъ, вышиваніемъ ликовъ для хоругвей, починкой ризъ, дѣланіемъ искусственныхъ цвѣтовъ для иконъ и т. п. Умираетъ эта женщина отъ холеры, и ее-то обрekli

міромъ какъ бы принести въ жертву холерѣ: бросили въ яму, какъ попало, не посмотрѣли даже на ея добродѣтельную и благочестивую жизнь, зарыли, — и холера прекратилась: этой жертвы, стало быть, ей только и нужно было. Въ древнія, болѣе грубыя времена холера, можетъ быть, захотѣла бы живой жертвы, и тогда эту женщину, вѣроятно, зарыли бы живьемъ въ землю; теперь нравы стали далеко мягче, и человѣческія жертвы вышли изъ употребленія... Да вышли ли? .. Посмотрите въ наши захоlustья, хотя бы въ Бѣлоруссіи: сколько тамъ здоровыхъ силъ, сколько жизней уноситъ смерть ежедневно! Какъ иначе назовемъ мы этихъ несчастныхъ, если не невинными, напрасными человѣческими жертвами? Оставленные безъ медицинской помощи на произволъ судьбы эти захоlustные жители мечтаютъ о томъ, чтобы хоть собаками или дубинами прогнать отъ себя болѣзни. Это не смѣшно, а грустно и больно. . . . .

Прерывая на этомъ наши бѣглыя очерки, мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Основанные на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ подобные выводы были бы, съ одной стороны, слишкомъ скороспѣлыми, а съ другой стороны, можетъ быть, не представили бы ничего новаго.

III (прибавленіе).

Бѣлорусскія народныя пѣсни Минск. губ.

Въ видѣ сырого, необработаннаго научно матеріала предлагаю народныя пѣсни Минской губ., отчасти записанныя мною лично, отчасти собранныя при посредствѣ другихъ лицъ, изъ которыхъ считаю должнымъ назвать здѣсь двухъ съ выраженіемъ моей искренней признательности: 1) Петръ Александровичъ Гарднеръ, казенный лѣсничій, нынѣ умершій, прислалъ мнѣ 22 пѣс-

ни, записанныя имъ въ Любоничахъ Бобруйскаго уѣзда въ 1882—83 гг. 2) Маркъ Ѳедоровичъ Давидовскій, народный учитель въ м. Городкѣ Бобруйскаго уѣзда, доставилъ мнѣ въ 1886 г. 60 пѣсенъ ¹⁾ изъ м. Городка, въ томъ числѣ 21 съ напѣвами. Имена этихъ собирателей обозначены въ своихъ мѣстахъ подъ пѣснями буквами Г и Д. Остальныя пѣсни записаны мною въ 1886—87 гг. въ разныхъ мѣстахъ Минской губ. съ образцами нотъ; онѣ обозначены буквою Я съ указаніемъ мѣста записи. Что касается точности записей со стороны языка, то я лично старался по возможности сохранять особенности говора; тексты же, доставленные другими, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять, исключая нѣкоторыя явныя неточности и ошибки, которыми въ особенности погрѣшилъ П. Гарднеръ, какъ великороссъ, не вполне освоившійся съ бѣлорусскимъ языкомъ. Обѣ упомянутыя рукописи, доставленныя изъ Бобруйскаго уѣзда, не различаютъ дифтонговъ *je* (=ѣ, е, и,), *jo* (=о), *jo* = ё) подъ удареніемъ, между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ этого уѣзда эти дифтонги слышатся довольно ясно. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною, буквы *ъ, е, и, о, ё*, произносимыя въ качествѣ указанныхъ дифтонговъ, отмѣчены курсивомъ, причемъ надо замѣтить, что дифтонгъ *je* въ началѣ слова и послѣ гласной произносится какъ *jje*; буква *y*, стоящая на мѣстѣ *л* и *в*, произносится въ ползвука.

Ноты прилагаемыя особо въ количествѣ 39 номеровъ *) (для 45 пѣсенъ), надѣмся, будутъ имѣть свою цѣну хотя бы въ виду того, что въ печати этого материала до сихъ поръ появилось очень мало. Отдѣльныя

¹⁾ Двѣ изъ нихъ не печатаются, какъ совершенно сходныя съ великорусскими (*Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ и Не велитъ Машѣ за рывеньку ходить*).

*) № 36 записанъ въ Сѣдлецк. губ. (съ малор. словами) и помѣщенъ здѣсь кстати потому, что слова сходны, а мотивъ къ нимъ изъ Минск. г. мнѣ неизвѣстенъ.

бѣлорусскіе мотивы можно найти только въ сборникѣ г-жи З. Радченко, въ „Матеріалахъ“ П. В. Шейна, да кое-что у г. Славянскаго. Другіе собиратели пренебрегаютъ этой частью, забывая, что пѣсня безъ музыки все равно, что тѣло безъ души. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ музыкантовъ имѣютъ собранія бѣлорусскихъ мотивовъ, напримѣръ, обыватель Минскаго уѣзда Михаилъ Ельскій; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти лица познакомятъ насъ со своими матеріалами и тѣмъ помогутъ спасти бѣлорусскую музыку отъ забвенія и отъ пренебреженія къ ней.

Подъ вліяніемъ искусственной музыки въ нашемъ образованномъ обществѣ установился далеко невыгодный взглядъ на народную музыку вообще: она обыкновенно представляется намъ скучною, а величественные обрядовые мотивы считаются монотонными, однообразными, томительными. И бѣлорусская народная музыка едва ли не болѣе всего подвергается этимъ упрекамъ. А между тѣмъ сколько въ ней можно найти красоты, силы, граціи! Вслушайтесь, напримѣръ, въ какую угодно весеннюю пѣсню, которую молодая бѣлорусская дѣвушка поетъ гдѣ нибудь въ полѣ, среди разцвѣтающей природы: это сплошное ликованіе, неудержимо льющееся изъ груди, полной радости, любви и нѣги; это дѣйствительно гимнъ веснѣ, къ которому вамъ такъ и хочется присоединить свой слабый голосъ, если бы не боязнь внести дисгармонію въ эти веселые, полные жизни и силы звуки.

И эта настоящая непосредственная поэзія изсякаетъ, гибнетъ годъ отъ году непризнанная нами. Ее замѣняетъ поэзія пошлаго пошиба, проникающая даже въ самыя глухіе закоулки черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, отставныхъ солдатъ, лицъ отправляющихся на заработки и т. д. И не удивляйтесь если въ какой-нибудь бѣлорусской деревушкѣ вы услышите вариантъ подмосковной фабричной пѣсни (напр. „Нидзѣ дружка я не

вижу“=„Кто повѣритъ моей сукѣ“). Отъ городского населенія и къ простому народу переходить тотъ уродливый взглядъ, что старинныя народныя пѣсни смѣшны, некрасивы, и пѣть ихъ при другихъ стыдно. Когда я спросилъ однажды своего ямщика, не знаетъ ли онъ какихъ-нибудь пѣсень, онъ отказался спѣть что-нибудь, говоря, что я самъ буду смѣяться надъ ихъ пѣснями, а то еще, пожалуй, завезу куда-нибудь къ „панамъ“, и они будутъ насмѣхаться надъ глупыми пѣснями и надъ тѣми, кто ихъ поетъ. Мало того, поинтересовавшись, зачѣмъ я записываю простыя пѣсни, онъ высказалъ даже предположеніе, что, должно быть, за нихъ наложить штрафъ и не велятъ пѣть. Впрочемъ, и безъ того, прибавилъ онъ, ихъ уже мало поютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Да и до пѣнія ли тутъ, когда ѣсть нечего и на душѣ скребетъ...

1. Свадебныя пѣсни. *)

а) Изъ с. Языля, Бобр. уѣзда.

1. Прилецѣли гусочки а зъ раю,
Ци уже караваю посаджали?
Ци уже караваю посаджали?
Чаму насъ гусочекъ не звали?
Мы бъ вамъ караваю посаджали
Да своими лапками пописали.

(Я.

2. Откуль каравайницы, 2.
Ци зъ Мира, ци зъ Несъвижа?
Ци зъ Мира, ци зъ Несъвижа, 2.
Ци зъ Языльского села?

*) Сравнительныя примѣчанія см. въ концѣ.

Откуль да воду брали, 2.
    Каравай расчиняли?
Ни зъ Мира, ни зъ Несвижа, 2.
    Но зъ Языльского села.
Съ калодзязя да воду брали, 2.
    Каравай расчиняли.

(Я.)

3. Да съ суботоньки на недзельнюк гадзина.
    Зъбжджалася Марцинкова радзина.
    Звязли, знясли двѣ бочки муки на каравай.
    Хвалиць Бога, вяликъ будзе нашъ каравай.
    Да съ суботоньки и пр.
    Звязли, знясли кваску масла на каравай.
    Хвалиць Бога и пр.
    Да съ суботоньки и пр.
    Звязли, знясли два вѣсы соли на каравай.
    Хвалиць Бога и пр.
    Да съ суботоньки и пр.
    Звязли, знясли яецъ три копѣ на каравай.

(Я.)

4. Церезъ поле да широкее,
    Церезъ мѣсто да великое,
    Туды бѣ ишли каравайницы,
    А слуцкіе мѣщаночки.
    Нясли муку пшаничную,
    Ены йдучи да гаварили:
    Станьмо мы да паслухаймо,
    Дзѣ музыченьки играюць,
    Тамъ аны каравай пякуць
    Ручками да бяленькими,
    Перстнями залаценькими.

(Я.)

5. Чія бѣ жана каравай мясила,
    Каравай мясила да Бога прасила:

Ой дай же Боже што дзень, то сьвята,
Што нядзелью, то вяселья.
Кобъ я малада канापель не брала,
Кобъ мае личенько да пыломъ не упало,
Да пыломъ не упало, не упылилося,
Кобъ я малада не утамилася.

(Я.)

6. Въ сядзѣ гальѣ висиць,
Тамъ Марцинковъ каравай мѣсяць,
Боярѣ избы топяць,
Шоуковые да дымы йдуць,
Съ Кіева купцы ѣдуць,
Залаты обручъ вязуць;
Залаты обручъ вязуць,
Да на нашъ каравай кладуць.

(Я.)

7. Добре табѣ, Марцинка,
Што твой баценько багаты,
Да родзиць пшаница въ навинѣ,
Да каравайко на сталь;
Сталовыя ножки пагнутца,
Да людзи караваю дзивятца.
Сталовыя ножки згібнули,
Да людзи караваю здзивили.

(Я.)

8. Злеталиса пташечки
На чирвону калину,
На салодку малину,
Не сядзѣце, пташечки, не сядзѣце,
Озьмѣце малиночку, обламѣце.
Озьмѣце малиночку, обламѣце,
Сабѣ яголки обяръце.
Да збирауса родъ къ роду,
Да старыя бабки на параду,

Маладые молодочки къ караваю.
Не сядзѣце, молодочки, не сядзѣце,
Озьмѣце каравай усадзѣце,
Сабѣ гарьлочкі зарабѣце.

(Я.)

9. Нихто не угадае,
Што у нашумъ караваю.
Лучиночка (или свѣчечка) погасиласа,
Целя съ хвостомъ умясилоса.
Целя было не лапѣ (=малое)
Да на лѣто на другое;
Целя было куртате (=куцее)
Да на лѣто на пяте;
Целя было бесхвосте
Да на лѣто на шосте.

(Я.)

10. Хадзѣмъ же мы до коваля,
А скупймо мы да востры мечъ,
Порубаймо мы камяную печь,
Откуль каравайка убѣраці,
Съ печечкі да у вѣчечко,
Да й поставимъ на жицѣ,
Дай Боже маладымъ на жице.

(Я.)

11. Да хвалиць цябе, Боже,
Усѣ дзѣло зрабила,
Уже каравай усадзила
Ручкамі да бяленькімі,
Перстнямі залаценькімі.

(Я.)

12. Ёхала Кацярынка до вѣнца,
Зламала бярозку съ коренца;

Росьци, мая бярозка, безъ верха,
Бо уже я малада безъ вѣнка. *)
(Я.)

13. Ъхау Марцинко рѣкою,
Обняу Кацяринку рукою:
Сѣдзи, мая Кацяринка, не дрижи,
Я твой Марцинко, не чужи.
Прощу цябе, конику, подбѣсьци,
Дамъ табѣ аброку подтѣсьци.
Добре табѣ, Марцинко, ѡхаци,
Якаво мнѣ конику бѣгаци.
Добре табѣ, Марцинко, подтѣжджаць,
Што ты будзешъ у сѣчилка начеваць,
Да й за новою скамнею,
Съ Кацяринкою сваею.
(Я.)

14. Выйдзи 2. мая матко, съ свѣчачи,
Мы твае дзѣцятко звинчали
Да съ тымъ чалавѣкомъ, што учора буу,
А сягодня рано прѣхау 2.
Привѣзъ госьцинцы — арѣхоу.
Да не бяри-жѣ, Кацяринка, арѣхоу,
Бо тые цябе арѣшки сподманяць,
Отъ родной матухны отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
(Я.)

15. Ой знаци, знаци, што чужая маци:
Вывернула кажуха, хоче спужаци.
(Я.)

16. Ой попе, попе, гардзѣю,
Не звони раненько у недзѣлю,
Зазвони раненько у суботу,

---

*) Поется и въ м. Урѣчѣ, Бобр. у.

Кабъ кидали дзѣвочки работу.
Одна наша Кацяринка пышна была,
Да кинула гребенець подъ столець,
Да кинула гребенець подъ столець,
Сама ена пошла подъ вѣнець.
Верниса, Марцинко, по гребенець!
Я табль, Кацяринка, да не маладзецъ,
Я табль, Кацяринка, да не маладзецъ,
Кобъ я табль варочауса по гребенець.
Есьць у цебе дружечка—служечка.
Ена табль вернетца по гребенець.
Ена табль вернетца по гребенець,
Расчесаць кусочки подъ вянець.

(Я.)

17. Завивала ее дзядзинка да не жалослива,
А сястрица якъ узяласа,
Такъ слѣзками облиласа.

(Я.)

18. Не давайса, Кацяринка,
Русое косы расплетаць.
Рада бь же я да не даласа,
Да скубуць да нибо мясо.

(Я.)

19. На дварь сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка праводзиць
За той садочокъ вишневый,
За той гаёчокъ зялёный.
Верниса, Кацяринка, верниса,
На травь росочка роситца,
На цябе бацюхна грозитца.
Я жь тую росочку отрошу (отрушу?),
Я своего бацюхна упрашу. (2)
Таки своего Марцинка проведу.

За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный

(Я.)

20. Не жалосливы жъ бацюхна,
Што процивъ ночи вонъ жене,
Мнѣ проводничка не дае,
А ни самъ со мною не ѣдзе.
Пошлабъ же я сама—боюся,
Дарога вялика—утомлюся;
Да на той дарозѣ сторожи,
Тые-жъ мене сторожи споймаюць, (2)
По русой касѣ познаюць;
Отъ родного бацюхна отманяць,
Да къ лютому съвекратку приманяць.
Дзѣ мнѣ маладзѣ ночъ ночеваці:
Ци мнѣ-жъ маладзѣ на вадзѣ;
Ци на поповуй синожаці,
Ци у Марцинковуй караваці?
Да не на поповуй синожаці,
Да у Марцинковуй караваці.

(Я.)

21. Да казала маці: не збуду дзицяці,
Ажно мое дзицятко да само збулоса.
Въ суботу зъ-вечера да не вечерало,
А въ недзельку рано да не абѣдало;
А яжъ думала, што волю погнало,
Ажно мое дзицятко да на вѣкъ забрано.
А яжъ думала, што короуки доиць,
А маи коровы да стояць въ обори.

(Я.)

22. Цябе повязуць, а я тутъ буду,
Цябе по...ць, а я такъ буду.
Цябе повязли, отъ и конь пристау,
Мене по...ли, отъ и х..не встау.

(Я.)

23. Выйду я замужъ да подумаю:

Кали добре будзе, я замужемъ буду,
А кали не добре—я назадъ вернуса...

(Я.)

24. Гуляйце, братцы, гуляйце,

Моего сорома не знайце;
Ще я сорома не дойшла,
Сличною панною къ вамъ пришла,
Да на ложу упала дзявою,
А зъ ложи устала жаную.

(Я.)

25. Стояла Кацяринка на ганку,

Кроила чирвону китайку
И послала бацюхну подарку:
Ѓдзь, мой бацюхна, не бойса,
Въ чирвоныя чоботки обуйса,
Сядзь сабъ, бацюхна, на куць,
Будзе табъ гарьлочка у сыць.

(Я.)

26. Што зъ лугу, зъ лугу да хмарочка встала,

Наша Кацяринка зъ Марцинкомъ спала;
Ена думала, што соромъ будзе,
Ажъ на ей сорома да никольки нема.
Ее бацюхна да на покуць вядуць,
Да на покуць вядуць, червонцы кладуць,
Да виномъ частуюць, словцемъ шануюць,
Виномъзелененькимъ, словцемъвѣрненькимъ.
Дзякую, бацюхна, за твое дзицятко,
Хочъ ано маленьке, абы ано добреньке;
Хочъ ано не величке, абы румяне личко.
Ци на нашуй улицы рабятъ не было?
Да были рабятя, да усё хлопята;
Стояли москали, къ ей не пристали;

Стояли жоунеры, къ ей не посьмѣли;
Якъ пришла пора, то й сама дала.
(Я.)

27. Зъ виннаго да калодзязя
Тамъ Кацяринка да воду брала,
Въ свой край да позирала:
Ци не ѣдзе мой бацюхна,
Ци не вязе мнѣ госьцинчика,
Госьцинчика—моего кубличка.
Я не рада госьцинчику,
Тульки рада своему бацюхнѣ.
Ѣдзь, (2) мой бацюхна,
Бо я тутъ не знаюса,
Кажному поклонюса,
И старому, и малому,
И своему Марцинкови маладому.
Кацяринко, дзицятко,
Старому поклониса,
Маладому не схисниса,
Бо стареньки похвалиць,
Маладзеньки сподманиць.

(Я.)

28. Чибъ тые да приданочки блудзили,
Въ чистумъ поли да дорожечку згубили,
Да пыталися славнаго села Языля.
Съ подъ новаго двора да вышло паненя:
Да сюды, сюды, маи приданочки, до двора;
Это-жъ тое подворье, што вамъ быць,
Это-жъ тое застолейко, што медъ - вино пьюць.

(Я.)

б) Изъ с. Юревичъ, Игум. у.

29. Ходзиць рай по улицѣ,—раю мой,
А за раемъ Иванкова мамочка,—раю мой,
За раемъ ходзиць и Бога просиць,—раю мой:

Ко мнѣ, раю, ко мнѣ, Божи, ко мнѣ у дворя!
Я сына жено и Бога хвалю,—раю мой,
Веселейко на дубейко, (?) раю мой.

(Я.)

30. Тадорчина матка 2.

По улицы ходзиць,

По улицы ходзиць 2.

Да сусьдочекъ просиць:

Сусьдочки мои, 2.

А ходзице-жъ вы ко мнѣ 3.

А не ко мнѣ—къ дзицяци 3.

Коровай учиняци.

Ручками бяленькими, 2.

Персценьками золоценькими.

Милые сусьдочки. 2.

Чи вы дзѣтокъ не маце, 3.

Што ко мнѣ не бываце?

Кобы вы дзѣтки мѣли, 2.

Вы бы ко мнѣ присьпѣли.

(Я.)

31. Ишла дзѣвочка на посадъ,

Махнула хустою наперодъ:

Встаньце, бояра, усъ у радъ,

Будзе ици Марулька на посадъ,

Будзе шукаць батьку мижъ бояръ,

Низенько галовочку клонючи

Свого батьку ищучи.

Усъ бояре перейшла,

Родного батька не нашла;

Вся моя голова у квѣци,

Нема мого таточка на сьвѣци.

(Я.)

в) Изъ с. Любоничъ, Бобр. у.

32. Забращали кованы возы на дварѣ,
Завонили кубки, талерки на сталѣ,
Защебетали два салавейки на окнѣ,
Да забили маладые свахи у долони,
Заплакала маладая дзѣвочка у комори.
Не отдай 2, мой таточка, отъ себе,
Останетца мая руточка у тебе.
Да и вставай мой таточка раненько,
Паливай мою руточку часценько:
Не паливай маеи руточки водою,
Да паливай маю руточку сытою:
Отъ воды мая руточка желцѣе,
А отъ сыты мая руточка зеленѣе.

(Г.)

33. А паѣдземъ мы, браточка, да дому,
Да повеземъ невольницу съ собою,
Пусцимъ ее въ своёмъ домѣ по волѣ,
Дадзимъ ей золотый ключъ отъ каморы,
Да будзе ана поцихусеньку хадзици,
Да будзе ана ащу й матоццѣ гадзици.
Да вставайце, пышные бояре, уже свѣтъ,
Паѣдземъ у каралевщину на привѣтъ.
Будземъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую цихусенькимъ Дунаемъ.
На томъ Дунаѣ дзѣвочка хусты бѣлила;
Она бѣлила, вѣрненько Бога прасила:
Принеси, Боже, таго паничка, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

34. Умненькій да разумненькій дзѣщина:
Привязау каня къ зелѣному явору,

Самъ пошоу сивой зязюли слухаци.
Мнѣ здаетца, сива зязюля кукуя,
Мая дзѣвочка хусточку рубить, спѣвая:
Принеси, Боже, того панича, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

35. Да по мору, по синему озеру
Малады дзѣцинка на лебѣдочку стрѣляя,
Да правымъ очкомъ на дзѣвочку взирая.
Да по комъ же ты, мая дзѣвочка, удаласа,
У старое золото у ковалѣвъ *) поясъ увиласа.
Пусцила сваю касу по кованому поясу:
Нехай косочка зъ буйными вѣтрами лялѣе,
Нехай мамочка по маей косѣ жалѣе.
Да годзи, годзи маей косонцѣ лялѣци,
Годзи матонцѣ по маей косѣ жалѣци.

(Г.)

36. Постаяла староженька у браду,
Да и сама сѣла у вишнёвому саду.
Да аткель ясенъ мѣсяцъ изыйдзе?
Да аткель-же маладый дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорами,
Прийхау маладый дзѣцинка съ сестрами.

(Г.)

37. Ты кланяйса, мае дзиця, не пыжиса,
Пашлюць тебе къ цихау Дунаю по воду
И скажуць людзи: разумныя маточки, науче-
ны баццюшки...

(Г.)

38. На дворѣ дошъ, мяцелица, пляхота,
Нашему дзѣцинкѣ жанитца фхаць ахвота.

---

*) =кованый?

Его бацюшко въ варатахъ стаиць—не вялиць:
Не їдзь 2, мой сыночокъ жанитца!
Ты сваи вараны кони потопишь,
Да ты сваи дарагія шубы помочишь,
Да не журися, мой таточка, обо мнѣ:
Есць у моего сцилухны (тестя) зелёный яворъ
на дварѣ.

Я подъ яворомъ варанья кони напасу,
А на яворѣ дарагія шубы посушу.

(Г.)

39. На гарѣ два браценька ячень жнуць,
Да у далинѣ двѣ Кацярины пшаницу.
Дзѣвочка умна, вышла изъ гумна, гукнула:
Принеси, Боже, панича, што люблю,
Дарую ему хусточку, што рублю.

(Г.)

40. Зажуриуса дзѣцинка у дорозѣ,
Што не кованъ его коникъ у возѣ.
Да зачула тое дзѣвчинка:
Да не журися, дзѣцинка.
Есць у мене залатыя персценьки,
Будуць тваему конику подковки.
Есць у мене маладыя (?) плёточки,
Будуць тваему конику вожжечки.

(Г.)

41. Ударили лютые марозы на дварѣ,
Замарозили маладую дзѣцинку на канѣ;
Да выходзила его дзѣвочка съ церема
Вынасила кубочекъ вина, мѣду два.
Напейся, развеселися.
Ты самъ маленькій, твой конь старенькій,
Дакъ ты и замёрзь.
Не журися, дзѣвочка, не правда твая:

Я самъ маладый, конь мой вараный—
Я не замёрзь.

(Г.)

42. Разгарѣлася калина,
Да у цёмнумъ лѣсѣ стоячи.
Тушиу вѣтричекъ—не утушиу,
А больше искры разнасиу.
Я тебе, калина, не утушу,
Да утушить тебе добры (=дробны?) дощъ.
Расплакаласа дзѣвочка
Предъ сваимъ бацюшкомъ родненькимъ.
Сунимау бацюшко, да не суняу,
Большей жалосци ей поддау:
Я тебе, дзицятко, не суйму,
Да унине тебе канчучокъ,
Да утре слёзочки ручничокъ.

(Г.)

43. Гдзѣ наши очечки глядзѣли,
Што свае дзиця утопили
Да у это село дурное,
За эти мужики-дураки,
Што мѣняюць коней безъ цаны,
Да бьюць жонокъ безъ вины.
По самыя ворота—болоты
А по качережникъ—березникъ.
Братки маи родные,
Берице тапорики острые,
Прорубице, братки, шире дворъ, (=боръ?)
Штобъ обачила бацьковъ дворъ.

(Г.)

г) Изъ д. Строчицъ, Минскаго уезда

(отъ гг. Срочинскихъ).

44. Да ляцѣли гусачки циразъ садъ,
Крикнули, гукнули на уесь садъ: (2)

Пара табѣ, Кацяринка, на пасадѣ.
Да што-же вамъ, гусачки, да таго?
Есьць у мяне панойцы для таго.
Яны у мяне да шлюбу выправяць.
Братко мяне на пасадѣ пасадзиць.

(Я)

45. Памажи Боже вянки виць,
Дай Боже маладымъ доуга жиць.
Ня стой же Боже подѣ акномъ,
Да идзи Боже у хату.
Сядзь сабѣ Боже на куцѣ,
Дай Боже долю сирацѣ.
Да я и у сѣнцахъ пастаю,
Сирацину доляй надзялю.

(Я.)

46. Отъ табѣ, Кацяринка, уся надзѣя.
Што твой Марцинка да рабиць ня умѣя,
Ни ораць, ни сямѣнька сѣяць,
Да тольки у карчомцѣ кватерки мѣраць.

(Я.)

47. Отъ табѣ, Марцинка, уся надзѣя,
Што твоя Кацяринка да робиць ня умѣя,
Ни шиць, ни прасьци, ни красенкоу ткаци,
Да тольки на улицѣ зѣ малаццями гуляци.

(Я.)

48. Сьцерва сваця, сьцерва,
На што касу сперла,
Змяла, счесала,
Подѣ чапець схавала.

(Я.)

2. Родинныя и крестинныя.

Изъ Городка, Бобр. уѣз.

49. Кто у насъ, хто у насъ повночи ходзиць?
Иванка голубчикъ повночи ходзиць,
Ёнь своей бабочки хорошенько просиць:
Бабочка, голубочка, ходзи ты ко мнѣ.
Иванка, голубчикъ, чаго-жъ я пайду?
Бабочка, голубочка, жена-жъ моя да недужа.
Иванка, унучекъ, чаго-жъ ена да недужа?
Бабочка, голубочка, животочекъ болиць.
Иванка, унучекъ, помолимся Богу и Духу Святому,
Дасць намъ сына, ци дочухну.
Коли сынъ — господарь будзе,
Коли дочка голубочка — госцина моя.

(Д.)

50. Учора зъ-вечера на родзинкахъ была,
А сегодня поранесенько на хрисцинки пришла.
Закладзице, запражице двананцаць верабьёу,
Отвезице отправацьце бабусю дамой.
Ниць не поможе, (2) двананцаць верабьёу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе бабуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице двананцаць парь волоу,
Отвезице, отправацьце кумусю дамой.
Ниць не поможе, (2) двананцаць парь волоу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе кумуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице вороного коня,
Отвезице, отправацьце молодого кума,
Ниць не поможе, (2) вороненькій конь:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе мой кумочекъ дамой.

(Д.)

3. Посидѣлочныя *).

Изъ с. Языля, Бобрыйскаго уѣзда.

51. Съдзѣла Рында да на печищи—Рында, 2.
Задрала ноги да на градзице—Рында, 2.
Пришли къ Рындзѣ женихи, взяли Рынду ворухи—
Рында 2.
Ой пошла ана по сусьдочкахъ—Рында 2.
Да сусьдочки, маи матушки—Рында 2.
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ—Рында 2.
По сарочеццѣ, по наметощцѣ—Рында 2.
Не спаць було Рындзѣ Пилиповой ночи—Рында 2.
Продзираць було дзеркачемъ вочи—Рында 2.
Чортъ-же вась бери, маи сусьдочки—Рында 2.
У маего бацька да берозь много—Рында 2.
Да здзеру-же я бересьчиночку—Рында 2.
Да пошю-жъ я хвартушиночку—Рында 2.
Пазьдзѣрочкомъ подпережуся—Рында 2.
Передъ сваймъ женишкомъ якъ наражуса—Рында 2.
Накрыюся я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—жениш-
комъ—Рында 2.

(Я.)

- 52.***) Запрагу я бугая, куды людзи, туды й я,
Да гаю, гаю,—куды людзи, туды й я.***).
Да насѣку жъ я да вазокъ прущья.
Загараджу агародъ на чатыри углы.
Да у первумъ углѣ пошю я моркву,
А у другумъ углѣ да пошю бурака,

*) «Пяюць у Пилипоуки, сѣдзячи на кудзели».

**) «Дзѣвучата хлопцамъ».

***) Такъ повторяется половина каждого стиха.

4. Колядки и щедровки.

А у трещюмъ угль да постю постернякъ,
А у чещвѣртумъ угль да посаджу рѣпу,
Серодъ агароду—чирвоную рожу.
Кому тая морковъ? Да Марцинку морковъ.
И у хату йдзе—скребетца, и съ хаты йдзе—скребетца.
Кому той бурачокъ? Да Пилипу бурачокъ.
И у хату йдзе чирвоны, и съ хаты йдзе чирвоны.
Кому той постернякъ? Да Еухиму постернякъ.
И у хату йдзе—постайць, и съ хаты йдзе—постайць
Кому тая рѣпа? Да Павлюку рѣпа.
И у хату йдзе—лупитца, и съ хаты йдзе—лупитца.
Кому тая рожа? Да Ивану рожа,
Кабъ я яму была да дзѣвочка гожа,
Да гаю, гаю,—да дзѣвочка гожа.

(Я).

а) Юревичи. Песн. у.

53. А у поли, у поли зялёная елочка,
Святыи вечеръ *)—зялёная елочка.
Подъ тою елочкою—зялёная далинка,
А на той далинцѣ вараны конь ходзиць,
А на томъ кони—залатое сядзелце,
А на томъ сядзелцы—залатое стременце,
А на томъ стременцы—маладый паничикъ.
А на томъ паничику вишнёвая шапочка,
А на той шапоццѣ—чирвоная квѣточка,
А на той квѣтоццѣ—яровая пчолочка.
То-жъ ня квѣточка—его дзѣвочка,
То-жъ ня пчолочка—его жоночка.
Мнѣ съ квѣточкою только дзень быци,
А зъ жоночкою треба вѣкъ жици,
Святыи вечеръ—треба вѣкъ жици.

(Я)

54. Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
Свѣтый вечеръ *)—чоуночокъ плыве.
А у томъ чоуночку—малады паничикъ.
Приплывае ёнъ къ царскому двару.
Выносяць яму полмисокъ грошей.
Вонъ шапки ня зняу и грошей ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—малады паничикъ;
Приплывае ёнъ къ панскому двару.
Выводзяць яму вараного каня.
Ёнъ шапки ня зняу и коня ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—маладый паничикъ;
Приплывае ёнъ къ сьцёвому двару:
Выводзяць яму маладую панну.
Ёнъ и шапку зняу, и панну, собъ узяу.
Свѣтый вечеръ,—панну собъ узяу.

(Я)

б) С. Горки, Бобр. у.

55. Щодры вечеръ добрымъ людзямъ,
Ци дома дома самъ панъ господарь?
Ой дома дома самъ панъ господарь:
Сѣдить онъ собъ у конца стола.
Позвольте (ци позволять) нашему козлу по-гуляць...
Ну-ну-ну, козѣль, поворочайся
Да и на ножечки, да и на рожечки,
На копыщики на золотые.
Тыжъ гаспадынька не будь такая,
Якъ тая была барабаниха.
А будь ласкава, запали скъпочку,
Запали скъпочку, да падзи у кльточку,
Да набери мачку на тарилочку.

---

*) Послѣ каждаго стиха.

Нашему козлу не много треба:
Семъ печь перяпечь, решето овса,
Решето овса, на верхъ колбаса,
На ресьць мачку хоць на тарелочку,
Було-бъ намъ маладзёнамъ на гарелочку.
Судзи тобъ Боже сынки женици,
Сынки женици, дочки оддаваці, (2)
Да й насъ молодыхъ на веселе зваці.

(Я)

в) С. Языль, Бобр. у.

56. Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечерище 2.
Да усимъ дзюкамъ по казаку,
А мнѣ овчарничка 2.
Да й погнау мой овчарничка
Да у поле овечки 2.
Да й загубиу овчарничка
Малое ягнятко 2.
Была у мене жуковинка
Съ тремá каменцами 2.
Нема моего овчарничка
Исъ поля съ овцами 2.
Кали-бъ же я щука-рыба,
То-бъ я помырнула 2.
Таки-бъ же я своего овчарничка
Къ серцу пригорнула 2.
Кали-бъ же я крыла мала,
То-бъ я палецьла 2.
Таки-бъ же я своему овчарничку
Въ очки поглядзъла 2.

(Я)

57. При дарозъ дзвѣль берозъ,
Сарока зависла 2.

Кличе маці вечераци,
Вечера покисла 2.
Да вже-жъ бо мнѣ, моя матка,
Вечера не мила 2.
Не бачила, моя матка,
Съ кимъ я говорила 2.
Якъ бачила у середу,
Жанучи череду 2.
Якъ бачила у вувторокъ,
То уже недзѣль сорокъ 2.
Да выйду я на улочку,
Рассыплю я карты 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе жарты 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я иглы 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе игры 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я рѣшки 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе сѣмѣшки 2.

(Я)

5. Масляничныя.

Юревичи, Ігуменск. уѣзда

58. Я маладзенька не угадала,
Цы было лѣто, цы не было.
Мамка на вулку не пускала,
Въ каморочку замыкала,
А въ камороццы -- оконечко,
А на оконечку — кватерочка.
А я выбью вокенечко,
Зярну, гляну на вулечку:

На вулеццы дзѣўки ходзяць;
Дзѣўки ходзяць и гуляюць, (2)
А мой нелюбый передь водзиць.
А бодай ёнъ таночку не зводзиу;
Якъ я вѣночка не зносила.

(Я.)

59. Кароука мыче, вясну кличе;
Воликъ бушуе—вясну чуе.
(Курка кудахче—ѣсьци хоче);
Дзѣвочка плаче—замужъ хоче.
Не мыць, кароука, намычися,
Не бушуй воликъ, набушуеця (2)
Не плачь, дзѣвочка, наживеця

(Я.)

6. Великодныя.

а) Юревичи, Пегуменск. уѣзда.

60. А на рыночку проти ганочку,
Зялёны яворъ, зялёны. (прип.)
Тамъ сядзѣла да паненочка,
Да паненочка—молода Ходорка.
У правой руцѣ да кубокъ несе,
А у лъвой руцѣ—уциральничекъ.
А тудой ишоу купецкый сынъ,
Просить кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Ни дала кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Хоць купецки сынъ, да не роуня мнѣ.
А на рыночку... и пр.
Тудою ишоу мужицкый сынъ

Просить кубка... и пр.
Хоць мужицкїй сынъ, да ты роуня мнѣ.
Дала кубочка умывацися,
Уциральничка уцирацися.

(Я.)

61. У гародзи за квіткою,
Росла рожа исъ квіткою.
Хтожъ тую рожу щипаць будзе?
Молода паненка зашипала,
Зашипавши у рукавець клала,
Зъ рукавца брала, къ лицу ровновала:
Кобъ мое лицо да такое было,
Не пошла бъ я за богатого,
А пошла бъ я за сенатора,
Што съ коника не ссѣдае,
Меча съ плеча не скидае,
Пуховой шапки не знимае.

(Я.)

б) Новия Дороги, Бобр. у.

62. У городничку на трасочничку
Да не макъ—рожа расцвѣтала,
Христокъ воскресъ на увесь свѣтъ! (прип.)
Вышла—выцекла красна паненка,
Красна паненка, молода Кацеринка,
Тую рожу сощипала,
Къ своему лицу ровновала:
Кобъ маѣ лицо таково было,
Не вышла бъ я ни за селянина,
Ни за селянина, ни за дворанина,
А вышла бъ я за такого пана,
Што съ коника не ссѣдае,
Съ стремянь ножекъ не выймае.

(Я.)

7. Весення.

а) С. Языль, Бобр. у.

63. Воль бушуе, весну чуе;
Воронъ краче, сыра хоче;
Дзѣука плаче, замужъ хоче.
Не бушуй, воликъ, найоресса;
Не крачъ, воронъ, нажересса:
Не плачъ, дзѣука, наживесса.
Воль бушуе, найоравшиса;
Воронъ краче, нажравшиса;
Дзѣука плаче, сына мѣуши.

(Я.)

64. На муравѣ на туравѣ
Лежить цѣло, якъ дзень бѣло.
Прилецѣло три пташеки...
Одна сѣла у головочкахъ,
А другая блиско сердца,
А трецяя у ножечкахъ.
Што у головкахъ—матка яго,
Блиско сердца—сестра яго,
А у ножкахъ—жена яго.
Матка плаче вѣкъ одъ вѣку,
Сестра плаче годъ одъ году,
Жена плаче до й-обѣду.
По й-обѣдзѣ други ѣдзе:
Якъ гай, дакъ гай наймилѣйши,
Цебе у голоу, у мене лѣпши.

(Я.)

8. Купальскія

М. Городокъ, Бобр. уезда.

65. Ой мала ночка Петровочка,
Ня выпалася молодочка,
Да сукала шнуры шоукѡвы
Да на черевички замшѡвы,
Сяму таму запродала,
А своему милому й такъ оддала.

(Я.)

66. Да плавау чоуночокъ по рѣчцы,
Да плакау Донатко по дзѣвоццы;
Содрау лычечко съ крапивочки:
Хоць задавѣце безъ дзѣвочки.

(Я.)

67. Да на Купалья ночка мала,
Ой яжъ молодзенька не доспала,
Да сукала шнуры шоуковые,
Да рубила хусты рипсовые,
Да сему гому продавала,
Молодому Гардзѣйку даромъ давала.

(Д.)

9. Жнивныя и покосныя.

Строчице, Минск. уезда.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

68. Я думала—зажалася,
Ажъ зноу съ хвостомъ засталася;
Я думала—скрипки йграюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ вядуць;

Я думала — пирогъ даюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ лаюць.

(Я.)

69. Да я у полѣ жита жала,
Ажъ мянѣ у дому бяда стала:
Звалилася съвякроу съ тыну,
Да у жижкую крапиву.
Ня шкода жѣ мнѣ съвякровачки,
А шкода жѣ мнѣ крапивачки.
Бо съвякроу сама зноу устане,
А крапиука зноу завяне.

(Я.)

70. Кациуся вянокъ съ поля,
Да прасиуся ёнѣ да пакоя:
Пусьци мяне, панокъ, да пакоя,
Да ужо жѣ я у полѣ настаяуся,
Да мяне вѣтрикъ намахауся,
Да мяне дощикъ накрапляуся.

(Я.)

б) Юрєвичи, Игумен. уѣзда.

71. Ишоу Богъ дарогою 2.
А за Богомъ нашъ паночокъ:
Ка мнѣ, Боже, ка мнѣ, 2.
До маёго гуменца.
Маё гумно вяликое 2.
Азяроды высокіе.
Маё гумно великое 2.
Переплѣты широкіе.
Есьць дзѣ азяредзиць,
Е дзѣ копы класьци.

(Я.)

72. Пора домоу, пора,
Сьцюдзѣная раса пала.

А першая Богоявая,
А другая дожджовая, 2.
А трецяя снѣговая.
Мы першую будземъ пици,
А другую лицо мыци, 2-
А трецюю топтаць будземъ.
Боговую будземъ пици,
Дожджовую лицо мыци 2.
Снѣговую топтаць будземъ.

(Я.)

73. Пойду я дарогою,
Пуцу голосъ дубровою;
Нехай голосъ голосуе.
Нехай же мой татка чуе,
Нехай же мой татка чуе,
Дзѣ мое дзиця ночуе.
Колижъ мое дзиця пѣе,
Нехай воно домоу идзе:
Коли вона невѣхночка,
Нехай болѣ пожинае,
Мого поля повидае,
Къ моему полю привыкае,
(Къ моёй ячной лусьци,
Къ нясолоный капусьци),
Къ моему полю далёкому
Къ моёй нивѣ да широкуй.
Мое поле далёкое,
Моя нива широкая.

(Я.)

в) с. Языль, Бобр. уѣз.

74. Нашъ панъ баранъ, баранъ, 2.
Не пускае домоу зарань.
Наша пани овечая, 2.
Дзержитъ жнець до вечера.

Пусьци, пави, до дому 2.
Старыхъ бабокъ ручки зябнуць,
Молодочекъ дзѣтки плачуць, 2.
На дзѣвочкахъ вѣнки вянуць.

(Я.)

75. Говорила гарьлочка 2.

Да на своихъ пивоварувъ:
Коли мене не уварице, 2.
То вы мене не удержице
Ни у дубовыхъ бочечкахъ, 2
Ни у залъзныхъ обручикахъ.
Говориу же Марцинка 2.
На своего бацюхна:
Коли жъ мене не женице, 2.
То вы мене не удержице
Ни у цѣмнуй цямницы, 2.
Ни у свѣтлуй свѣтлицы.

(Я.)

76. Да вишенька цярашенька

На дворъ налягае,
А съ-пудъ тое вишеньки
Сивы конь убѣгае;
Не самъ же ёнь убѣгае,
Да паничикъ уѣжджае.
На ёмъ кудры маюць,
Да на ёмъ шубы зяюць.
Паничикъ молодзеньки,
Хто кошулю вышивау?
Шила matka старенька,
А сестрица маленька:
Шила matka, вышивала,
Сестрица злотомъ укладала, 2.
Да на мене ускладала.

(Я.)

в) с. Любоничи, Бобр. у.

77. Великъ нашъ боръ, великъ
Надо усѣми борами,
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надо усѣми панами.
Нема таки пана дома,
Поѣхау онъ у въ Шклово
Чарочекъ покупаци,
Жнеечекъ частоваци.
Наши жнейки маладые,
И(ихъ?) серпочки залатые,
По мѣсячку жито жали
И серпочки поламали.

(I.)

78. Лѣтомъ, дзѣвочка хороша,
Я улюбиуса у тебе.
Я улюбиуса у нещасцье,
Намъ съ табою не владаць.
Не имѣу нидзѣ я щасцья,
Сизы бѣ крылушки сабѣ:
Стрепенууса, полецѣу бы
У размашисть, зелѣный садъ;
Сѣу бы, пау бы я Машенькѣ,
Сѣу бы на правое плечо,
Посмотриу бы я Машенькѣ
Во румяное лицо.
— О чѣмъ, о чѣмъ, раз-Машенька,
У лицѣ худа и блѣдна?
— О томъ, о томъ, разголубчикъ,
Тосковала о табѣ.

(I.)

79. Жена мужа пробовала,
На попару припинала.
Ой мой мужу татарину,

Да ѣшь траву попарину,
Да пи воду луговую,
Люби мене молодую.

(Д.)

80. Коля коля рѣчки

Да ходила паненочка,
Да сѣяла руту—мяту.
Росци, росци, рута мята,
И тонкая, й высокая,
Съ кореньейка глубокая.
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Такъ я себе свинямъ порву;
Якъ у свойго татки буду,
Такъ я себе полоць буду;
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Нехай себе кони стопчуць,
Да коники гарцюючи,
Молойчики танцюючи.

(Д.)

10. Лѣтнін *).

Изъ м. Городка, Бобр. у.

81. Зелёная дубровочка,

Чаго рано зашумѣла,
Жоутымъ листомъ зажауцѣла?
Ой якъ же мнѣ не шумѣци,
Жоутымъ листомъ не жауцѣци?
Церезъ мене дубровочку
Да битая дорожечка:
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коники дубцы рѣжуць,
На кореняхъ огни кладуць.

*) Такъ значитъ въ рукописи г. Давидовскаго.

Съ—подъ каменя воду беруць,
Везуць соби волыночку,
Молодую украиночку;
Да за ею погонь идзе—
Ее родный ойченько.
Вернися, волыночка,
Вернися, дзиця моё!
Вернися, мой ойченько,
Вернися, не томися:
Ты мене не догонишь,
Только ножки потомишь.
Да кали мнѣ добро будзе,
То я къ табѣ листы пришло,
А кали мнѣ лихо будзе,
То я къ табѣ саму приду.
У вирь, дзиця, галавою,
А не ко мнѣ удавою! (Д)

82. Да гула пчолка, гула, (2)

По бору летаючи,
Да медокъ збераючи:
Горки мой медочку
Да безъ цебе, мой бортничку.
Да плакала удовочка,
Да по двору ходзячи,
Да дровца збираючи,
Да обѣдъ готуючи:
Горкій мой обѣдзе
Да безъ цебе, мой миленькій.
Сама сяду на покуци,
А дзѣтками осаджуся,
Слѣзками обольюся.
Дзѣтки жъ мои маленькія,
Слѣзки мои дробненькія;
Дзѣтки мои побольшали,
Слѣзки мои погоршали.

(Д)

11. Историческія.

а) Изъ Слуцкаго уѣз.

(по рукописи гимназиста г. Н. Берсенева)

83. Изъ—за Слуцка, изъ—за Клецка

Будзе дружба молодзєцка,

Отъ княжати мѣста Пинска,

Мѣста Пинска воевати, (2)

Отъ ляховъ обороняти.

Хоть пришли, не дали рады,

Погинули уси одъ здрады.

А я пойду у постъ велики

До Турова до владыки,

Щобъ молебень отслужити,

Да й покаюсь за грѣхи.

День и ночь буду молити,

День и ночь буду просити,

Щобы згинули ляхи.

(Я)

б) Изъ м. Городка. Бобр. уѣзда.

84. Ой мяцежница Варшава,

Бунтовщица издавна.

Збунтовалися поляки,

Черци стары оборваны,

Всѣ косцѣлы поламали,

Хресты, звоны познимали, 2.

Саби пушки поуливали.

Якъ поуливали саби пушки,

Пошли всякій дзень пирушки...

(Д.)

12. Разныя *).

а) Изъ д. Строчицъ, Минск. уѣз.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

85. Парасла крапива выше гарадзица,
Кабъ не наши паничи, не былобъ игрища.
Пагарѣли хамуты, пагарѣли лямцы,
Пагалѣли дзѣцюки, не съ кимъ исьци у танцы.
А я тыхъ хамутоу тушици ня буду,
А я тыхъ блазною просици ня буду.
Чи я у маци не дочка, чи я не дачушка,
Руса коса да пояса, червоная устужка.
У гародзѣ на градзѣ три каливы мяты,
А хто мене пацалуе, не вылѣзе съ хаты.
У гародзѣ на градзѣ три каливы бобу,
А хто мене пацалуе, не выбудзе году.
Сѣю руту, сѣю мяту, рута зеляненька,
Еще замужъ не пайду, еще маладзенька.
А я той руцѣ-мяцѣ вяршки посьцинаю,
Еще замужъ не пайду, еще пагуляю.
Еще сабѣ пагуляю, якъ рыбачка па Дунаю,
Туды-сюды повярнусь и никого не баюсь.

(Я)

б) Изъ г. Минска.

(отъ г. Г—га).

86. Ишоу Тодоръ и съ Тадорой,
Знайшоу лапоць и зѣ аборой:
Ой ты Тодоръ, я Тадора,
Табъ лапоць, мнѣ абора.

(Я.)

*) Поются, когда угодно; нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно рекрутскія и солдатскія.

87. Ишли дэмуки баразною,
Нашли █████ зъ барадою.
Адна каже: рэжмо!
Друга каже: тжмо!
Третця каже: ня псуймо,
Да па разу усуньмо!
(Я.)

88. Нашъ татулька упиуся,
На матулку узбиуся;
А матулька лихая,
Татулька спыхае.
(Я.)

89. А што жъ гэто за Лявониha была!
Не салёную капусту дала,
Не салёную, не вареную,
Толька грошки перяпареную.
А дзѣ-жъ тые кавалёчки,
Што куюць тапарочки. . . . .
(Я.)

Изъ с. Юревичъ, Пегум. уызъ.

90. Ай на морѣ волма бѣе,
Салдаты на войну идзе;
Дэмука плаче а рыдае,
Хустой слёзы уцирае.
Ня плачь, дэмука, не рыдай,
Хустой слёзы не уцирай;
Тогда, дэмука, заплачешъ,
Якъ на войну обачишъ.
Ай салдацкая ёда—
Сухари да вода,
А салдацкая посьцель—
Мундирикъ да шинель.
Мундирикъ подъ бочокъ,

Шинеликомъ обкрыся, 2.
Слѣзками облиуся.
Вы слѣзки мои гарачіе,
Откацицесь отъ мене,
Я на чужой старань,
Прикацицесь къ тому,
Хто зъ жаною у дому.
Да прѣхау бѣлый царь,
Нашъ бацюшка государь.
— Харашо вамъ, ребята,
На страженіи стаяць?
Ай харашо, харашо,
Нашъ бацюшка государь:
По капыты у кривь,
По калъни у трупъ.
А царица, наша маць
Стала ребятъ абучаць:
Ой вы, дѣтушки маи,
Вы рабятюшки маи,
Мы у крѣпосць забяромся,
Тогда съ туркамъ подзяромся.
Наши кулюшки идуць,
Та-дыкъ (такъ какъ) пчолушки гудуць.
Салдатъ идзе на Капкась,
Мужикъ ѣдзе на кирмашь;
Салдатъ идзе съ Капкасу,
Мужикъ ѣдзе съ кирмашу.
Салдатъ праздника дажжотца,
Серце кроую оболлѣтца;
Мужикъ праздника дожжотца,
Какъ съвинья водки нажротца;
Закоитца за жану,
Какъ за камяну сыцяну.
Салдатъ идзе на *восьци*, *)

*) „Въ калавуръ“, пояснилъ пѣвецъ (отставной солдатъ). Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть, *осецъ* овинь? Есть

Мужикъ ъдзе у госьци;
Салдаты идзе зъ восьпѣй,
Мужикъ ъдзе зъ госьпей;
Мужикъ ъдзе пахаць,
Салдаты жонку у караваць.

(Я.)

91. За Дунаемъ за рѣкой,
Тамъ малойчикъ гуляу,
Полынь-трѣвушку зрывау,
На конюшню брасау,
Своего коня напасау...

(Я.)

г) Изъ с. Языля, Бобр. у.

92. Ляжиць камень надъ (*sic*) водою, 2.

Ень не разобѣцца;

Стоиць милый съ чужой жаной 2.

Ень не разоидзецца.

Яжъ молода коло ихъ ишла, 2.

Яжъ ихъ ни чипала;

Только тяжко моёму сердцу, 2.

Што я присягала.

(Я.)

93. Оддау мене бацько замужь молодую,

Ой дау же мнѣ Гѣспудь долечку лихую.

Была у мене коса, коса до пояса,

Вырвау яе милый усю до волоса.

Ой уу поли у поли стайть садъ зелѣны,

А у томъ садочку дзѣвучина гуляла,

Проколола ножку на калочу розку.

Балиць моя ножка, балиць очень болно,

Нагуляуся баринь зъ дзѣвукою доволно.

еще *осци,-ей* (острога), которое больше подходило бы по формѣ, но меньше по смыслу.

Запражице яму да новыя санки,
Поѣдзе нашъ баринъ до свае коханки;
Запражице яму да новыи вазочокъ,
Поѣдзе нашъ баринъ у новыи гарадочокъ.
А за имъ дзѣучина, за имъ у слѣдочокъ;
Гнала ена гнала, никакъ не догнала:
Заболѣли ей вочень болно ножки,
Стала ночоваци ена упоудорожки.
Ѣхали казаки яны съ украины,
Стали пробужацы прекрасной дзѣучины:
Уставай, дзѣучина, устань и ѣдзь изъ нами,
Устань и ѣдзь изъ нами, зъ нами казакамы.
Дзѣучиночка устала, цяженько здыхнула,
Цяженько здыхнула, жалко заплакала.

(Я.)

д) Горки, Бобр. уезда.

94. Выхадзила дзѣучиночка за новыя ворота,
За новыя, кляновыя, за решетистыя,
Вынимала исъ кармана тонкой бѣленькой платокъ,
Воцерала любезному свему горкія слѣзы.
А уцѣрши горки слѣзы, на крутую пошла горушку,
А на тую гору крутую, дзѣ скончалася любовь.
Наша любовь не большая, вотъ разлука цяжела,
Разлучила насъ неволя, чужедалня сторона.

(Я.)

е) Новыя Дороги, Бобр. уезда.

95. Соловейко маленьки,
Твой голосокъ тоненьки,
Леци у нашу старану,
Накажи роду моему,
Што я бѣдна сирота,
Што у мене роду нема,

Тольки адзинь дзядзько,
Якъ родны мой бацько.

(Я.)

96. И сёгодня не быу, и учора не быу:
Видно мой милы на мене забую.
О, не забую, хиба забуду,
Якъ поьду, семь годъ не буду.
О, есьць у мене муляри свои,
Отмулюю я милого къ собь.
Отмулюю его хоць на дощеццъ,
Да й поставлю его у концы стола,
Поставлю его у концы стола,
Да й буду смотреть, якъ на сокола.
Ой зачимъ соколъ смуцень не весёлъ?
Ой якъ-же мнъ весёлому быци:
Учора зъ-вечора уточка была,
А сёгодня разстрѣляная.
Не жаль бы було, кабъ ее на водзнь,
А то у лузѣ, у черець.
Ой чому козакъ смуцень, не весёлъ?
А якъ-же мнъ весёлому быци:
Што учора зъ—вечора дзѣвочка была,
А сёгодня засватана.
Не жаль бы мнъ было, кабъ ена далёко,
А то за сусьдочку:
У клѣць идзе, добраночъ дае,
Ись клѣци идзе, добрыдзень дае.

(Я.)

ж) Городокъ, Бобр. уезда.

97. Эхъ, не могу я зъ гора разгуляцца,
Эй да тоски, скуки свае разогнаць.
Пойду зъ гора на быструю рѣчку,
Ой да сама сяду на крутъ бережка.
Ни одна тутъ я здѣси на рѣццѣ:

Эхъ виджу—бачу свой цѣнь на водзѣ.

(Цѣнь пустая, цѣнь холодная, — да,

Эхъ цѣнь не грѣ мене ничово;

Цѣнь не грѣ мене ничово,

Эхъ, при мнѣ здѣсьси нѣту никово).

А съ—пудъ лѣсу ой да поцихеньку,

Ой бачу ѣдзе милый на кони.

Здрастуй, милая моя красаука (забаука)!

Ахъ я нарочно просытитца зайшоу.

Езьли дасьць Богъ—назадъ повернуса,

Эхъ, три подарки тобѣ привезу:

Первый подарокъ, ты моя красаука,

Ой на голову да шалѣвый платокъ;

Други подарокъ, ты-жъ моя забаука,

Ой да на шіечку замша—замшушка;

А треци подарокъ, ты-жъ моя красаука,

Ой да на ручечку злоты персьценѣкъ.

(Я.)

98. Была я у бацьки на выгодзѣ,

Сѣяла орѣшки въ огородзи;

Росцице орѣшки выше плоту,

Отдау мене бацька за блазноту.

Чужіе молойцы пьюць, гуляюць

А моей блазноты не примаюць.

Бодай вамъ, молойцы, лиха у грудзи,

А зъ моей блазноты будуць людзи.

(Д.)

99. Якъ мнѣ тошненько, якъ мнѣ нудненько,

Сама не знаю чего.

Эй, ой пойдзице-жъ вы, приведзице мнѣ,

Кого я вѣрно люблю: *)

---

*) Для слѣдующаго куплета повторяется 2-я половина предыдущаго (безъ *эй*): *Ой пойдзице и т. д.*

Эй, черномазаго, черноглазаго,
Русы кудзерки у его.
Эй, ёнь чау (-чесау) кудри, ёнь чау русы,
До барыни поспѣшау.
Эй, черезъ рѣченьку, черезъ быструю
Мостовинушка лежиць;
Эй, о по той же да мостовинушкѣ
Другъ любезный проходилъ;
Эй, мостовинушка возыбнулася,
Другъ сердечный утонуль.
Эй, о пойду же я молодѣшенька
Всё й по крутымъ бережкамъ,
Эй, ци не сустрѣну, ци не споткаю
Рыбалойцау молодойцу.
Эй, вы молодойчики рыбалоуники,
Закидайце невода!
Эй, ци не зловице, не споймаеце
Мойго милаго дружка.
Эй, коли зловице и споймаеце,
Буду рѣчку вспоминаць;
Эй, якъ не зловице, не споймаеце,
Буду рѣчку проклинаць:
Эй, да бода рѣчка, да бодай быстра
Жоутымъ пескомъ заплыла,
Эй, якъ же ты мойго милаго дружка
Въ цихій Дунай занесла.

(Д.)

100. Ой скучно мнѣ, скучно,

Якъ былинцы въ поли,

Нихтожь не разважиць

Мене молодой.

Якъ тую развагу

Я й сама разважу,

Посцелю посцельку,

Сама спаци лягу.

Посцелькавка, бѣл
Сама моленька, а,
Подушка пуходзенов
Сама черноброва.
Устану раненько,
Умыюся бѣленько,
Сяду подѣ оконце,
Навсходѣ ясна сонца.
Ёще ясенъ мѣсяць,
Ёще не заходзиць,
Да уже мой миленьки
По рыночку ходзиць, (2)
Молодушекѣ водзиць.
Ахъ, мой ты миленьки,
Якій не вѣрненьки!
Гардуешь ты мною,
Якъ вѣцерѣ горою, (2)
Туманъ долиною,
Такъ и ты да мною,
Мною молодою.

(Д).

101. Была саби удова,
Породзила сыны два;
Породзила повила,
Вѣ колыбелюшку вшила, (2)
Вѣ цихій Дунай пуссила.
Ты, Дунайчику мой,
Ты досматривай ихъ.
А вы, цихія волны,
Покалыхивайце!
А вы, ницыя лозы,
Содзѣвайце вы ихъ!
А вы, жоутые пески,
Накармлийте вы ихъ!
На пятнадцатомъ году

Пошла удова по воду,
Стала удова воду браць,
Стау каребчикъ приплываць,
А на томъ же карабцы
Два удалые молодойцы:
Одзинъ сѣдзиць на брису,
Чеше русую косу;
Другій сѣдзиць на долу,
Поглядая на удову.
Ой, ты, удова молода,
Да ци любишь ты мене, (2)
Да ци пойдзешь за мене!
Я за цебе пойду,
За другого дочь отдамъ.
Штобъ же ты така маць
Наскрозь землю прошла,
Штобъ за роднаго сына
Сама замужъ пошла.

(Д.)

102. Калина—малина

У лузи стояла,
У лузи стояла,
Стоячи совяла.
Ци вѣтру боишься,
Ци дожджу жадаешь?
Вѣтру не боюся,
Дожджу не жадаю.
Дзѣучина — рыбнина,
Чаго смутна ходзишь?
Ци свѣтъ у неволи,
Ци горкая доля?
Мнѣ свѣтъ не у неволи,
Ни горкая доля.
Не дай же мнѣ, Боже,
Заслужнаго хлѣба.

Бо хлѣбъ той заслужный,
Вельми ёнъ потужный:
Якъ я стану кроищъ,
Пани гордо мовиць;
Якъ я его укушу,
Заплакаци мушу.

Ой тамъ да на горѣ
Церковка стояла,
Тамъ же любезная
Зъ нелюбымъ шлюбъ брала;

Брала-жъ ена брала,
Да у шлюба пытала:
Ой шлюбе мой, шлюбе,
Скажи щиру прауду!

Ци горы копацы,
Ци зъ немилымъ шлюбъ брацы?

Горы копаючи,
Водзицы напьешся,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Слезьми обольешся;

Горы копаючи,
Сядешъ, сопочинешъ,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Навѣки загинешъ.

(Д.)

103. Прилецьла галка,
Чужая землянка,
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ;
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ,
Да на сухой соснѣ,
Спѣвая жалосне:
„Не хилися, сосна,
Бо мнѣ вельма тошно,

Што я въ чужомъ краю
Дармо пропадаю,

Безъ ойца, безъ матки,

Безъ роднаго братки.

Пріѣдзь, братка, въ госци,

Пріѣдзь голубочекъ!

Пріѣдзь, голубочекъ,

Хоць разъ у годочекъ;

Пріѣдзь, пріѣдзь, братка,

Хоць не умывавшия;

Хоць не вмывавшия,

Хоць не вциравшия:

У мене водзица

Съ подъ саду крыницы;

Вода у кубочку,

Ручникъ на колочку:

Возьми, братка, умыйся,

Ручничкомъ утрися;

Ручничкомъ утрися,

Богу помолися,

Богу помолися,

Да й спаци ложися!

А вы, соловейки,

Вы не пѣйце рано,

Вы не пѣйце рано,

Не будзице пана!

Нашъ панъ маладзенькій,

Мой братка родненькій,

Учора зъ—вечора

Поздненько пріѣхау,

А сегодня рано

Да уже отъѣжжая,

Мене молодую

Одну покидая.

(Д.)

104. Ой у поли, поли
Вѣцерь калину колыша,
А братъ до сестрички
Часто листы пиша.

Ци привыкла, сестра,
На чужой сторонцы?
Я хоць не привыкла,
Треба привыкаци,
Треба гое знаци,
Што чужая маци.

Матка-жь моя, матка!
Дзѣ мнѣ цебе узяци?
Ци мнѣ заслужици,
Ци мнѣ заробици, (2)
Да й матку купици?

Моляры молююць,
Матку одмалоюць,
Да все не такую,
Якъ матку родную.

Моляры молююць,
На личко бѣленько,
Да не одмалоюць
На словцо вѣрненько.

Моляры молююць
Сь черными бровами,
Да не одмалоюць
Вѣрными словами.

(Д.).

105. Жалко было вечерочка,
Што не была учора; (2)
А змѣнися голосочекъ,
Якъ цихая мова.
Голосочекъ у лѣсочекъ,
Циха мова розна. (2)
Не гнѣвайся, мой миленькій,
Што я хожу позно.

Я хожу, гуляю,
Добрый розумъ маю; (2)
Коля рѣчки, коля гаю
Коня наповаю.
Конь вороный воды не пье,
Ень дорожку чуя, (2)
Ой Богъ зная, Богъ вѣдая,
Дзѣ милый ночуя.
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Ночуй, обдымайся! (2)
Жена твоя молодая
Слезьми обливайся.
Ци всѣ тые сады цвили,
Што мы поливали? (2)
Ци всѣ тые вѣнчались,
Што залецались?
Половина саду цвице,
Половина вяне; (2)
Половина свѣту скаче,
А другая плаче.

106. Не знала дзѣучина,

Што ей будзе лиха,
Пусцила жаунѣра
Въ каморочку циха.

Жаунѣръ тамъ побууши,
Причину зробиуши,
Коника сѣдлая,
Зъ двора выѣжжая;

Зъ двора выѣжжая,
Дзѣучина рыдая;
Дзѣучина остаетя,
Слезьми обольетя.

Не плачь ты, дзѣучина,
Годуй мойго сына!

Назадъ ворочуся,
Съ тобой оженюся.

(Д.)

107. Ой, калина—малина,
Да што тебе ссушило?
Ссушили мене буйные вѣтры
И лютые морозы,
Ой, казаче—бурлаче,
Да што тебе ссушило?
Ссушила мене тая дзѣучина,
Што съ чорными очима.
Ты, дзѣучиночка моя,
Да й сухотонька моя,
Выйдзи, дѣвчина, сердце, рыбчина,
Поговоримъ съ тобою.
Ой рада бѣ я выходзици
И съ тобою говорици,
Лежиць немилый на правой ручици,
Я боюся пробудзици.
Ты боишься пробудзици,
Я его мушу забици.
Да ци забьешь, ци не забьешь,
Только зъ свѣту изведзешь;
Бери коня, зѣѣжжай зъ двора:
Ты не мой, я не твоя.

(Д.)

108. Бѣлая бероза похилилися,
Жена по мужу зажурилася,
По зелѣномъ саду похожаючи,
Свойго милаго побуждаючи:
Устань, миленькій, уже свѣтъ бѣленькій;
Ой по подворку пѣтушки пѣюць,
Да по городахъ барабаны бьюць,
Мойго милаго у пріѣмъ ведуць;
Хоць его ведуць, его не здадуць,

Его не здадуць, ему кару дадуць.
Пойду я молода на високу гору,
Зирну я молода зъ горы у далину;
Ажно у далинѣ да сивый конь стоиць,
Подъ тымъ коникомъ мой братка лежиць,
Надъ имъ сестрица родная стоиць.
Ци я не казала, да мой браточка:
Не бери жены съ чужой стороны,
Ой возьми жену у своёмъ селѣ,
У своёмъ селѣ хоць сусѣдочку,
Хоць сусѣдочку сирочиночку.

(Д.)

109. Прилецѣли два сизые голубы,
Сѣли, пали у удовушки на дворѣ,
Крыльчками подворьечка подмели,
Очечками свѣцѣлышку свѣцили,
Голосами удовушку будзили:
Устань, устань, молодая удова,
Да послухай, да ци шумиць дуброва,
Да ци стогне широкая дорога,
Да ци ѣдуць козаченьки изъ войны.
Шумиць, шумиць зелѣная дуброва,
Стогне, стогне широкая дорога,
Ѣдуць, ѣдуць козаченьки изъ войны;
Ведуць, ведуць миленькаго на кони:
Рубашечка вся же кровью излита
И пулями вся же она избита.
Вотъ цеперь же я на вѣки удова,
Дѣтки-жѣ мои да на вѣки сироты.

(Д)

110. Ой выйдѹ я на гору, (2)
Посмотру я на рѣку.
Ой на быстрой на рѣцѣ (2)
Нова лодочка стоиць,

Ой у той же лодоцѣ (2)
Страшна смертхуна сѣдзиць.
Ой ты смерць ты моя, смерць, (2)
Приплыви къ моему дому, (3)
Замори мою жену.
Яжъ такъ даромъ не хочу, (2)
Сребромъ золотомъ заплачу.
Не поспѣла ена умерци, (2)
Полотномъ вочи накрыву, (3)
Самъ до дзѣвущекъ пошоу.
Усѣ дзѣуки хороши, (2)
Одна дзѣука лутше всѣхъ,
Што зачесана коса,
Што заплаканы глаза,
То моей жены сестра.

(Д)

111. Чимъ дубъ не зелѣный?

Ци туча побила?

Козакъ не весѣлый,

Лихая годзина.

Якъ мнѣ молодому

Весѣлому быци?

Я любиу дзѣучину,

Не могу забыци, 2.

Бо сватали людзи:

Знаць мнѣ молодому

Пареньки не будзе;

Только всее пары.

Што воченьки кары,

Только всей любви,

Што чорныя бровы.

Чорны бровы маю,

Да не оженюся,

Ой пойду я зъ жалю

Въ рѣчку утоплюся.

Не топись, козаче,
Марне душу сгубишь;
Пойдемъ звѣнчаемся,
Кали вѣрне любишь.
Їдемъ же мы поле,
Їдемъ и другое,
На трейцее поле
Стау конь спотыкаться,
Вернемся, дзѣучина,
Ни будземъ вѣнчатся
Вернемся, дзѣучина,
Нема попа въ дому:
Ци твое нещасце,
Ци моя недоля.

(Д)

112. Охъ, не спится, не дремится

И сонъ мене не берощь;
Пошоу бы я до дзѣучины,
Самъ, не знаю дзѣ живець;
Да спрасиу бы товариша,
Пущай мене заведзе,
Такъ товаришъ краснѣй мене,
Їнь дзѣвушку отобье.
Ночью дзѣвушка уснула,
Видѣбла дружка во снѣ;
Я уснула, воздыхнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Чимъ я себе огорчила,
Скажи миленькѣй мой мнѣ.
Коли вѣрно не любила.
Отправляй мене домой;
А не хочешь отправляци,
Возьми у ручки пистолеть.
Узяуши у ручки пистолецикъ,
Разстрѣляй же грудзь мою,

То я буду тымъ довольна,
Што ты укончилъ жисць мою.

(Д.)

113. На гуляньи у канпани
Барынь дзѣвушку обняу,
А дзѣвучонкѣ стыдно стало,
Показились слѣзы зѣ глазъ,
А мальчишку жалко стало,
Стау дзѣвучонку унимаць:
Полно, полно, дзѣвучоночка,
Табѣ плакаць и рыдаць.
Заболѣло мое сердце,
Возьму замужъ за себе.
Ты богатый, а я бѣдна,
Не пойду я за тебе.
Хоць ты бѣдна, я богатый,
Не покину я тебе.

(Д.)

114. Маць моя, маці,
Маць моя родима,
Не оддай мене за рудаго,
Бо я чорнобрыва.
Отдай мене за того,
Што чорные очи;
Ёнъ вочима заморгая,
А я засмѣюся.
Маць мене не слушала,
Отдала за рудаго,
Еще ена приказала
Шановаци его.
Я-жъ его не люблю,
Шановаць не мушу,
Ой Боже мой, Боже,
Прими его душу.

. . . . .

Черезъ боръ да въ контору
За писара пошла.
Бодай тому писару
Три болячки въ лысину,
Кабъ ёнь письма писау
И болячки чесау.
Ой тамъ за горою
Цыгане стояли,
Ой тамъ за другою
Шацёръ напинали.
Охъ у той шацёръ
Дѣвокъ зазывали

. . . . .
Охъ у сади, у сади
Трава зеленѣя,
За хорошимъ человѣкомъ
Жена молодзѣя.
Охъ у сади, у сади
Трава посыхая,
За поганимъ человѣкомъ
Жена пропадая.
Въ огородзи мята,
За городомъ мята,
На улицы гарны хлопцы,
Молоды дзѣвчата.

(Д.).

115. Въ рѣцѣ вода лялѣя,
Писаръ гуси гоняя.
Эй, эй, о—хо—хо,
Писаръ гуси гоняя. *)
Писаръ гуси гоняя,
На дзѣвушекъ моргая.

---

*) Припѣвъ къ каждой строфѣ съ повтореніемъ 2-го стиха.

Вы дзѣвушки—красотушки,
Накажице паненцы,
Накажице паненцы,
Што въ чирвоной сукенцы,
Пушай мене не жде,
Пушай замужъ иде,
Нехай мене не любвиць
Своихъ лѣцеу не губиць.
Дзѣука тое зачула,
Въ вишнёвый садъ скочила,
Накопала коренья
Съ—подъ бѣлаго камня,
Перемыла у рѣцѣ,
Приставила въ молоцѣ,
Присунула до жару,
Кипи корень помалу.
Еще корень не укипѣу,
Писарь къ дзѣуцы прилепѣу.
А чего-жъ ты прилепѣу?
А ты-жъ мене не хацѣу.
А што тебе принесло,
О ци човень, ци весло?
Мене привѣзъ сивый конь
Къ красной дзѣвушкѣ въ покой.

(Д.)

116. Ой да не спится не дремится,
Голова моя болиць,
Ой никого мнѣ не жалко,
Жалко тройки вороной;
Жалко тройки воли вороной,
Молодого ямщика.
Ямщикъ у доми не бывая,
По Россіи поѣжжая.
Всю Россіюшку Ваня проѣхау,
Лутшей Маши не нашоу.
Ёнъ зъ Россіи вороциуся,

Живой Маши не застаю.
 Лежиць Маша у свѣтлицы,
 У свѣтлицы подь окномъ:
 Вся головушка у цвѣты убрана,
 Грудъзъ накрыта китаёмъ.
 Я китаечку открью,
 Хоць на Машу посмотрю,
 Въ ручки, въ ножки поцѣлюю,
 Въ ея бѣлое лицо,
 Пушай Маша не жалкуя,
 Што быу Ваня подлецомъ.

(Д.)

117. Да усѣ хмарочки да по парочки,
 Одна хмара розна.
 Да свариць мене моя мамочка,
 Што я хожу позно.
 О хоць ты свари, о хоць не свари,
 Ты мене не научишь.
 Кого вѣрно люблю,
 Ты мене не разлучишь.

(Д.)

118. Росла, росла трава зеленая,
 Расцилалась по земли,
 Расцилалась по земельцы,
 По круценькимъ бережкамъ.
 Нихто травушки ни косиць,
 Нихто ее не сожнецъ;
 Нихто дѣвушки не любиць,
 Нихто замужь не берець.
 Якъ я была у малыхъ лѣтахъ,
 Зъ ойцомъ, зъ матушкой спала,
 А цеперь я пребольшая,
 Пожалуйце молодойца...
 Хмары цѣмны, тучи грозны
 Всѣ й подь небесахъ идуць,

Хороши наши ребята—
На ученє сами йдуць;
Ены идуць машеруюць,
Сами съ собой гвораць:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Пребольшой городъ узяць,
Еще-жь было потруднѣй-же,
Якъ подъ пушки подбѣжаць.
Якъ подъ пушки подбѣжали,
Разкричалися мы вразъ.
Михаиль нашъ князь великій
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Вы палице, братцы, не робѣйце,
За морами знаюць насъ!
Окаянные пранцузы,
Покарицесь вы намъ!
Якъ не будзеце карится,
Мы порубимъ васъ, побѣмъ;
Мы порубимъ васъ, побѣмъ,
У Россію жиць сошлѣмъ.

(Д.)

119. Поглядзице, братцы, за моремъ погодушка,
За моремъ погодушка, сильна безуремне.
Уже намъ, братцы, горе надокучило,
Жоутые пески зъ мора вытаскаючи,
Крутые береги, братцы, выроуняючи.
Тамъ да гуляла красная дѣвушка,
Красная дѣвушка—душа Палагеюшка.
Ена гуляла, ена умывалася,
Лицу своему бѣлому дзивовалася:
Кому-жь, мое личико, кому-жь призастанешся?
Ой ци тому ся, братцы, полковничку,
Ой ци тому ся, братцы, невольничку,
Што сѣдзиць въ корчмѣ, сѣдзиць напивается,
Придзе до дому, со мной разбивается,

Своимъ родомъ выхваляется:
Ой мой родзе съ панами Ёдзе,
А твой родзе съ старцами ходзишь.

(Д.)

120. Сторона моя, старонка,
Развесёла сторона,
Што по табѣ по старонцы
Росли зелены лужка.
Што по тыхъ же лужочкахъ
Разливалася вода,
Разливалася, напоунялась
Ровно съ крутымъ бережкомъ.
Зроблю я нову лодку,
Переѣду я къ милой
Переѣхауши къ милой,
Устрою церемъ цесовой;
Устроиуши цесовъ церемъ,
По садочку похожу;
Походзиуши по садочку,
Разны цвѣты разсажу;
Разсадзиуши разны цвѣты,
Русы волосъ расчешу;
Расчесауши русы волосъ,
Вижу дѣвушку въ глаза.
Здрастуй, здрастуй, красавица,
Давно я тебе видалъ,
Якъ думау я женицися,
Намѣронъ я васъ узяць, 2.
Не посмѣю вамъ сказаць.
Женись, козакъ, женись, бурлакъ,
Женись, удалый молодець.
Вотъ не може тому статья,
Штобъ я была за тобой.
Якъ я была въ малыхъ лѣтахъ,
Насмѣуся ты зъ мене;

Якъ цеперь же уразумѣла.
Отыдзи прочь отъ мене.

(Д.)

121. Граю, граю на гитары,
Граю, граю, веселось.
Нихто горесци не зная,
Якъ я зъ милымъ расстаюсь.
Запалю я лампу—свѣчку
На всю млода цѣмну ночь.
Гари, гари, лампа—свѣчка,
Гари, гари, не згасай,
Ты жъ, мой дружокъ любезный,
Часто въ госци заѣжжай;
Накажи мойму батюшку,
Што я въ горесци живу
За сцѣною каменною,
За рѣшоткой драцяной.
Ой вы, ракиковы кусточки,
Прихилицесе къ земли:
Вы, звѣри мои, соболѣчки,
Выходзице вы ко мнѣ,
Расперзайце цѣло бѣло
По ракиковымъ кустамъ,
Разолице кровь гарачу
Всѣ по жоуценькимъ пескамъ.
Положице моѣ сердце
На серебрянный поднось,
Занесице моѣ сердце
Къ мойму милому дружку.

(Д.)

122. Унадзиуся, унадзиуся, унадзиуся .
Да соколь до чайки,
Да што у ее горѣлки ни чарки.
Гѣта табѣ, чаечка, за тое,

Да што твое крыльейко рябое,
Гэта табѣ, чаечка, заплата,
Да што твоя голоука чубата.
Ой тамъ дзѣука, ой тамъ дзѣука
Пшениченьку жала
И къ зелёному дубу позирала.
Яжъ думала, яжъ думала,
Што дубъ зелененькій,
Ажно вышоу козакъ молодзенькій.
Козаченьку, козаченьку, козаченьку,
Господъ Богъ съ тобою,
Выведзь мене млоду на дорогу.
Коли будзешь вѣрнымъ дружкоймъ зваці,
Велю хлопцамъ дорогу указаци.
Хопъ я буду у лузи ночеваці,
А не буду вѣрнымъ дружкоймъ зваці.
Помолюся я святому Богу,
Ци не выйду сама на дорогу,
Поклянуся я святой Миколи.
Што не пойду по грибцы николи.
Бодай тые грибцы не родзили,
Кабъ дзѣучата по ихъ не ходзили,
Да по цёмныхъ лужкахъ не блудзили.

(Д.)

123. Не шуми дуброва,
Не шуми зелёна,
Не задавай серцу жалю,
Што я у чужомъ краю.
    Ой я у чужомъ краю,
    Якъ на пожаринѣ,
    Нихто жъ мене не жалѣя
    При лихой годзинѣ.
Нихто мене не жалѣя,
Ни оцецъ, ни маці,
Только-жъ мене той жалѣя,
Хто захоче узяці.

Плыви, плыви, сѣра утка
 Противъ воды хутко,
 Да не кажи мойму роду,
 Што я тутъ горую,
 Да скажи ты мойму роду,
 Што я тутъ паную:

Мое панованье—
 Цяжкое вздыханье.
 Выжъ мои раскошечки—
 Дробныя слёзочки.

Да говораць людзи,
 Што я не журуся:
 Якъ выйду я за ворота,
 Такъ зъ вѣтру валюся.

Да говораць людзи,
 Што я не плачу,
 А якъ выйду на улицу,
 Спежечки не бачу.

(Д.)

124. Бероза, бероза, зелѣная, кудрава,
 Што тебе, бероза, сѣкуць да рубаюць?
 Мене молодую хто хоче ругая.
 Ой нудно мнѣ, тошно да на моемъ сердцу,
 Што мой миленькій со мной не говориць;
 Со мной не говориць, по вечоркахъ ходзиць,
 И къ бѣлому свѣту да дому приходзиць.
 Ёнъ ложится спаці вперокъ короваци,
 На хату вочима, а къ сѣнѣмъ плечима.
 Устань, устань, милый, я тебе раззую,
 Я тебе раззую, въ личко поцѣбую.
 Оступися, жонка, оступися, шельма,
 Я не съ такими ночку пересѣдзю,
 Ночку пересѣдзю, на ихъ перегледзю.
 Хоць у тебе, милый, и три и четыры,
 Но я старшѣйшая надъ ими усими:
 Я съ тобою, милый, въ косцели стояла,

Въ косцели стояла, персцѣнки мѣняла,
Персцѣнки мѣняла, Богу присягала.

(Д).

125. Горе горе, пребольшое:

Зъ гора ноженьки не ходзяць,
Ручки дзѣленька не робяць,
Сонъ головушку хилія,
Мене милый покидая,
Самъ на войну уѣжжая,
Мене въ гори покидая
Всѣ зъ дробными дзѣточками.
Дзѣтки мои дробненькіе,
Служки мои вѣрненькіе,
Безъ поры мене сушили,
Серце мое выкрушили,
Красоту зъ лица змѣнили.
Красота моя прекрасна,
Только доленька нещасна.
Выйду млода за ворота,
Ажно лециць воронъ чорный,
Воронъ чорный, бѣлоккрылый,
Пытається: дзѣ твой милый?
О, мой милый у забоци,
У государа на рабоци:
У дзень ходзиць—ружьѣ носиць.
Въ ночи ходзиць—калауриць,
Калауриць, люльку куриць.
Люлька моя золотая,
Жонка моя молодая,
Я покинуу тебе у гори,
Якъ уточку у синемъ мори.

(Д.)

126. Ой што-жъ кому да за дзѣла,

Што я зъ милымъ сѣла.

Вотъ я сѣла посидзѣла,

Пѣсеньку запѣла:
Развивайся, клѣнь дзиравай,
На четыре листы,
Любиу барышь трохъ дѣвчонокъ,
Ёнь не мѣу корысци.
Одна пошла зимой замужь,
А другая у лѣтку,
А трейцея черноброва
У лѣсь по чернушку.
Чернушечки не набрала,
Ой Боже-жъ мой милый,
Што у той же дзеревенцы
Казакъ чернобривый.
Его шапочка боброва,
Голоука съ кудрами,
Его личинько бѣленько,
Сапожки сафьяны.

(Д.)

127. Доня моя милая,
На што глупа здѣлала?
Любила Ваню, бросила.
Матка моя родная,
Якъ же мнѣ его любиць,
Коли мое сердце не церпиць.
Што дзень вижу пьянаго:
Ёнь за столикомъ сидзиць,
Зелёное вино пѣ,
Молодая жонка йдзе.
Ступай, пьяница, домой!
Пропиу мое имячко,
Пропиу бѣлое личко,
Изъ головушки платокъ,
Съ правой руки персценѣкъ.

(Д.)

128. Цёмна ночка да не видная,
Головочка моя бѣдная!
Дзѣжъ я буду да ночеваци,
Што я буду да вечераци?
Вечерацьму да шуку—рыбу,
Шуку—рыбу да й осетрину.
Коня пушу да на долину,
А самъ лягу да й отпочину.
Ой тамъ дзѣбука да жита жала,
Жита жала да пшениченьку,
Меня будзиць да п'яниченьку:
Устань, милый, бо татары йдуць,
Татары йдуць, коня возьмуць.
Коня возьмуць, конь другій будзе,
Цебе забьюць, то намъ жаль будзе.
Ой дзѣучина, сердце, рыбчина,
Ци ты мене да такъ вѣрно любишь,
Што ты мене да заране будзишь?
Штобъ я тебе да не любила,
То бъ я тебе да не будзила.

(Д.)

129. О, ты поле, поле чистое,
Поле чистое, неуродливое,
Только породзило кустъ ракитовый.
Ой на кусцику—соловеюшко,
А подъ кусцикомъ—салдаты молодой.
Посцелька его—шоукова трава,
Въ головахъ у его—шляпа чорная,
У грудзи его—пуля быстрая,
А при боку его—шабля вострая,
Въ головахъ стоиць сивый конь его.
Ой, ты конь мой, конь, ты товаришь мой,
Отвези жъ ты поклонъ къ ойцу мацери моей,
Не кажи жъ ты, коню, што я убитый лежу,
Да скажи ты, коню, што я въ войску служу,

Што я въ войску служу, я жениться хочу
Оженила мене куля быстрая,
Одружила мене сабля вострая.

(Д.)

130. Выйду, выйду за ворота,
Покачу ведзерце.
Выйдзи, выйдзи, душа радосць,
Да поцѣшь мое сердце.
Да мое сердце вельма мляво,
Лучше-бъ я его не знала.
Да коля луга, да коля цѣмна
Сизъ голубъ летая;
Ёнъ летая, ёнъ пытая,
Да голубки шукая:
Да сизые два голубчики,
Ци не видзѣли да мае голубки?
Да скажи, скажи, да голубчику,
Якая твоя голубка?
Да сама сиза, да бѣлы крылья,
А личко, якъ калина.
Полецѣла да твоя голубка
У чистое поле;
Сѣла, пала да голубочка,
Коля синяго мора.
Да вмывается да голубочка
Морскою водою,
Да удирается да голубочка
Русою косою.
Расци, коса, до пояса,
Я буду чесаци.
Да любиу барынь дзѣуку,
Да стау покидаци.
Да любиу три годы й недзѣльку,
Якъ пришлось браци,
Такъ стау покидаци.

(Д.)

131. Коля дуга хожу, свойго друга гляжу.
Ой, друже мой, друже, любилися дуже;
Любилися дуже да четыре года,
А не бачилися четыре недзѣльки,
А въ одну недзѣлю разомъ заболѣли.
Казаченько лежиць у зелѣной дубрави,
Дзѣучиночка лежиць у новой каморы.
Дзѣучиноццы носяць ѣсци, пици досыць,
Казаченько лежиць, зимной воды просиць:
Земля моя земля, дай воды напиться,
Ци ни покинуу бы по дзѣучинѣ журиться.
Да у недзѣлю рано звонны зазвонили,
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Послухай, matka, ци усѣ звонны звоняць.
Коли усѣ звоняць, казака хороняць;
Коли у половинѣ, будзе й по дзѣучинѣ.
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Поховай насѣ, matka, да въ одной могилѣ,
Положи насѣ, matka, впоручь головами,
Штобѣ была размова на томѣ свѣцѣ зѣ нами.

(Д.)

132. У поли калина
Зѣ вѣтромъ говорила:
Повѣнь вѣцерь, повѣнь буйны,
Штобѣ я не совяла.
У поли дубочекъ
Зродзиу желудочекъ,
Якъ не вижу миленькаго,
Болиць животочекъ.
Ой у поли хвойка
Изломила голька.
Якъ не вижу миленькаго,
Такъ болиць голоука.
Ой у поли жито
Зелѣное збито,

Подъ бѣлою берозою
Казаченько убитый.

Ой убитый, убитый,
Да укинутый у жито,

Чирвоною хустынькою
Оченьки накрыты.

Ой пришла дзѣучина
Съ черными очима,

Да подняла хустыночку
Да й заголосила.

Ой пришла другая,
Совсѣмъ не такая,

Да подняла хустыночку
Да й поцѣловала,

Неживому казаченьку
Всю правду сказала:

Ой устань, казаче,
Устань, молодзенькій,

Ходзиць, блудзиць по дубровѣ
Твой конь вороненькій.

Ой нехай ёнъ ходзиць,
Хоць и заночуя;

Ёнъ до маи миленькой
Дороженьку чую.

Ой нехай ёнъ ходзиць,
Покуль напасетя;

Нехай моей миленькой
Лёгонько икнетя.

(Д.)

133. Пошла дзѣука къ цѣмному броду по воду,
Приблудзила къ цихому Дунаю и къ бору,
А жъ тамъ звощикъ, перевощикъ молодой.
Ой ты звощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези да й да матушки родной.
То я табѣ за перевозъ заплачу.
Дамъ я табѣ всё й ядбабненькій платокъ,

Еще къ тому атласовый поясокъ.
Не хочу твоего ядбабнаго платка,
Не хочу твоего и атласна пояска,
Только хочу съ тобой подъ шлюбомъ стояць
И серебрянны персцѣнки помѣняць.
Лутше буду я у мори потопаць,
Якъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць:
Лутше буду кременны горы копаць,
Чимъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць.

(Д.)

134. Малолѣтна дѣвчоночка
    Научилася страдаць.
Страдай, страдай дѣвчоночка,
    Еще въ лѣтахъ молода.
Въ гѣтыхъ лѣтахъ будзешь вѣдаць
    Всѣ любовныя дѣла.
Мнѣ подружки говорили,
    Што милого очень жаль,
А я своего миленькаго
    Запросила ночеваць:
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
    Хотя ночку у меня.
Ой радъ бы я, моя мила,
    И двѣ ночи ночеваць,
Да боюся, моя мила,
    Штобъ до свѣту не проспавъ.
Не бойсь, не бойсь, мой миленькій,
    Я сама рано встаю,
Я сама рано встаю,
    Себе дружка обужу.
И обудзила, проводзила,
    Дѣѣ сканчалася любовь.
Дѣѣ сканчалась, распрощалась,
    Такъ тамъ рѣчка процекла.
Молодая дѣвчоночка

Пала грудзью на воду:
Празь тебе я, мой миленькій,
Празь тебе я утону.

(Д.)

135. Вечерь пёмный, (2)

А ночка видная;
Бацька добрый, (2)
А matka лихая,
Не пуца на улицу,
Што я молодая.
Пусци, маци, (2)
Я не забавлюся,
Только хлопцамъ добраночъ дамъ,
И назадъ вернуся.
Да расчесау барынь кудри,
А дѣвчина косу,
Да пожау сивы волы,
На раннюю росу.
Пасидеся, сивы волы,
Не бойсея воука,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болиць голоука.
Напасвились сивы волы
И усѣ у радъ постали:
Да дзѣ тые оратые,
Што нами орали?
Пошли наши оратые,
Пошли у косарину,
Покосили руту—мяту,
Погребли на сѣно.
Бодай сѣно коломъ сѣло,
Коса зломилася,
Якъ у мойго миленькаго
Ручка утомилася.

(Д.)

136. Ой, волы мои все й половые,
Чаму сами не ореце?
Ой лѣта мои молодзенькіе,
Чаго марно йдзецце?
Ой я на волы повью поводы,
А на коники пута.
О кали бѣ не ты, сердце дѣвчина,
То бѣ не быбубы я тута.
Ой въздзи, въздзи, ясенъ мѣсячикъ,
Якъ млиновое коло.
Ой выдзи, выдзи, сердце дѣвчина,
Поговоримъ мы съ тобою.
Ой рада бѣ я выйць, рада бѣ говориць,
Объ насъ людзи говораць.
Ой нехай судзяць, нехай говораць
Хоць по цѣлому свѣту.
Я тебе любиу и цюбиць буду,
Мой ты дороги квѣту.
Мала пташечка маленькая
По былиноццы скаче,
Дурна дѣвчина неразумная,
По казаченьку плаче.
Ой я не плачу, я и не тужу,
Сами слёзоньки льются,
Што отъ милаго листочка нема,
Отъ немилаго шлютея.
Ой кали бѣ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣда за бѣдою,
То бѣ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Хоць я й за водою.
Ой калибѣ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣдонька докучила,
Тобѣ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Штобѣ я тутъ не скучила.

(Д.)

137. Звѣздиу коня, звѣздиу вороного,
Да скажи, сердце, правду,
Да ци будзе што съ того,
    Да ци будзе, да ци не,
    Да не суши сердца мнѣ.
Да покинь, дѣвка, годзи жартоваци,
Да пойдземъ до косцѣла
Съ тобою шлюбъ браци.
    Да свяжуць намъ ручки стулою,
    Да будземъ жици съ тобою.
Да цеперь ты кажешъ, што зоронька ясна,
А потымъ ты скажешъ: долечка нещасна.
Да цеперь берешъ и дужу й здорову,
Самъ же ты видишь по очкахъ весѣлу,
    А бронь Боже недуги,
    То ты помыслишь о другихъ.
Скарай мене Боже на души, на цѣли,
Коли я помыслию объ иншихъ тебе.
    Скарай мене Боже найвысшій,
    Коли я помыслию объ иншихъ.
Да не скажешъ ты, то маци:
Было мене бѣдной не браци,
Бо у мене посагу не было й не будзе,
    Бо у мене посагу я сама,
    Якъ на небѣ ясная зара.

(Д.)

138. За моремъ далѣкимъ,
Межь горъ высокихъ,
Гдѣ моя любезная Машенька живець,
Ой съ той стороны воздухъ пріятный несець.
Ой радъ бы я засцигнуць, правды распытаць.
Когда любишь вѣрно, люби ты мене;
А когда не любишь, убью самъ себе,
Самъ себе убью, въ сыру землю йду.
Пушай людзи скажуць, што я боленъ быу,

А того не знаюць, што сердце скрушиу.
Бо старыя людзи не разсудливы:
Знаць ены молодыми знаць не бывали,
Знаць ены любви знаць ены не знали;
Только ены знаюць, што я веселиуся,
А того не знаюць, што сердцемъ скрушиуся.

(Д.)

139. Быу у матки одзинь сынъ.

Да й той матки не слухау,
Да на войну поѣхау.
Матка сына провела
И зъ жалосци прокляла:
Бодай сынокъ яворомъ,
А коничекъ каменемъ,
А шапочка купинкой,
А хусточка рѣченькой,
А поясокъ сцежечкой!
Тудой ишла дзѣвочка...
Ой явору, явору,
Я съ тобою говору:
Будзе на тебе дробный дожджъ,
Еще къ тому зъ вѣтрикомъ,
Твойго голья надломиць,
Твое лисцья обгониць.
Ой дзѣвочка, дзѣвочка,
Цеперь же ты у бацюшки,
Цеперь же ты молода,
Цеперь же ты хороша;
А якъ пойдзешъ ты замужъ,
Будзе табѣ лихій мужъ:
Твое личко надобье,
Твоихъ косокъ надорве,
Твоихъ слѣзокъ надолье.

(Д.)

140. Долина (3) широкая,
По табѣ, долинушка,
Туманъ разсцилается,
Сонце выкатается,
Зара занимается.
У недзѣлю раненько
Выйду я на улицу,
Стану, подумаю,
Кого я любить буду.
Любила бѣ я женатаго,
Жена будзе сердитя;
Любила бѣ холостого,
Холостой оженится,
Любошъ перемѣнится.
Буду любить прежняго,
Солдата военнаго.
Солдатъ будзе у войску служиць,
А я буду здѣся жиць;
Солдатъ будзе воеваца,
А я буду гореваци;
Солдатъ будзе съ пушекъ биць,
А я буду слѣзы лицъ.

(Д.)

141. Ой крапива, ты крапивца,
Чаго рано позаивлевала?
Ни сжечекки, ни дорожечки,
Нима миленькому проходочки.
Мой милый су походу йдзе,
За собою пару лошадей ведзе.
Конь буланый попереду йдзе,
Помижи ножекъ буйну голову несе.
Коню, конь буланый мой,
Чимъ на табѣ я цежело сѣджу?
Не сами вы цежелы,
Цежела мнѣ муница ваша.

(Д.)

142. Ходзиу, блудзиу молодой молодчикъ по крутой
горы,

Расчесая русы кудзерки по всей головѣ,
Русые кудзерки расчесаючи,
На чужія на хорошія заглядаючи.
Што чужія да хорошія, якъ рожевый цвѣтъ,
Противъ мои невдашечки въ бѣломъ свѣци нѣтъ.
Возьму я невдашечку за бѣлу руку,
Поведу невдашечку на круту гору,
Кину, брошу невдашечку у вирь головой,
Еще трошка почекауши и самъ за тобой.
Остается конь вороненьки, сѣдзельшко,
Только сѣспи да поѣхаць икъ сцю на совѣтъ.
Дзень добрый, мой песцюхно, да й на добрый дзень.
Здоровъ, здоровъ, мой зяцюхно, да й на довги вѣкъ.
Отдау дочку да невдашечку только на семь лѣтъ.
Трудно, трудно, мой песцюхно, безъ невдашечки,
Десятая да недзѣлечка безъ рубашечки.
Бодай же ты, мой зяцюхна, семь лѣтъ не дабыу,
Якъ ты мою паненочку изъ свѣту згубиу.

(Д.)

143. Возлѣ рѣчки, возлѣ гаю,

Возлѣ цихаго Дунаю,

Берѣза кудрявая

Надъ рѣчкою стояла.

Тожъ не берѣза,

Тожъ не кудрява

Надъ рѣчкою стояла.

} прип.

Ой тамъ казакъ, ой тамъ млоды

Стаду коней наповау. Береза и т. д.

Стаду коней наповау,

На красну дѣвку моргау. Береза...

Поможи, поможи, красна дѣвка,

Стаду коней мнѣ загнаць. Береза...

Ой рада бѣ я помощи,

Да боюся бацюшки. Береза...
И боюся бацюшки,
И худой славушки. Береза...
Мене бацюшка не пабъёць,
Худа слава такъ пройдёць. Береза...
Худа слава такъ пройдёць,
Нихто замужь ни возьмёць. Береза...
(Д.)

144. Скука мнѣ, досада,
На улицу не йду.
Ёнъ шельма не зная, }
Што я его люблю. } 2.
Не любиць зломучицель,
Чаго мнѣ больше ждаць?
Кащицеса, горки слёзы, }
Кащицеса изъ глазъ. } 2.
Напрасно я страдаю,
Журу сама себе;
Я про гэта знаю, }
Не любиць ёнъ мене. } 2.
Якъ у поли вѣцерь
Всё одно цвердиць,
Такъ ёнъ зъ моей доли }
Смѣтеса и шуциць. } 2.
Смѣйся ты, безсовѣсний,
Смѣйся надо мной,
Богъ тебе накаже }
Нешасною судьбой. } 2.
Нешасною судьбой,
Невѣрною дружбой,
Невѣрною дружбой, }
Нелюбою женой. } 2.
(Д.)

145. Нихто того не вознау,
Да хто у мене ночевау;

Почевау же папоу сынъ,
Даровау же коней семь.
Дурна была не брала:
Шесцѣркою катала-бъ,
А семаго продала-бъ,
Да звощика наняла-бъ.
Звощикъ, баринъ молодой,
Ведзи коня да й напой,
Дзѣ криничная вода,
Тамъ дзѣучина молода.
Ой, дзѣучина молода,
Люби мене молойца.
Хозь я хаты не маю,
Женицися думаю.
Роби хату зь лебеды,
Да у чужую не ходзи:
Чужа хата не своя,
Гоняць съ хаты гультая.
Вѣцерь дуба хиляя,
Дзѣука воду цягая, (2)
Баринъ дзѣуки пытая.
Не пытай ты мене,
Не кохау ты мене;
Кохау мене татка
И родная матка.
Давелося дураку
Руки поцираци.
Поцирай, негодзай,
Коли давелося,
А мнѣ млодзѣ—млодзѣ
Такъ и осталося.

(Д.)

146. Охъ ты моя бражечка зелѣная,
А хто жъ цебе бражечку будзе пици?
Поѣхау Иванечка въ городочекъ
На малое времячко, на часочекъ,

За имъ, за имъ Машечка во слѣдочекъ.
Гнала, гнала Машечка, не догнала,
Въ вишнёвый садочекъ забѣжала.
Въ вишнёвумъ садочку вишня зелёная,
На вищанцы яблачко чирвоное.
Гнула, гнула Машенька, не нагнула,
Пріѣхавъ Иваночка, дакъ не чула.
Устань, устань, Машенька, пробудзися,
На мою колясочку подзивися,
Што моя колясочка не простая,
Што моя колясочка золотая.

(Д.)

147. Дѣвушка моя прекрасна,
Лицомъ бѣла и хороша.
Жисць наша съ тобой нещасна,
Што влюбился я въ тебя;
Улюбился, ухахауся
Въ твое бѣлое лицо.
Колько съ тобой я не знауся,
Знаць тобою не владзѣць.
Не мѣу бы я лѣпшаго щасця—
Сизы крылушки у себе:
Встрепенувся, полецѣу бы
У вишнёвый садъ гуляць.
У вишнёвумъ садочку
Дѣвушки гуляли,
Распрекрасну, расхорощу
Пѣсеньку играли.
Сѣу бы я, посѣдзѣу бы
На твое право плечо,
Посѣдзѣу бы, посмотрѣу бы
На твоё бѣло лицо.
Посѣдзѣуши, распросиу бы
Про здоровье про твоё,
Ци жива и здорова,
Ци весѣленько живешь,

Когда мене, любезная,
Къ сабѣ въ госци зазовешъ.
Я дужа и здорова,
И весѣленька живу;
Когда придзе часъ—уремя,
Тогда въ госци зазову.

(Д.)

148. Ой леѣбла пава,
Середь двора пала,
Траву разгортала,
Сокола шукала.
Соколе мой ясный—
Молодецъ прекрасный.
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька
Пшениченьку жаѣ“.
Козакъ до пшеницы,
Не нашоу дѣвицы;
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька,
Пошла до коморы,
Пошла до коморы
Посцель бѣлу слаѣ“.
Козакъ до коморы
И знашоу дзѣвицу:
„Дзѣвица сиротка,
Не сцели широка!
Посцели узенько,
Полягамъ близенько.

Будземъ говорици,
Якъ на свѣцѣ жици,
Будамъ размовляци,
Якъ ночь коротаци“.

(Д.)

з) *Любоничи, Бобр. уезда.*

149. Бѣлая берозочка голя опусцила,
Чаго мене молодую замужь покруцила!
Я у своего татуля не упила, не уѣла,
Я не упила, не уѣла, хорошо не походзила.
Только лѣты молодые свае потрацила.
Ой выду я молодая за ворота,
Покочу я два тарали (=талера) по дорозѣ.
Одзинь тараль покациуся, другий призоостауся,
Гдѣ мой милый, другъ любезный зѣ другойраспознауся.
Што мене молодой милый очурауся.

(Г.)

150. Да выду я за ворота,
Ажно луги да болоты;
Да выду я за другіе,
Ажно мое сердце ные,
Ано ные, понывае,
Любиць милый, покидае.
Да на дворѣ снѣгъ бѣленькій,
Ѣдзе, Ѣдзе мой миленькій.....
Яка дзѣука чорноброука
У вороцяхъ стояла?
Охъ ты дзѣука—гордовница,
Не гордуй ты мною,
Будзе твоя руса коса
Подъ моей нагою,
Будзе твоя бѣла посцель
Въ моей новой камори. ....
Будзе твоя посцель слатца,

Да слёзы ко мнѣ вливатца.
Будзешъ мои ножки мыць,
Да тую воду будзешъ пиць.

(Г.)

151. Гориць сердце, разгарае,
Любиць милый, покидае,
Не могу я жиць,
Безъ милаго быць.
Милый по улицы йдзе,
Зъ гора пѣсенку пѣе.
Выхадзила свѣтъ—надзежа
Да изъ новаго двора,
За ручку взяла,
У горницу увяла.
Посадзила на кроваць,
Стала его спрашиваць:
Цы ты будешъ со мной, милый,
Ночку ночеваць?
Онъ ничово не говорить,
Посцель слаць не велить.
Только говорить
Его проводзиць.
Я съ таго свѣта не устану,
Проводзиць цебе не стану,
Боюся цебе,
Обманешъ мене.
Ты же мене молода обманешъ,
Маю родню осмѣшъ.
Нельзя варациць
Къ атцу, къ матушкѣ.
Любилъ, любилъ — не буду,
За полчаса позабуду.

(Г.)

152. Сынку мой, Иване,
Серце мое кохане,

Ти мнѣ тебе жаниць,
Ти мнѣ тебе въ войско подаць?
Якъ я тебе ожаню,
Сама себе узвеселю;
Якъ я тебе въ войско оддамъ,
Сама сабѣ жалю поддамъ.
Выкупи мнѣ, мамонька,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Чецьвёрту золотую.
У перву трубу затрублю,
Коника сѣдлаючи;
У другу трубу затрублю,
Зѣ двора выѣжджаючи;
А у третью затрублю,
Серодѣ войска стоячи;
У золотую затрублю,
Салдатоу воюючи,
Галауки сцинаючи,
У поле брасаючи.

(Г.)

153. Ходзиць Маша по дубровѣ,
Разчорныя у Маши брови.
Сама Маша говорила,
Пастушка дружка манила:
„Сюда, сюда, пастушочекъ,
Сюда, миленькій дружочекъ,
Не спокинь мене сирацины
При широкой при далинѣ (*)
Въ лужку однае“.....
За частые кусики хоронилася,
Пушай мужъ прійдзець....
Не сцерпѣлося сердзечко,
Я промолвила словечко:

---

*) Дальнѣйшіе стихи сильно испорчены.

Я Машенька здэсь.
Онъ началъ зваць.....
Онъ цалуе, размилуе,
Своей женой называе:
Ты жена жъ моя, жонушка,
Жена, вѣрная служанка,
Не жджи ночеваць;
Не жджи мене порою,
Да вечернею зарею,
Я къ тебѣ приду, усю правду скажу.
Что жъ, Маша, что жъ ты, хороша,
Ты Ванюшу любишь, мене кинула?
Ваня часто разчасценько ходзиць,
Да госцинчики мнѣ носиць,
А ты никогда.

(Г.)

154. Журуся, журуся, не знаю чаго;
Съ миленькимъ разлука, очень цижало.
Разлучила судьба, судьба далеко,
Судьба далеко, далеко и высоко.
Оттуль вѣтричокъ дует, пріятно дуеть,
Дзѣ моя кралечка, кралечка живець.
Когда будуць слыхи, слыхи про нее,
Возму ее замужъ, замужъ за себе,
А слыховъ не будзе, забью самъ себе;
Я самъ себе забью, у сыру землю пойду.
Пушай людзи судзяць, што я боленъ быу;
А того не знаюць, што вѣрно люблю.
Пушай людзи судзяць, што сестра была,
А того не знаюць, якъ жена была;
Пушай людзи судзяць, што рожоная;
А того не вѣдзяць, што сужоная.

(Г.)

155. Соловейка мой размалюсенькій,
Голосочекъ твой растонюсенькій,

Ты не щелячи, угору летучи,
Не обивай росы, згоры летучи.
Буду щелятаць, сестрица моя,
Обобью росу сестрица моя.
Ти есць у тебе хлѣббъ, ти купляетца?
Ти есць у тебе родъ, ти признаетца?
Есць у мене хлѣббъ, онъ купляетца;
Есць у мене родъ—не признаетца.

(Г.)

и) *Борисовск. у.*

(отъ свящ. Павла Вуколовича**).

156. Ахъ вы сотнички, полковнички,
Вы чините свою волю, што я вамъ позволю.
Выведите коня вороного и усю его збрую,
Ти не заржетъ конь вороной хоть разъ надо мною.
Ти ни услышитъ отецъ матери съ каменной палаты...
Ти ня той же конь вороной по полю гуляить?
Ти ня той же казаченько, што роду ни маить?
Померъ, померъ казаченька у воскресенья рано...
Положили казаченьку у свѣтлицѣ на лауцѣ,
Прилетѣла кукушечка, стала куковати:
Устань, устань, казаченька, устань, мой миленькый!
Ой радъ бы, радъ бы я устати,—голоуки ни узнати.
Дубовыя да усѣ дошки притиснули ножки,
А жаутые усѣ пясочки притиснули животочка.

(Я.)

157. Ай рѣка, рѣка, рѣка быстрая,
Отчаго жъ рѣка такъ смутна стала?
Чаму жъ мнѣ рѣцѣ не смутитися?
Надо мной рѣкой три роты стоять.
А у первой роти сивый конь иржетъ,
Сивый конь иржетъ, дарожку чуить.

А у другой роти малайцы пяють,
Малайцы пяють, у паходь идуть.
А у третьей роти шабельки звиняць,
Шабельки звиняць голоуки стинать,
Дявица плачить: у палонь беруть.
Не плачь, дѣвица, не плачь, молода:
Коли жь буду я да и женитися,
Возьму жь я тябе за жану свою“.

(Я.)

158. Якъ паѣхау Данилушка во на Русь на войну, *)
Мати яго родитялка листь па листу писала:
„Твоя жана Катярина свою волю узяла:
„Коній твоихъ вороненькихъ позаганивала,
„Мяды твай салодкіе пораспаивала,
„Сукни твай бялёвыя позанашивала,
„Служакъ тваихъ вярнюсенькихъ позымѣнивала,
„Дѣтокъ твоихъ драбнюсенькихъ пораски дывала“.
Вотъ вярнуся жь Данилушка во со русской войны,
Жонка яго маладая пала у ноги яму.
Вотъ вынуу же Данилушка свой сувострусенькій мечъ,
Ды й сняу же имъ Катяринѣ головушку съ плечъ.
Якъ пашау же Данилушка во да стаежки сваей,
Ажъ кони яго вороные пазастаивали.
Якъ пашоу же Данилушка во да клѣти своей.
Ажъ мяды яго салодкіе пазапѣсьнивали 2.
Сукни яго бялёвыя пазапыливали.
Якъ пашоу же Данилушка да пакоевъ сваихъ,
Ажъ служки яго вярнюсеньки усѣ тихонька сидять 2.
Да на ручкахъ драбнюсенькихъ дѣточекъ диржать.
Богъ-дай тябе, моя мати, сыра зямля убила,
Якъ ты маю жонку Катярину со сьвѣту згубила.

(Я.)

---

*) 2 раза каждый стихъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Нѣкоторые варианты къ напечатаннымъ здѣсь пѣснямъ находимъ въ сборникахъ: 1) *Шейна*, Бѣлор. пѣсни, С.-Пб. 1870 (въ сокращеніи—Ш.); 2) *Шейна*, Матеріалы для изуч. быта и яз. рус. населенія зап. края, С.-Пб. 1887 (въ сокр.—Ш. Мат.); 3) *Безсонова*, Бѣлор. пѣс. (Бзс.); 4) *Романова*, Бѣлор. сборникъ, I, вып. 1 и 2 (Рм); 5) *Czeczota*, Piosnki Wiesniacze, Wilno, 1846, и др.

Ограничиваемся указаніемъ главнымъ образомъ бѣлорусскихъ параллелей, хотя можно было бы привести и множество другихъ, въ особенности малорусскихъ.

№ 3. Ш. стр. 292 и 340, № 611. — № 5. Ш. № 616. — № 14. Рм. 342, № 21. — № 16. Ш. 290 и 464, № 37. — № 29. Ср. жнивныя, № 71. — № 30. Ш. № 610. — № 33. Ср. ниже, № 39. — № 48. Рм. 341, № 14. — № 50, Ш. Мат. № 18 — 20. — № 51. Рында — прозвище лѣнливой, нерадивой, неумѣлой женщины, какъ и у Ш. Мат. № 135; не можемъ утверждать навѣрное, то-ли же это слово, что и въ малорус. загадкѣ: „екунда скаче, рында рые“ (ворона и свинья). *Семитовскій*, Малор. заг. 1872, № 342, и *Закревскій*, Старосвѣтек. бандуристь, 232, № 19. — № 52. Ш. № 252. — № 53. Бзс. 152, № 164. — № 54. Ш. № 149 и 155. Бзс. 13, № 15. — № 55. Поется, когда ходять съ козю. Суще ствуетъ выраженіе: „пѣць козла“=щедровать. — № 56. Ср. отчасти Малор. у *Лисска*, Збирникъ II, № 31; ср. ниже № 126. — № 57. Ш. № 426. Ш. Мат. № 350. Ср. мою „Малор. свадьбу“ № 7 и примѣч. *). — № 58. Бзс. 56, № 99; 157, № 170. — № 59. Поется и какъ веснянка. Ср. № 63. — № 61. Ср. № 62; Ш. № 165; Бзс. 15, № 20 — 1 и 59, № 105. — № 62. Ср. предыд. — № 63. Ср. № 59. — № 64. Ср. литовск. у *Куршана*, Grammatik der Lit. Sprache, 454, № 7 и примѣч. ib. 463, § 1672. Ш. Мат. № 379; Чечотъ 59, № 96, и друг. — № 65. Ср. ниже, № 67. Ш. № 269, 270. Ш. Мат. № 204. Бзс. 49, № 89 и 90; начало ср. у Ш. № 241. — № 66. Ш. № 127. — № 67. Ср. № 65. — № 69. Ш. № 305. Рм. 280, № 1. — № 70. Ш. Мат. № 314. — № 71. Ср. выше свад. № 29. Ш. № 357 — 362. Ш. Мат. № 301 — 309. — № 72. Рм. 284, № 15. — № 73. Ш. № 316, 352. Ш. Мат. № 283. Рм. 443, № 40. — № 75. Ш. № 100 и

*) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этнограф., 48, в. 1.

377. — № 77. III. № 381—385. III. Мат. № 316—318, 326. Рм. 286, № 24. — № 78. Поконая. Ср. ниже № 147. — № 79. III. Мат. № 289, 534—6. Рм. 18, № 34. — № 80. III. № 320. III. Мат. № 269, 274. — № 81. Рм. 87, № 40. III. Мат. № 173, 220, 263; начало ср. ниже № 124 и у Бзс. 58 № 103. — № 82. III. № 312, 448, 451. III. Мат. № 505. — № 84. Неоконч. Содержаніе напоминаетъ стихи о повстаньи; ср. у М. Дмитріева, Собр. пѣс., сказ., обряд. и обыч. крест. с.-зап. края, 113, Вильна 1869. № 85. Рм. 244, № 165 и 251, № 208. — № 86. III. № 543. — № 89. III. № 486. — № 90. Рм. 82, № 30. — № 91. Рм. 84, № 34. — № 94. Рм. 130, № 76. — № 95. Ср. начало ниже, № 155 и у Рм. 40, № 75. — № 96. III № 253 и мног. малор., нпр. Чубин. V, 242. — № 99. Ср. нач. въ моей „Малорус. свадьбѣ“, пѣс. 115, 171 и примѣч.; конецъ ср. у Рм. 122, № 57 и 420 № 162. — № 100. Оконч. малор., ср. мою „Малор. свадьбу“, примѣч. къ п. 76. — № 101. III. № 452. III Мат. № 507. Рм. 13, № 26. — № 102. III. Мат. № 364. Бзс. 148, № 157. — № 103. III. Мат. № 451—2. Малор. ср. нпр. Лисенка II, № 37. — № 104. Малор., ср. Чубин., 474, № 59. См. Потєбни, Объясн. малор. и средн. пѣс. II, 209. — № 105. Малор., ср. начало и мотивъ у Лисен. III, № 20; оконч. ср. въ моей „Малор. свадьбѣ, примѣч. къ п. 257 и у III. Мат. № 401, 415. — № 106. III. Мат. № 424. Малор. ср. у Лисен. II, № 25. — № 107. III. Мат. № 173, 220, 263. Рм. 5, № 13. Ср. ниже № 111. — № 109. III. Мат. № 591, 598. — № 110. III. 445. III Мат. № 463—4. — № 111. III. Мат. № 522. Малор. ср. у Чуб. V. 1208 и въ моей „Малор. свад.“, прим. къ п. 296 Ср. выше № 107. — № 112. Рм. 416, № 156; нач. ib. 154, № 126. Малор., нпр. у Чуб. V, 248. Великор. извѣстная: „Помель бы я къ Самѣ въ гости“. — № 114. Отрывки изъ нѣсколькихъ пѣс. Малор. у Лисен. I, № 20, III, № 36. и друг. — № 115. III. Мат. № 366. — № 118. Первые 12 стих. изъ другой пѣс. См. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 167 (косить-любить) и къ п. 18. — № 121. Рм. 67, № 7. — № 122. III. Мат. № 287, 419, 425. Ср. Чуб. V. 160, 346—7; Kolberg, Rokucie II, № 194, 237; Zbiór wiad. do antroj. kraj. (Краковъ), II. 3, стр. 261, № 3; VII. 3, 190, № 16; VIII. 3, 12, № 19; Жегота Паули. II. 118; Kollár I. 322, № 10. — № 123. Отдѣльные отрывки по-малор. у Лисен. IV. № 27; I. № 18, 9. — № 124. III. Мат. № 473—4; нач. ср. выше № 81. — № 125. III. Мат. № 498. — № 126. Нач. ср. у Рм. 67, № 8; продолж. малор. у Лисен. II. № 31; ср. выше № 56. — № 128. III. Мат. № 387, 398. — № 129. Чечоть, 25, № 42; есть масса вариантовъ на другихъ языкахъ. — № 132. III. № 397. — № 136. Малор.; ср. Чубинск. V, 275, № 540 и 184 № 373; Максимовича, 1834 г., 169; Головац. I. 256; Вацл. зъ Ол. 201 и 434; Лисен. II. № 34. Ср. мою „Малор. свад.“, примѣч. къ п. 61. — № 137. III. № 398. Малор. у Голов. I, 383. — № 138. ср. № 154. — № 139. Для оконч. см. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 76 и 269. — № 141. Рм. 136, № 87. — № 142. Рм. 19, № 36. — № 143. Рм. 341, № 13. — № 145. Ср. отчасти Рм. 258

№ 268; III. Мат. № 441. Малор. у Загревск., 95.—№ 147. Ср. выше № 78.—
№ 149. III. № 431. Ср. Лисенка II. № 35.—№ 154. Ср. № 138.—№ 157.
Три роты, ср. у Потєбни, Малорус. пѣсня по спис. XVI в., Ворон. 1876 г.
33; III. Мат. № 602.—№ 158. III. Мат. № 533. Рм. 375, № 113; 400,
№ 161. Чечотъ, 49, № 85.

Ноты прилагаются для слѣд. пѣсенъ: 1, 2, 3, 44—47, 51—2, 56—7,
63, 66—9, 74—5, 85, 97—113, 128, 135—7, 144, 148, 156—8.

Н. Янчукъ.

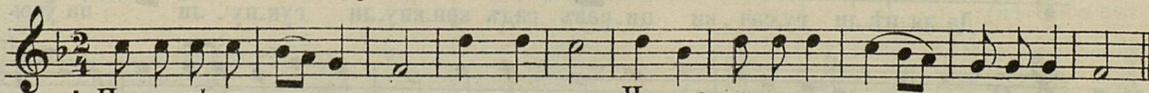
Москва.

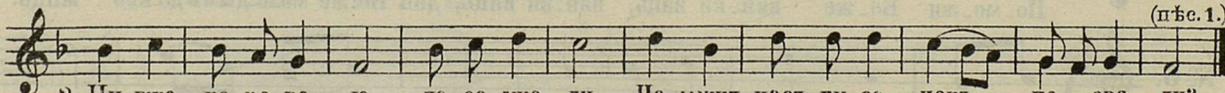
31 дек. 1888 г.

Бѣлорусскія пѣсни

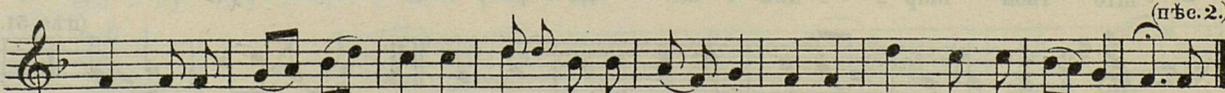
Минской губ.

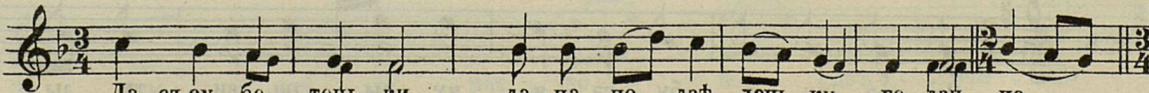
(приложеніе къ статьѣ Н. ЯНЧУКА.)

№ 1. 1. При-ле-цѣ-ли гу-сач-ки а зѣра-ю, Ци вже ка-ра-ва-ю по-са-джа-ли.

 2. Ци вже ка-ра-ва-ю по-са-джа-ли, Ча-мужъ насъ гу-со-чекъ не зва-ли? (пѣс. 1.)

№ 2. 1. От-куль ка-ра-вай-ни-цы, От-куль ка-ра-вай-ни-цы, ци зѣ Ми-ра, ци зѣ Не-сви-жа?

 2. Ци зѣ Ми-ра, ци зѣ Не-сви-жа, ци зѣ Ми-ра, ци зѣ Не-сви-жа, ци зѣ Я-зыль-ско-го се-ла? (пѣс. 2.)

№ 3. Да съсу-бо-тонь-ки да на не-дзѣ-лень-ку го-дзи-на

 Зѣж-джа-ла-ся Мар-цин-ко-ва ро-дзи-на (пѣс. 3.)

№ 4. ер. № 6. (пѣс. 44.)*
Да-ля-цѣ-ли гу-сач-ки ци-разъ садъ кри-кну-ли гук-ну-ли на ѱесъ садъ

№ 5. (пѣс. 45.)
По-мо-жи Бо-же вян-ки виць, вян-ки виць, дай Бо-же моло-дымъ до-вго жиць.

№ 6. ер. № 4. (пѣс. 46 и 47.)
Отъ та - бѣ Ка - ця - рин - ка уся на - дзѣ - - я,

 (пѣс. 51.)
што твой Мар - - цин - ка да - ра - биць ня умѣ - е

№ 7. (пѣс. 51.)
Сѣ-дзѣ-ла Ры-да да на-пе-чи-щи, Ры-да, Ры-да

№ 8. (пѣс. 52.)
За-пра-гу я бу-га-я, ку-ды лю-дзи, ту-ды я.

 (пѣс. 52.)
Да га - ю, га - ю, ку - ды лю - дзи, ту - ды я

№ 9.
 Ко - - му ве - - - черъ, ко - - му ве - черъ,

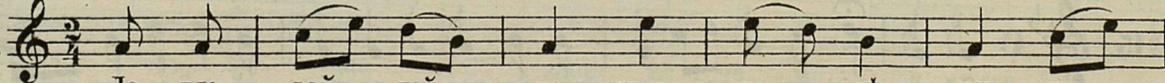
(пѣс. 56 и 57.)

 а мнѣ ве - че - ро - чекъ, а мнѣ ве - че - ро - чекъ

№ 10.
 Воля бу - шу - е вес - ну чу - е, Воля бу - шу - е,

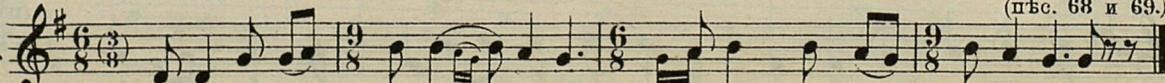
(пѣс. 63.)

 вес - ну чу - е, Во - ронъ кря - че, сы - ра хо - - че

№ 11.
 Да пла - ваѹ чоѹ - - но - чокъ по рѣ - чец - цы,

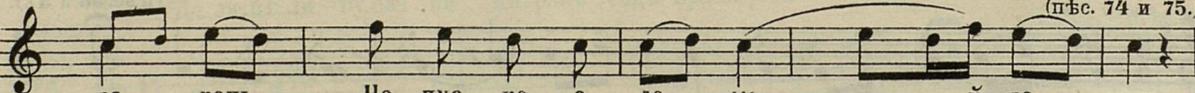
(пѣс. 66 и 67.)

 Да пла - - каѹ До - нат - ко по дзѣ - - воц - цы

№ 12.
 Я ду - ма - ла за - жа - ла - ся, Ажъ зноу съхва - стомъ за - ста - ла - ся

(пѣс. 68 и 69.)

№13. 8
Нашъ панъ ба - ранъ, ба - ранъ; Не пус - ка - е да - моу

 (пѣс. 74 и 75.)
за - - ранъ, Не пус - ка - е да - мо - - - ѱ за - ранъ

№14. 8
Па - рас - ла кра - пи - ва вы - ше га - ра - дзи - ща,

 (пѣс. 85.)
кабъ не на - ши, па - ни - чи, не бы - лобъ иг - ри - ща

№15. 8
Ой да эхъ не мо - гу я зъго - ра раз - гу - ля - тца, ой да то - ски ску - ки

 припѣвъ -
сваі - е ра - зо - гнаць тос - ку ра - зо - гка - - - цъ ой да Пой - ду зъго - ра

 (пѣс. 97.)
на бы - тру - ю рѣч - ку ой да са - ма ся - ду на крутъ бе - реж - ка

№16. (пѣс. 98.)
Бы - ла я у бацьки на вы - го - дѣ, Сѣ - я - ла о - рѣш - ки въ о - го - ро - дѣ.

№17.
Якъ мнѣ тош - нень - ко, якъ мнѣ чуд - нень - ко, са - ма не зна - ю отъ че - го.

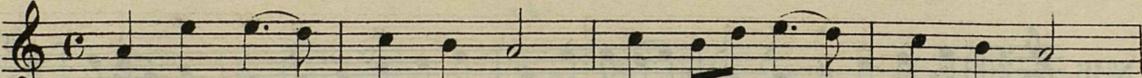
 (пѣс. 99.)
Эхъ ой пси - дзи - цежъ вы, при - ве - дзи - це мнѣ, ко - го я вѣр - но люб - лю.

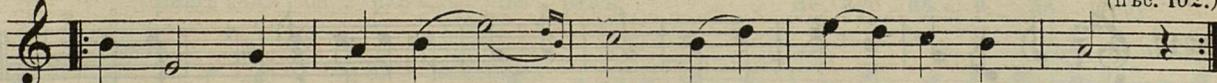
№18.
Ой скуч - но мнѣ скуч - но, якъ бы - лин - - цы въ по - - ли,

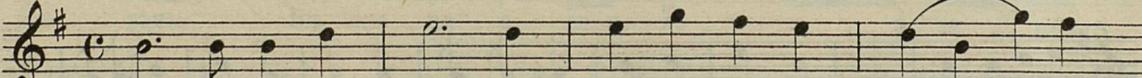
 (пѣс. 100.)
Ни - хтожъ не раз - ва - - жиць ме - не мо - ло - дои

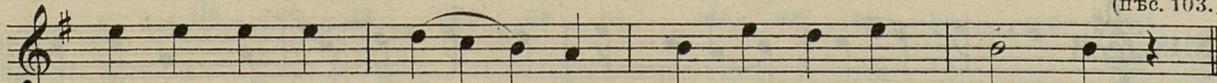
№19.
Бы - ла са - би у - до - ва по - ро - дзи - ла сы - ны два,

Ускор. (пѣс. 101.)
по - ро - дзи - ла, по - ви - ла въ ко - лы - бель - ку вло - жи - ла

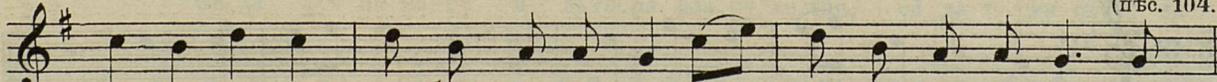
№20.
Ка - ли - на ма - ли - на у лу - зи сто - я - ла,

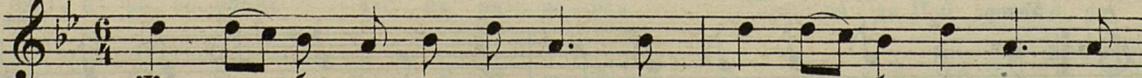
 (пѣс. 102.)
у лу - зи сто - я - ла, сто - я чи со - вя - ла

№21.
При - ле - цѣ - ла гал - ка, чу - жа - я зем - ляи - ка,

 (пѣс. 103.)
сѣ - ла е - на па - ла да на су - хой сос - нѣ.

№22.
Ой у по - ли у по - ли вѣ - церъ ка - ли -

 (пѣс. 104.)
пу ко - лы - ше, а братъ до се - стрич - ки ча - сты ли - сты пи - ше.

№23.
Жал - ко бы - ло ве - че - роч - ку што не бы - ла вчо - ра

(п'є. 105.)

што не бы - ла вчо - ра, а зм'єни - вся го - ло - со - чєк'є якъ ци - ха - я мо - ва.

№ 24. Не - зна - ла дз'є - вчи - на, што єй бу - дзе ли - ха,

(п'є. 106.)

пу - сци - ла Жау - п'є - ра в'є ка - мо - роч - ку ци - ха,

№ 25. Ой ка - ли - - на ма - ли - на, да што це - - бе ссу - ши - ло

(п'є. 107.)

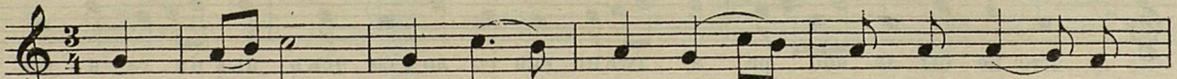
ссу - ши - ли ме - не буй - ны - є в'єт - ры и лю - ты - є мо - ро - зы

(п'є. 108.)

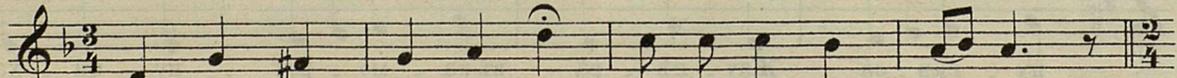
№ 26. Б'є - ла - я бе - ро - за по - хи - ли - ла - ся, да же на по - лу - жу за жу - ры - ла - ся

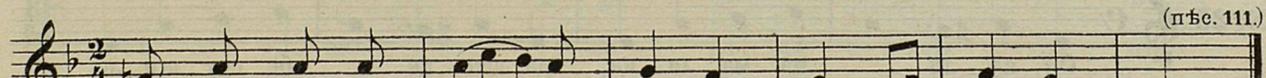
(п'є. 109.)

№ 27. При - ле - ц'є - ли дваси - зы - є го - лубы, с'є - ли - па - ли у вдовушки на дво - р'є.

№ 28. Ой вый - ду я на го - ру ой вый - ду я

 на го - ру, по - смот - ру я на рѣ - ку (пѣс. 110.)

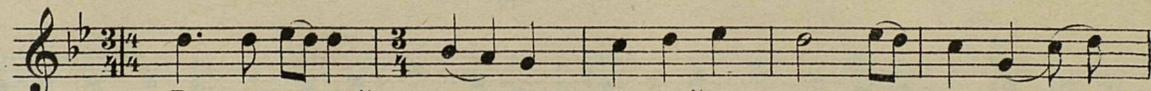
№ 29. Чимъ дубъ не зе - лё - ный, ци ту - ча по - би - ла?

 Ка - закъ не - ве - се - лый, ли - ха - я го - дзи - на (пѣс. 111.)

№ 30. Ой не - спит - ся не - дре - мит - ся и сонъ ме - не не бе - рець;

 по - шу бы я до - дзѣу чи ны, самъ не - зна - ю дзѣ жи - вець. (пѣс. 112 и 113.)

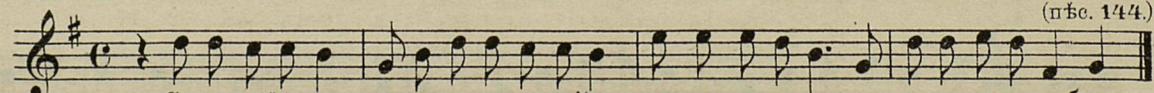
№ 31. Цѣм - на ноч - ка, да не вид - на - я, го - ло - воч - ка мо - я бѣд - на - я (пѣс. 128.)

№ 32.
Ве - черь цёмный ве - черь цёмный, а ноч - ка вид - на - я,

 (пѣс. 135.)
баць - ка доб - рый, баць - ка доб - рый, а ма - ци ли - ха - я.

№ 33.
Ой во - лы мо - и все и по - ло - вы - е ча - му са - мы не о -

 (пѣс. 136.)
ре - це? Ой лѣ - та мо - и мо - ло - дзень - кі - е, ча - го мар - но йдзе - це?

№ 34. (пѣс. 144.)
Скукамнѣдо са - да, на у - ли - цу не йду, енъ шельма не зна - е, што я е - го люб - лю

№ 35. (пѣс. 148.)
Сй ле - цѣ ла па - ва, се - редъ дво - ра па - ла, се - редъ дво - ра па - ла

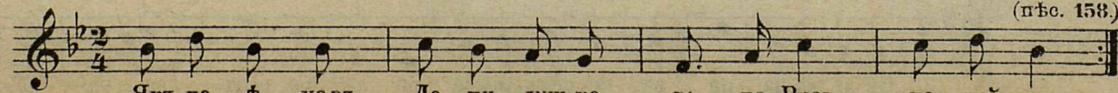
№ 36.
Вы_из_дзвѣтъ ко_ни_ка, вы_из_дзвѣтъ дру_го_го, Ой чи_що бу_де,
Пы_та_ю ди_вчи_но, чи_що бу_де зы_то_го, (см. пѣс. 137.)

а чи_не, не_ро_би за_хо_ду со_бѣ й миѣ (Сѣдл. г.)

№ 37.
Ахъ вы сот_ничи пол_ков_ни_чи, и што я вамъ по_зво_лю.
Ой чи_ни_тяжъ сво_ю во_лю (пѣс. 156.)

Ой чи_ни_тяжъ сво_ю во_лю и што я вамъ по_зво_лю.

№ 38.
Ой рѣ_ка, рѣ_ка, рѣ_ка бы_стра_я, от_че_го_жъ рѣ_ка такъ смут_на ста_ла

№ 39.
Якъ па_ѣ_хавъ Да_ни_лу_шка во_на Русь на вой_ну, (пѣс. 158.)

2007088017